альманах

АБЗАЦ

поэзия проза графика Редакция:

Данила Давыдов Валерий Нугатов Анна Голубкова Павел Волов

Рисунки Кристины Зейтунян-Белоус

Мнение авторов альманаха может не совпадать с мнением редакции или отдельных ее участников.

Художественное оформление: Асия Момбекова

Техническая поддержка: Сергей Шук

> Верстка: Елена Иванова

Замечания и предложения присылайте по адресу: almanac absatz@mail.ru

Абзац: альманах. Вып. 3. – Москва, 2007. - 220 с.

Изначально альманах задумывался как выражение мировосприятия «поколения 90-х», период взросления которого пришелся на время смены идеологий. Если первый сборник был по отношению к идее издания более декларативным, то второй показал несомненное наличие заявленной общности. В третьем выпуске предпринимается попытка выработать на этом основании некоторую эстетическую концепцию. В нем опубликованы авторы из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Набережных Челнов, Саратова, Твери. В качестве гостей выпуска представлены петербургские поэты Тамара Буковская и Валерий Мишин.

© «Абзац», альманах, 2007

Содержание:

Валерий НУГАТОВ. Добро пожаловать в дурдом. Статья.	5
Владимир НИКРИТИН. Человек, проигравший себя в прятки. Стихи.	10
Андрей ЕМЕЛЬЯНОВ. Три копейки. Щит Морока. Последний поезд. Рассказы.	22
Андрей СЕН-СЕНЬКОВ. Спичка с фабрики девушек. Родильная горячка, XVI век. Стихи.	32
Дмитрий ДАНИЛОВ. Нагорная. Капотня, Верхние поля, Северный полюс. Рассказы.	39
Валерий НУГАТОВ. Новые стихи из цикла «fAKE» (2007).	48
Сергей СОКОЛОВСКИЙ. Несколько дней после приема пищи. Прозаический цикл.	67
Вадим КАЛИНИН. Пока не упал арбуз. Стихи.	78
Игорь ЛЁВШИН. Пророк. Рассказ.	90
Алексей ДЕНИСОВ. За жизнь: несколько песенок в хронологическом порядке.	92
Ольга ЗОНДБЕРГ. Смилуйся, государыня рыбка. Рассказ.	97
Анна ГОЛУБКОВА. Очарование убожества: основные тенденции прозы Дмитрия Данилова. Статья.	105
Тамара БУКОВСКАЯ. По ту сторону слов. Стихи.	122
Дарья СУХОВЕЙ. Тамара Буковская и Валерий Мишин. Заметки на полях.	129
Валерий МИШИН. ЧЕРДАЧНОЕ. Стихи.	131
Юрий ОРЛИЦКИЙ. Хочется сказать хорошее. Послесловие к публикации.	138
Николай ЗВЯГИНЦЕВ. Правила поведения. Стихи.	140

Данила ДАВЫДОВ. Наброски будущей статьи. Заметки на полях.	143
Федор СВАРОВСКИЙ. Газовый вопрос. Стихи.	144
Георгий МАНАЕВ. Заметки о звучащей поэзии. Статья.	155
Геннадий КАНЕВСКИЙ. Песни стратегического назначения. Стихи.	158
Алексей ЯКОВЛЕВ. 65-я клетка. Эссе.	166
Мария ГЛУШКОВА. Из цикла «Розовый куст». Стихи.	170
Сергей СОКОЛОВСКИЙ. Зомби и сын. Статья.	176
Андрей МОЛЬ. Звуковая юность. Стихи.	181
Анна ОРЛИЦКАЯ. Выдохни меня как дым сигареты. Стихи.	189
Массимо МАУРИЦИО. "Хочешь" Земфиры как гипертекст. Вольные размышления.	190
Дмитрий ВИНОГРАДОВ. Куда бежать. Стихи.	195
Роман АРБИТМАН. Шоу будет продолжаться. Критическая заметка.	201
Дмитрий ВИНОГРАДОВ. Закрытие волшебной страны. Заметки на полях.	204
Павел ВОЛОВ. Конец Λ итературы. Эссе.	206
Харитон МОЛВИЩЕВ. Парабеллум, дорогая! Парабеллум, дорогой?! Рассказ.	209
Анна САПЕГИНА. Из цикла "Коммуналка". Короткие истории.	212

Валерий НУГАТОВ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ДУРДОМ

Дамы и господа, леди и джентльмены, медам и месье, дамен унд херрен, пани и панове! Спешите видеть! Только одно представление в вашем городе! Количество мест и билетов ограничено! VIP и галерка уже распроданы, осталось совсем немного в танцевальном партере! Не теряйте времени! Не упустите свой шанс! Бросайте все свои дела и мчитесь к нам!..

Кстати, хотелось бы вначале сказать пару слов о современной литературе.

Как всем хорошо известно, современная наша литература прекрасна и многогранна, способна удовлетворить (и удовлетворяет) как самые взыскательные, так и самые невзыскательные вкусы. Спектр ее широк и разнообразен – от презрительных «эстетов» и «снобов» с внушительным апломбом до профессиональных профанаторов и вульгарных популяризаторов. Гамма – еще более великолепна: розово-коричнево-черно-бело-красно-голубая.

Столпом ее и твердынею служат, бесспорно, толстые журналы. Всякий честолюбивый литератор, который не имеет к ним прямого отношения, обычно брезгливо называет их «истеблишментом», но в глубине души мечтает туда проникнуть и там напечататься. Ведь это – мир уважения и почета, хвалебных рецензий, крупных денежных премий, лестных знакомств, светской жизни и роскошных фуршетов с дорогими коньяками и морепродуктами. Короче говоря, это вожделенный литературный Олимп, на котором счастливые лица литераторов клеймятся общепризнанным знаком качества. По каким же критериям попадают в этот писательский парадиз начинающие и не очень авторы? Во-первых, это, конечно, талант. Бездарям там не место. Во-вторых, это, разумеется, общительный и мягкий характер, умение уважительно прислушиваться к советам и рекомендациям старших коллег и делать соответствующие выводы. В-третьих, немалую роль играет здесь возраст и пол литератора: поскольку заведуют этим раем преимущественно мужчины средних лет гетеросексуальной ориентации, естественно, у молодых талантливых писательниц и поэтесс шансов попасть туда значительно больше, но патриархи, безусловно, могут испытывать теплые отеческие чувства и к молодым начинающим писателям. Со временем молодые начинающие писатели обычно становятся

немолодыми литературными функционерами и, в конце концов, занимают руководящие посты своих покровителей, которые уходят на заслуженный отдых или в мир иной. В блаженной стране толстых журналов не возникает острых конфликтов между поколениями, там царят подлинная идиллия, мир и покой.

Однако некоторые строптивые и своенравные молодые люди избирают более трудный путь к признанию – отвергая или подвергая сомнению охранительный авторитет толстожурнальной твердыни, они противопоставляют ей «свободу творчества» и становятся апологетами «актуальности» в современной литературе. Чаще всего эти молодые авторы равняются на своих иностранных, главным образом, западных counterparts и берут с них пример в манере письма, тематике, да и в общем образе мыслей и даже образе жизни. У этих молодых людей тоже есть свои вожаки, пламенные борцы с ненавистным «истеблишментом» и пропагандисты новаторского подхода в искусстве. Так как большинство этих молодых людей не являются профессиональными литераторами, а работают, как правило, в сфере рекламы, СМИ, РР и т. п., их произведения находят живой отклик среди коллег по работе, а также актеров, певцов и режиссеров, т. е. представителей вполне благополучного среднего класса, который в старину еще уважительно именовался интеллигенцией. Мир «актуальной» литературы тоже довольно безоблачен и комфортен, и многие начинающие авторы стремятся туда попасть и занять там какое-нибудь удобное место. Кроме того, хотя «новаторы» поддерживают тесные отношения с западной литературной общественностью и страстно полемизируют с толстыми журналами, многие со временем остепеняются и идут на обоюдный компромисс с «истеблишментом», который, со своей стороны, заинтересован в ограниченном вливании свежих, но управляемых художественных сил. Таким образом, никакого глубокого конфликта между «рассерженными молодыми людьми» и «заплесневелыми консерваторами», в сущности, нет: наиболее гибкие из них готовы идти навстречу друг другу, соблюдая при этом необходимую разумную дистанцию, способствующую динамике их взаимовыгодных отношений.

Следует упомянуть еще об одном весьма многочисленном и решительно настроенном лагере: сами они позиционируют себя как приверженцев «прикладной поэзии», способной удовлетворить примитивные «народные вкусы», а их оппоненты безапелляцион-

но называют их «графоманами», добавляя порой уничижительное определение «сетевые». Художественный уровень произведений этих «прикладников» в целом сравнительно невысок, они сами, как правило, сознают это и даже признают - нередко с изрядной долей озлобленности. Но даже в этой среде есть авторы, способные, благодаря своей напористости, общительности или большим знакомствам, пробиться в один из двух основных процветающих литературных лагерей (внешне конкурирующих, но, на самом деле, как мы уже выяснили, сотрудничающих). Разумеется, такой шанс есть далеко не у всех «графоманов», и это обстоятельство вызывает подчас язвительные нападки с их стороны в адрес благополучных, но «закрытых» (для них) литературных «тусовок». В данном случае многое, конечно, зависит от элементарного везения. Впрочем, поскольку большинство этих авторов также принадлежат к обеспеченному среднему классу, да еще и рассматривают литературу как безобидное «хобби», не подразумевающее никакой эстетической ответственности, недостаток внимания к их собственному творчеству со стороны «экспертов» им удается компенсировать разнообразными окололитературными проектами, обычно кратковременными, но довольно шумными. Так или иначе, они тоже представляют немалую литературную общность, старающуюся заявить о себе при каждом удобном случае.

Необходимо признать, что, несмотря на перечисленные различия, у всех трех группировок есть нечто общее: в своей деятельности они руководствуются здравым смыслом, некими объединяющими условностями и элементарной человеческой логикой. Делают они это неосознанно, не допуская даже мысли, что возможны какие-либо другие варианты. В то же время в литературной среде появилось довольно много талантливых людей, сомневающихся в том, что человеческий разум и логика должны служить единственным и непогрешимым ориентиром в литературной и вообще художественной деятельности. Нынешний status quo нагоняет на них уныние, тоску и скуку, а убийственная зевота сводит беднягам челюсти. И тогда эти бесстрашные исследователи возможностей сознания и подсознания с готовностью апеллируют к эстетическому потенциалу безумия, сумасшествия и самых разнообразных «психических отклонений» от общепринятых норм здравомыслия, устанавливаемых силовым произволом торжествующего большинства. Вследствие этого такие авторы сталкиваются с полным

или частичным непониманием других, более конформных фигурантов литературного процесса, которые, желая откреститься и обезопасить себя от них, именуют их «маргиналами», «радикалами», «экстремистами» и прочими унизительно-бранными с точки зрения господствующего дискурса кличками, старательно вытесняя их тем самым на обочину уютного магистрального пути современной литературы. Разумеется, представители литературного «официоза» и литературного «мэйнстрима», невзирая на обладание реальной литературной властью, подспудно чувствуют некую смутную угрозу со стороны непонятных и непредсказуемых «маргиналов». Просто дело в том, что позиция последних объективно шире и сильнее позиции первых: ведь безумец полагает, что пресловутое здравомыслие – лишь одна из возможных форм умопомешательства, узаконенная обществом, а здравомыслящий человек герметично упакован в кокон очень хрупкой и зыбкой нормы, опрометчиво возведенной им в абсолют. Все, выходящее за пределы этой нормы, воспринимается им как абсурдное, неуместное и, в конечном счете, идеологически вредное. Признать ценность какого-либо ненормированного высказывания для него равносильно тому, чтобы поставить под сомнение саму «основу основ», а он никогда этого не допустит, поскольку здравомыслящий человек - это человек основательный. Здесь нужно также учитывать широко распространенное явление эстетической мимикрии, при котором вполне невинные и конвенциональные произведения иногда облекаются в «странноватую» форму и выдаются за плоды легкого «поэтического сумасшествия». Такие произведения приятно щекочут постмодернистское нёбо здравомыслящих ценителей и без особых проблем ими принимаются, поскольку в сущности не таят для них никакой опасности. В то же время действительно субверсивные тексты иногда скрываются за внешне традиционным фасадом, который способен ввести в заблуждение не очень внимательных читателей и даже «экспертов».

Возможен ли компромисс между «безумными» и «нормальными» литераторами? В действительности, возможна лишь видимость компромисса: с одной стороны, «безумец» может хотя бы отчасти признать ценность общепринятой нормы, и тогда его самого отчасти признает здравомыслящее литературное сообщество, но в этом случае «безумец» поступит чересчур логично и, следовательно, перестанет быть в полном смысле слова «безумцем»,

эстетический конфликт будет на этом исчерпан, а надобность в серьезном компромиссе отпадет. С другой стороны, «безумец» может замаскироваться под нормального и втереться в доверие к здравомыслящему литературному сообществу, но это уже будет, разумеется, никакой не компромисс, а скрытая форма подрывной деятельности. Приходится признать, что действительный компромисс между безумием и нормой в принципе невозможен. Подобная ситуация, разумеется, не нова, но беда в том, что hic et nunc не существует никакого общественного института, который мог бы объединить литературных «девиантов» и «делинквентов», признав их реальной силой литературного процесса и придав им легитимный статус*. С другой стороны, подобный институт никогда не поздно создать совместными усилиями пассионарных «безумцев». Для этого им придется хотя бы на время отказаться от присущего им высокомерия и, симулировав основные симптомы душевной болезни под названием психическое здоровье, понарошку поиграть немного в нормальных, какой бы скучной и нелепой ни казалась им такая игра. Конечно, так можно и заиграться, но безумцы – люди не робкого десятка и любят рисковать.

Результат, как всегда, будет непредсказуемым – так что не теряйте времени, дамы и господа, и не упускайте свой шанс. Милости просим к нам в дурдом.

D

^{*}В качестве исторического примера таких художественных объединений можно привести сюрреалистическое движение, дада, немецких экспрессионистов, ОБЭРИУ, УЛИПО, движение битников и т. д.

Владимир НИКРИТИН

ЧЕЛОВЕК, ПРОИГРАВШИЙ СЕБЯ В ПРЯТКИ

Он выходит во двор где ждёт неприятная встреча

Не угадаешь заранее когда мір извернётся и укусит Большой Б-г играет маленьким человеком Дёрнет ручку Ножку проведёт ногтем большого пальца по нежному горлу

Время страха время любви время распада настигает внезапно Пчела тонущая в бензине не знает что тонет в бензине

Он поймает такси назовёт точный адрес расплатится сразу И по дороге может быть пару раз улыбнётся

Это признак сильных и смелых осознавать свою -нелепость- Осознавать свою -смертность-

-шаткость-

-необратимость- своих поступков

Он же

продолжит путь

ни мало не сомневаясь

Что найдёт

на прежнем месте

оброненный им у подъезда окурок

Избежавший

пока

страха

боли

и -египетских казней-

Избежавший

пока

-глада-

-мора-

и -землетрясений-

Существо

обречённое на всех дискотеках мира

Говорить:

«включите пожалуйста свет

мне кажется

я потерял свою зажигалку»

* * *

Уходи Федот уводи Кондрата

Я сам здесь справлюсь -

- дело нехитрое

Вы постойте там

покурите на лестнице

Я ведь сам могу -

- привычное дело

Я останусь здесь,

знаком умножения

Лягу на полу

спою песенку

Посчитаю в уме разноцветные шарики А после пойду танцевать на площадь.

Вам же – совсем в другую сторону...

На маленькие белые кирпичики неправильного меня разобрали И вымостили площадь перед Кјольнским вокзалом

Но в каждом кирпичике жило маленькое злое сердце Не умеющее любить А желающее лишь делать больно

И вот Кјольнский вокзал сделался Белорусским А потом – и вовсе - Казанским

А маленькие белые кирпичики Срослись в одно большое доброе сердце

Не умеющее любить Но не желающее делать больно

Найди это сердце На площади трјох вокзалов

Вонзи в это сердце Серебряную булавку

И может быть оно снова станет мною

Не умеющим любить И так многим сделавшим больно

Чужой оргазм пустое зеркало Окно в ночи печные трубы И озеро – как будто отпечаток ступни того кто мог бы лишь одним движеньем разрушить всю эту –незыблемость-

Давай-ка

нас обоих

знаешь чего Останемся в этом баре Споем караоке спляшем похабный танец Разломаем пару столов И вон та угрюмая пара сделает из нас коктейль и подаст кому-нибудь охлажденным Или поедем ко мне послушаем диско Изобразим в ванной спонтанное садо-мазо А утром я проснусь первым Буду курить и думать о том как же я ненавижу

* * *

Пойдём отсюда архип странный какой-то сервис Да ещё те двое на нас вылупились как только мы уселись Пойдём пока не случилась беда

Девяностые не вернутся никогда

Серый – преобладающий цвет этого мира Давай зайдём за одной знакомой ты знаешь её – Мирра Что такое архип постой ты куда

Девяностые не вернутся никогда

Дома одна кушетка и письменный стол ты и этому рад Пол не мыт со времён когда ной плясал на горе арарат Кстати на кухне не чинен кран – подтекает вода Девяностые не вернутся никогда

Пепел от фотографий похож на табачный пепел Ни в одном из жилищ архип ты хозяином не был Впрочем и это всё ерунда

Девяностые не вернутся никогда

Вымыв пол за столом человек голову в руки уткнул Что за дело архип ты плачешь или уснул Тут картинка бледнеет экран рассыпается в порошок Девяностые не вернутся – и хорошо

А король-то на самом деле вовсе не голый А на короле-то на самом деле набедренная повязка Ожерелье из птичьих черепов из мелких косточек бусы А в правой руке кривая острая сабля

А мы-то глупые над ним смеялись А мы-то смеялись и показывали пальцем Потешались, потешались над своим королем И что же нам несчастным теперь за это будет?... Здесь два стола
Один из них с секретом
В нем поселились Моцарт и Сальери
Поют
смеются
курят беломор
И дым из-под столешницы пускают

Другой же прост и плоск На нем лежит гроссбух Заложенный похабною картинкой

А на картинке Нет ты только посмотри Все те же Моцарт и Сальери

Человек Проигравший Себя В Прятки Человек Который Никогда Ничего Не Стоил В общественном туалете у Казанского вокзала Корчит рожи перед зеркалом

Человек Не Имеющий Проездного Билета Медицинской Страховки И Московской Прописки Пытается незаметно уйти из кафе Не расплатившись

Человек Отменивший Важную Встречу В записной книжке не найдя нужный номер Оставляет мобильный телефон На одной из скамеек на Тверском бульваре

Солнце в Скорпионе; Луна в Деве. День нестабильный. Намеченные планы подвержены серьезным корректировкам. В делах требуется большая осмотрительность и осторожность...

...Соберешь чемодан и отпросишься на послезавтра

Ничем не примечательным обычным таким утром Человек просыпается с чувством выполненного долга Что-то эдакое накануне он сделал Что существенно обогатило его жизненный опыт

Только вот никак ему не вспомнить Что именно у него получилось сделать И непонятно отчего же теперь хочется Думать о себе в третьем лице

Мы выходим в другую комнату чтобы сказать друг другу несколько слов правды

* * *

В это время белые пароходы бегают по воде

Один маленький заблудился в камышах Но пока не боится

Неторопливо исследует окрестности Странные серо-зеленые вещи вокруг Не замечая как иногда увязают колёсики в тине

И вот вскоре перед ним открывается берег

А мы возвращаемся обратно

* * *

Людвиг уходит на ратный подвиг Ядвига плачет в углу Коленки сухонькие в пол – тюк! А следом и лоб пустая голова

А Людвиг рассовывает по карманам Пистолеты и прочую всякую дребедень Сурово хмурится наматывая портянки Недовольно бормочет застегивая последнюю какую-то там пряжку

Сверкающий апрель ждет его за порогом И по-военному красивый автобус На холостом ходу вдумчиво смакует казенный бензин

* * *

Иногда я пропадаю потому что пьющ Иногда мне кажется я говорящий плющ Моя голова предаёт меня каждый день Это пиздец архип продолжать мне лень

но пальцы всё путаются в клавишах вот в чём беда говорящий плющ немая вода а в пустынях говорят бывают миражи здесь пустыня архип давай покажи

никогда не получается узнать наперёд что выйдет кто выживет кто умрёт в этом бесконечном дурном кино однако мне уже всё равно

я держусь за горло давлюсь коньяком экая скажешь роскошь коньяк становись песком становись великой сахарой дурная моя голова только бы спазм прекратился сперва

это не стихи не стихи не стихи мы последние люди в мире архип мы тихи настолько что ни на одной частоте нас никто не услышит нигде

так что давай ещё по одной по одной по одной я любил их всех а теперь пора на покой и если мы сдюжим ещё хоть неделю давай извинимся уже перед кем хотели

прости меня ты и ты и конечно ты просто мы прорастали среди пустоты среди бесконечной сахары сами в себе одни...

кстати - и ты архип меня извини

Когда на канале по которому транслировалась моя жизнь Снова началась рекламная пауза – Г-сподь заскучал

Он нашарил пульт Переключился на реалити-шоу из восточной Азии И задремал под заунывные бесконечные молитвы

Так Он проводит все вечера переключая переключая переключая каналы Надеясь найти передачу Способную хоть немного Его развлечь

Но я и подобные мне Выходящие в эфир на дециметровых частотах Вряд ли надолго задержат

Его внимание

```
Они оставили после себя
  съезжая
Круглые пятна от цветочных горшков
  на подоконнике
Дважды
  в жизни
я входил в эту комнату
Первый раз –
Волнуясь
  (можно и так:
  -не находя себе места-)
Теперь же
  ступив за порог
Только -лёгкая горечь-
Будто первым трамваем
В новогоднее утро
Под медленный
  ласковый
  снег
Здесь прекрасная пустота
И слова
  возвращаются
  подорожав
  (чем не радость, дружище?)
А внизу
  под колёсами
  смерть принимают безропотно
Все наличные вариации
  твоего
  самодельного
```

прошлого

три копейки

По ночам здесь особенно душно. Он уже и окно открыл, пусть себе шумит набегающая волна, пусть дробится с грохотом где-то о скалы, но никакой ожидаемой прохлады, никакого ночного ветра... Он сидит голый на кровати, багровеет от непрерывного кашля и курит последнюю сигарету в своей жизни. Каждую ночь он обещает себе, что это самая последняя сигарета в жизни. Он шепчет что-то в свои рыжие усы, и кажется, что он молится какому-то никотиновому богу, скорчившему на потолке сочувствующую рожу из дыма и неясных полутеней.

Днем он обычно бродит по пустынному пляжу, а потом поднимается в самый центр раскаленного городка и пьет противный холодный чай в самом темном углу кафе. Чай отчего-то воняет рыбой. Здесь все воняет рыбой, все... Проститутки, вечерний выпуск местной газеты, пьяные матросики, уснувшие под соседним столом. Только рыба не пахнет рыбой. Местная рыба пахнет уютом кожаного кресла в его далеком рабочем кабинете. Честное слово, это так. Можете приехать и убедиться сами.

Он пьет холодный чай и рассматривает свои пальцы. Ему мучительно хочется курить, но он помнит ночное обещание самому себе и знает, что до шести часов его сила воли будет непреклонной. До тех пор, пока он не увидит Зою... Зоеньку... Зоя Анатольевна появится из-за угла, пройдет неспешно мимо кафе и даже не посмотрит в его сторону. А он выскочит на улицу, кинув на стойку смятую банкноту, и почти побежит, окунувшись в розовый вечерний цвет узких улиц. Он будет идти вслед за ней и делать вид, что просто прогуливается, просто идет к морю, чтобы подышать морским воздухом, очень полезным, насыщенным солями и прочими штучками, о которых со священным ужасом говорят столичные врачи. Он будет идти с независимым видом, и только пальцы будут выдавать его волнение, нервно хрустящие пальцы. Так кажется ему, но на самом деле сотни глаз за полуприкрытыми ставнями будут провожать его, ведь все давным-давно знают драму Николая Степановича и жалеют этого столичного чудака, больного и никем не любимого человека.

Три копейки 23

Он идет вслед за нею, спотыкаясь и неловко одергивая полы сюртука, и каждый раз на перекрестке улиц Верхней и Кипарисовой к нему подбегает мальчишка, протягивает пачку сигарет «Ира» и жадно собирает-склевывает с потной ладони Николая Степановича три горячие копейки. Три копейки блестят на закатном солнце, льются медом сквозь пальцы мальчишки в карман. В кармане полно всякой всячины, но для ежедневных трех копеек всегда найдется место.

И Николай Степанович идет дальше. Поднимается пыль от проехавшего мимо таксомотора, пугливо хрипят легкие от первой, горькой и пахнущей рыбой, затяжки, а Николай Степанович продолжает идти за Зоей Анатольевной. А она раскланивается с каждым встречным, улыбается влажными глазами старому армянину-сапожнику в фанерной будке и исчезает в черном подъезде. Николай Степанович ревнует, он ненавидит и сапожника, и водителя таксомотора. Он ненавидит всех этих людей и даже к бездомной дворняге, неизменно лежащей у подъезда, он испытывает яростную злобу.

Простояв недвижно около часа рядом с этим дурацким подъездом, он бросает рассеянный взгляд на собаку, на сапожника, запирающего свою будку на огромный амбарный замок, и быстро идет, почти бежит, обратно, в кафе. Он чувствует взгляды на своей спине, он знает, о да, теперь он точно знает, что над ним все смеются, все его презирают. До позднего вечера он пьет вино, пахнущее рыбой, в самом темном углу кафе. Николай Степанович не пьянеет, а только наливается нехорошей решительностью.

Он дрожит от ярости и не может успокоиться, даже оказавшись дома. Он сидит голый на кровати, обещает себе... да, он обещает себе, что сейчас он пойдет к Зое Анатольевне, к Зоеньке... Он убьет ее. Неважно как, но убьет. Может быть, задушит, а может, ударит бутылкой по ее прекрасной светлой головке. Или, например, застрелит из браунинга. Господи, да где же теперь, средь ночи, взять браунинг? Лучше все-таки задушить ее, и пусть она лежит бледная и красивая, в ночной рубашке, поперек кровати, а он пойдет и утопится, ей-богу, утопится тот же час в беспокойном море. И пусть эта сигарета будет последней, пусть... Но он вспоминает, что завтра мальчишка не дождется своих трех копеек, и будет стоять напрасно на перекрестке улиц Верхняя и Кипарисовая, переминаясь с ноги на ногу, но Николая Степановича так и не дождется.

Николаю Степановичу становится до слез жалко и мальчишку, и себя. Он падает на смятую постель, плачет, по-бабьи всхлипывая, а потом незаметно для себя засыпает. Ему снится, будто Зоя Анатольевна прямо на улице, перед подъездом, униженно умоляет его о чем-то, горячо признается ему в любви, а за ними наблюдает дворняжка, восседающая в будке вместо армянина-сапожника, и с ласковым звоном катятся по брусчатке три солнечные копейки...

14.07.04

ЩИТ МОРОКА

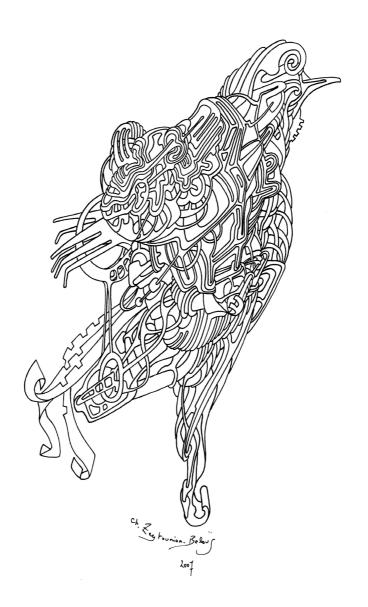
– Вся земля – это щит слепого великана Морока, и катится этот щит по бесконечному звездному покрывалу. Звезды на покрывале вышивают светлые призраки дев, которые умерли до замужества и ничем не запятнали свою честь. Вокруг светлых дев летают птицы со стальными клювами и по первому зову слетаются на помощь, когда надо проткнуть крепкую ткань неба или, скажем, перерезать золотую нить. Иногда какая-нибудь из дев по неосторожности ранит себе палец тонкой нитью, и кровавый дождь льется к нам, на землю. Вот, как сейчас...

Профессор смотрит с тоской за окно, а там: кап-кап, красные капли сбегают вниз по стеклу. Одна за другой, изгибаются по немыслимым дорожкам, у каждой капли она своя. В оконной раме не хватает одного стекла, и ветер брызгает красным на грязный подоконник. С хрустом потянувшись, профессор отрывает взгляд от окна и своим дребезжащим голосом продолжает рассказ:

– Горячий шар солнца кружится вокруг щита, и небесные жители успевают вовремя уйти с пути и не столкнуться с ним, иначе нас всех ждала бы катастрофа, ужасная катастрофа, друзья мои...

Из самого темного угла аудитории вскакивает один из его студентов и тянет худую руку, высоко, под самый потолок, закопченный свечами. Да, думает профессор, жаль, здесь нет электричества. Все эти свечи – от них только копоть и ничего больше.

Почти слепой, он щурится и пытается угадать, чья это рука отчаянно просит слова у него. Бросив гадать, он милостиво кивает головой и тотчас узнает голос спрашивающего. Это же Гриша Перов, смешной и маленький, в очках с толстыми линзами. Он, кажется, в сорок третьем погиб в блокаду, или это был Андрей, его брат? Впрочем, сейчас это неважно. Профессор поворачивается к своему студенту левым ухом и снисходительно улыбается.

Щит Морока 27

– Профессор, но ведь наш щит, он когда-нибудь упадет? Или что-нибудь еще должно случиться с ним. Так ведь, профессор?

Да, да, это Гриша. Умный и дерзкий Гришка. Профессор улыбается ему, кивает головой и жует своим пустым ртом влажный воздух:

– Конечно, конечно, Вы правы, Григорий. Всему есть свое начало и всему приходит конец. И щит земной – не исключение. Многие ученые мужи готовы бесконечно спорить об этом. Кто говорит, что щит найдет по еле слышному звуку слепой великан Морок, а кто-то утверждает, что щит упадет за край звездного покрывала в студеную пустоту. Но это всего лишь гипотезы, друзья мои, всего лишь...

Он проводит своими прищуренными уставшими глазами по переднему ряду студентов, дальше для него все лица – только белые пятна. Вот сидит Анечка Шпак – в сороковом она утонула на Ладоге. Рядом с ней почти спит Игорь Маслеников, он был летчиком и пропал без вести. Вот еще один Игорь, Зимухин. Он погиб в сорок первом – под бомбежкой перетаскивал оборудование из лаборатории в подвал, а принес осколок под белым халатом... Зина Креггер - умерла от голода. Полный и всегда застенчивый Иван... и фамилию не помню, вот ведь... единственный, кто выжил в войну из них. В пятидесятых его убили какие-то бандиты, и вообще, темное дело, очень темное. А вот Данька Шестенко, он в ополчении был, а потом тоже пропал без вести, как Игорь. И Людочка Васильева, вот она, рядом с окном. Когда она свою мертвую маму везла на санках, худенькая, замотанная в какие-то вещички-тряпочки, снег валил и валил. Уже тогда снег был розовый, страшный снег... Ох, и пугал он тогда – лежал посреди мертвого и нехорошего города.

Профессор трет свои глаза черствыми пальцами и кивает студентам:

– Друзья, на сегодня все, завтра милости прошу на лекцию о чудовищах судьбы, которые живут по ту сторону земного щита. Всего хорошего...

Он кланяется сломанным столам, сваленным грудой посредине аудитории, надевает профессорскую шапочку и идет к выходу. Он слышит, как под ногами хрустят обломки кирпича, но ему кажется, что это кусочки мела, и он неодобрительно хмурится изпод шапочки. За его спиной хлопает дверь, а эхо долго мечется по пустому помещению.

Профессор выходит на улицу и старается не смотреть на прохожих, у которых красные и влажные лица, он старается не замечать машин, из-под колес которых брызжет что-то красное, прямо на тротуар. Он проходит мимо вздыбленных коней на мосту, он пересекает живой и скользкий проспект и спускается под землю. Метро покачивает и баюкает его. Ему так уютно здесь, глубоко под землей, где ласковый зверь несет его в своих сильных стальных руках, а потом бережно ставит на мраморный пол станции.

Профессор медленно поднимается к себе на четвертый этаж, долго звенит ключами, открывая дверь, еще дольше идет по коридору, но все-таки доходит до кухни, где бесится на столе радиоточка и валяется забытый кем-то столовый нож. Профессор садится за стол, собирает крошки хлеба своими черствыми пальцами, скатывает крошки в серый шарик и вдыхает их горьковатый запах. За окном над плоским, как ладонь, городом, несутся красные тучи, и профессор очень боится, что сейчас, вот именно сейчас, тучи разойдутся, и пальцы слепого великана Морока ухватятся за край щита.

31.07.04

ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД

Пойдем уже, пойдем, пора, тянет меня Серега за рукав куртки, а я прислонился к опоре рекламного щита, и меня рвет желчью на бордюр. Мне все кажется, что это рельсы, вокзальная пустота, как после ухода последнего поезда. Я пытаюсь оттолкнуть Серегу, я хочу ему объяснить, что это был последний поезд, больше поездов не будет никогда. Я стараюсь дать ему понять, что ничего страшнее нет, чем остаться на этом богом забытом перроне. Отсюда триста миль на север заброшенные заводы и бескрайние бетонные поля, а на юг ледяное море. В ледяном море плавает большая тяжелая рыбина, ворочает пятипалым хвостом, бьет по темной воде плавником и смотрит стеклянным глазом внутрь себя. Она видит в себе свое отражение и думает, что она плавает в небе, расталкивает блестящим боком облака, а они льются на землю клочками, падают на мою непокрытую голову.

Где кепка, скотина ты пьяная, где твоя кепка, Серега меня все трясет, а моя голова раскалывается на много маленьких частей, и каждая часть думает что она главная здесь и сейчас, потому я и не

Последний поезд

знаю, что делать, остается только сесть на этот запачканный бордюр, обхватить оставшиеся осколки меня руками и мелко-мелко дрожать. Над нашей головой грохочет жестью рекламный щит, и тень одинокого фонаря мечется между мной и Серегой. Я вытираю губы ладонью, я стираю с них горечь и интересуюсь у соседних кустов, где это я? Один из кустов отвечает мне голосом Сереги, что мы, между прочим, сидим на центральной улице города уже битых полчаса и, по всей видимости, ждем первого патруля, который нас и оприходует.

Я удивляюсь, что вокзал так быстро превратился в главную улицу и лезу во внутренний карман куртки за сигаретой, а там только гладкий череп моей матушки, которую я похоронил три года назад. Я аккуратно достаю череп из кармана, я очень боюсь, что он рассыплется у меня в руках, и тогда я точно забуду лицо матушки, навсегда забуду. Сдуваю пыль с черепа и ставлю его рядом с собой на бордюр. На фонарном липком свету череп оказывается биллиардным шаром, то-то я и думаю, что это череп так легко помещается в ладони. Слышь, Серега, а где череп?

Серега нервничает, ругает меня всякими дурацкими словами, я понимаю, надоело ему со мной возиться. Я ему и говорю, мол, брось меня, да вали на вокзал, пока не поздно. А он еще больше разозлился, какой к чертям вокзал, ты что? Домой пошли, говорит, давай помогу подняться. Иди, говорю ему, сам, меня дома никто не ждет, в мой дом три дня тому назад ракета угодила, иди, мне и тут хорошо. Я чуть отдохну, да и на поезд поспею, хули я тут забыл, валить надо, Серега, валить...

Серега резко вскакивает, его тень резко вырастает передо мной, я даже немного пугаюсь. Серега орет на всю улицу, что больше никогда со мной в кабак не пойдет, пусть меня тут забирает патруль, его уже не волнует, что будет со мной. Он бы, оказывается, меня давно бросил, только маму мою жалко. Давай, говорю, вали, моей матушке уже все равно, вали-вали... привет друзьям. Серега плюет себе под ноги, театрально так плюет, словно вокруг нас сидит публика и ждет его заключительного монолога. Я тоже жду его пламенной речи, ага. А он понимает, наверное, как все это глупо, бормочет что-то, натягивает мне на глаза мою кепку, всю грязную. Моя несчастная кепка, валялась под ногами, вот как получается. Серега запихивает мне обратно в карман бильярдный шар, где тот снова превращается в череп.

Серега уходит, вот так, как герой в оскорбленных чувствах. Иди на хуй, кричу, только не сворачивай никуда, по дороге иди, слышь?! Он оборачивается ко мне, морщит свое узкое лицо, словно зуб у него заболел и опять сплевывает. Ну, смешно же, ей-богу. А я ему все твержу, не сворачивай на тротуар, шепчу ему вслед, там мины, я тебе точно говорю, мины везде, Серега... А он, как назло, герой, как же, сворачивает с дороги и исчезает в яркой вспышке. Она такая... ну... плоская что ли, на фоне темноты. Он исчезает, только красный туман медленно оседает на асфальт, а у меня в ушах ваты килограмм, словно боженька постарался, чтобы я не оглох. К черту, кричу я, к черту! И сгибает меня в новом приступе рвоты, словно добрые черствые руки скрепку гнут.

На вокзал я дороги не помню. Я вообще ни черта не помню. Усиленно тру лоб запястьем, но только разноцветные пятна начинают заполнять тьму вокруг. Сажусь в позу лотоса прямо на разделительной полосе, складываю немудреную мудру из пальцев обеих рук, и, знаете, становится легче, только вот вспомнить не могу ничего. А так хорошо прям, задышал, зашевелился. И холодный воздух врывается в пасть, щекочет легкие, как после хорошей затяжки. Ладно, пойду на юг. Я знаю, юг там, где облака реже, где проступают слезливые звезды.

В предрассветной тишине море кажется еще темнее, еще глубже и еще холоднее. У меня ноги судорогой свело, как только я вышел на набережную. Дождь перестал, только с моей многострадальной кепки срываются капли, как эхо, падают на песок. Ветер кусает куртку, тянет на себя, а я увязаю в мокром песке по щиколотку.

Остановился, отдышался, оглянулся назад, а там в линию дома выстроились, как на парад мертвецов. Безглазые, сука, страшные, как сама смерть. И хоть бы где свечечка, фонарик бы замигал, нет, совсем темно, только в порезах на небе все те же угольки. Протянул руки, тепленькие, тепленькие мои. Хотел бы согреться, да далеко до вас.

Пока дошагал до прибоя, совсем уже рассвело. Опоздал я, всюду опоздал. Вот и ладно, торопиться не надо. Никуда не надо. Сел на корягу, пропахшую йодом, и стал смотреть на море. По левую руку выползает солнце, взрывается мой левый глаз болью, но я вижу, как по эстакаде уходит последний поезд. Последний поезд в мире. Он покачивает металлическими ребристыми боками, гудит мне что-то на прощанье, окошки в вагонах поблескивают ласково

Последний поезд

так, что даже под сердцем зашевелилось, заныло что-то, сладкое, как последний мирный день. Вали, шепчу я, вали отсюда... А что мне еще остается делать?

Я достаю бильярдный шар, размахиваюсь, неловко занеся руку за голову, и шар падает в воду, словно в густой кисель, глухо хлюпает на прощание. Да ладно, я надеюсь, что моя мама станет большой рыбой, которая будет плыть неторопливо, раздвигая неподатливую воду, куда-то по своим неведомым рыбьим делам. Я надеюсь, что все мы после смерти станем большими добрыми рыбами, которым нет дела до того, что творится здесь, на земле, где так тесно, что слишком уж часто царапаешься о других людей.

Мы обязательно станем рыбами, я приплыву к Сереге и скажу ему одними губами: привет. А он мне ответит: буль-буль, Андрюха, поплыли? И мы поплывем по своим важным рыбьим делам.

А пока я вздремну. Подстелив под себя куртку, прислонив голову к коряге, я смотрю в небо дурацкого розового цвета, и все еще слышный стук колес последнего поезда поможет мне уснуть. Я точно знаю.

28.01.05

Андрей СЕН-СЕНЬКОВ

СПИЧКА С ФАБРИКИ ДЕВУШЕК ПЛОХАЯ КОПИЯ ФИЛЬМА КАУРИСМЯКИ

ей хочется загореться насовсем так чтобы волосы перестали быть противно белыми нисколько не финскими чтобы как пишут в русских книжках «ресницы падали и тонко нагревались влажными ложками во вкусных кипяченых глазах» чтобы искусственное дыхание рот в рот ей бесполезно сделал красивый врач всё кончится не так в теле спички вывихнет отравленные волокна сырой деревянный дождь

РАЙ ДЛЯ ПЛАСТИЧЕСКИХ ХИРУРГОВ

«Он ушел, но лишь в душе» Анри Мишо

там

зловеще хорошо соперированная заячья губа

поцелуй на всякий случай получается с маленькой слизистой дверцей туда где блестят удобно розовые инструменты

МАТЕРИНСТВО НЕ ВИДЯ СНОВ

птичья женщина та что живет в домике настенных часов сломалась безостановочно хрипит хочу деток хочу птенцов я их никому не отдам я хорошая я ненастоящая кукушка

ПРЕДСМЕРТНЫЕ ВИДЫ СПОРТА НА ОЛИМПИАДЕ 1912 ГОДА

у морских офицеров начала прошлого века был особый шик – не уметь плавать

не двигая всеми руками медленно опускать лицо в холодный одеколон северного моря

чтобы там не увидеть страшных подводных ангелов сборной германии по плаванию

СОММЕНТ, КОТОРЫЙ МОГ БЫТЬ НАПИСАН НА ЛЮБОМ ЯЗЫКЕ, КРОМЕ РУССКОГО

в livejournal _comeback_ рассказывает о красноармейце покончившим с собой 9 мая 45 года

просыпаясь в античных трагедиях видишь как герой на пике счастья горя подвига славы бесчестья триумфа поражения совершает самоубийство даже догадываешься что на самом деле должен

даже догадываешься что на самом деле должен исполнять хор

а потом плачешь здравствуй, сержант, ты мой дедушка?

DEATH IN JUNE

каждый год в июне индию накрывает волна самоубийств это время вступительных экзаменов в университеты получение образования для молодых индийцев единственный способ вырваться из нищеты конкурс чудовищный и провалившие экзамены нередко заканчивают жизнь в петле этот год рекордный кровожадная богиня кали у которой давно негласный договор с большинством местных университетов уже давится жертвами в новостной ленте яндекса становится темно

в новостной ленте яндекса становится темно черная ленточка – черная веревочка в шее безостановочно визжит позвоночник

КАМПАНЕЛЛА В СОЛНЦЕЗАЩИТНЫХ ОЧКАХ

вчера на рождественском бульваре увидел на асфальте надпись мелом соднышко я тебя дюбдю

я чувствую тебя и я тебя чую

в этом городе самого серого неба люди объясняются в любви к солнцу кромешная золотка посвети туда так чтобы несчастно спрятанное вылезло и переползло во что-нибудь отвратительно танечкино-светочкино

Я ДАВНО НЕ ЗВОНИЛ МАМЕ

у изобретателя телефона александра белла была глухая мать и глухая жена внутри любой комнаты тела есть рабочий столик где каждый раз надо заново придумывать способ услышать друг друга все получающиеся приборы делятся на два вида на две фразы

БАССЕЙН «МОСКВА»

Андрею Молю

настоятельница женского монастыря разрушенного ради возведения храма христа спасителя прокляла место: все равно здесь будет лужа будет горячая срамная банька с прозрачными стенами и не войдет господь в этот храм будет трогать увлеченно-брезгливо перебирая голых мытых не понимая взахлеб ну почему они такие мокрые эти мои образы и подобия

РОДИЛЬНАЯ ГОРЯЧКА. XVI ВЕК

(использованы «лабиринтные» гравюры из «Libro de laberinti de Franc. Segalla Padoano Scultore et Architettore» XVI в., Апостольская библиотека Ватикана)

лабиринт-роддом 1:

человек тесно выползает из липкого лабиринта плохо работающего ксерокса зажеванной двуногой розовой бумагой на которой напечатаны подлые варианты ответа на вопрос так кого ты больше любишь папу или маму?

лабиринт-роддом 2:

улитка девятой симфонии живет в ушной раковине глохнущего бетховена

с каждым днем она становится все более немецкой все более смелой

все чаще и чаще выглядывает оттуда

в какой-то момент уже различимы ее глаза

неприятные мокрые глаза старой ничего не понимающей в музыке самки

измученный бетховен думает **лучше бы я родился собакой сенбернаром**

лабиринт-роддом 3:

на остоженке есть дом с башенкой в виде перевернутой рюмки архитектор горький пьяница со своеобразным чувством юмора

соседние башенки ни на что не похожи такая бесформенная закуска чтобы подавиться

алкоголь прозрачная собачка утренней рвоты бегает по пищеводу ищет пятидесятиграммовых щенят утопленных вчера лапы скользят как –это цветаева написала? – как сткло о сткло

лабиринт-роддом 4:

на лобном месте красной площади лежит лжедмитрий в шутовском наряде

на колпачке звенят колокольчики сломанными искусственными спутниками посылают сигналы о помощи боженька пожалуйста пожалуйста не ошибись после смерти не хочу туда где скоморохи несмешные дурачки раздень меня сразу после смерти так чтобы было голый димка

НАГОРНАЯ

Папов приехал не просто так, а по делу. Надо было привезти и передать.

Преодолевая полусон, открыл глаза и вышел на нагорной. Пустовато, прохладно. Поезд ускакал в свой туннель, а из другого туннеля выскочил другой поезд, постоял и тоже ускакал. Стало легко, спокойно. Выход в город.

Около выхода из метро за железной решеткой проходит железная дорога. Вернее, даже не дорога, а просто колея, и то, что по ней изредка ездит, нельзя назвать поездами – лишь оторванные от жизни, потерявшие свое предназначение вагоны и лунатические зеленоватые тепловозы.

Прямо, мимо палаточек с пивом и чем-то еще, оставляя позади темноватые дома, к перекрестку, а потом направо. Это (то, по чему шел теперь Папов) можно было бы назвать «улицей», но больше оно напоминало дорогу. Ведь улица предполагает по своим сторонам населенные дома, магазинчики, оживление. А здесь было не оживленно.

Дорога (улица) полого спускалась в небольшую долинку, к потерявшейся в мусоре и траве маленькой речке. А потом опять поднималась, и далеко впереди, на пригорке, ритмично меняя цвета, разрешал-предупреждал-запрещал одинокий светофор. Там, за светофором, ощущалось какое-то шевеление, и продолжение этой дороги имело полное право именоваться улицей. Вечер.

Папов шел, прижимая левой рукой что-то за пазухой, словно сердце болело или, наоборот, стремилось вырваться навстречу радостной беспросветности, разлитой вокруг. Справа было непонятно что: длинное что-то, может быть, забор, вблизи было трудно рассмотреть. А слева — сарайчики, квадратно-оконные одно- и двухэтажные служебные постройки, железные ворота, множество мелких и относительно крупных неопознаваемых предметов, каких всегда много в местах, подобных нагорной. Они, эти строения и предметы, незаметно светились скрытым функциональным смыс-

лом своего существования, и если, остановившись, долго смотреть на эти неприметные скопления, закружится голова, область периферического зрения озарится болезненно-яркими вспышками, все поплывет, и тогда, пожалуй, могут наступить необратимые изменения. Папов знал об этом и смотрел вскользь, искоса, незаметно радуясь молчаливой отзывчивости этих, на первый взгляд, бесполезных вещей и построек.

Тихо прошуршала речка, и Папов шел уже в гору, не без удовольствия преодолевая силу земного притяжения. Из маячившего слева грозно-черного леса донесся протяжный гудящий звук, как будто замычало живое существо или совершил положенное ему действие механизм, предназначенный для извлечения именно таких звуков. Забор (или что-то другое, длинное) кончился, и показалось небольшое открытое место, у края которого приютился ларек, тоже, как и у метро, с пивом и чем-то еще. Было еще время, и Папов, отклонившись от курса, подошел. У ларька, прислонившись лбом к витринному стеклу, неподвижно стоял человекмужичок. Окошко было открыто, и внутри покойно существовала продавщица. Человек вроде бы спал. Продавщица бодрствовала.

– Вот, я вижу, у вас тут пиво, и джин с тоником, и полусладкие вина. А нет ли чего-нибудь покрепче, чтобы градусов сорок? – спросил Папов. – Например, водки?

Казавшийся спящим человек оторвал лицо от стекла и, доброжелательно глядя на Папова, стал произносить слова:

— Нет-нет, что вы, здесь водки нет, разве вы не знаете, что в таких вот палаточках нельзя продавать напитки крепостью более 28 градусов, это запрещено законом, а у нас тут все по закону, только, как вы изволили выразиться, пиво, джин с тоником и полусладкие вина, а если водка или, к примеру, виски, то вам надо вон туда, — и кулаками стал показывать в сторону далекого мигающего светофора, — там «Перекресток», и другие есть супермаркеты, и небольшие магазины, в которых обычно покупают продукты небогатые местные жители, идут с работы домой и покупают хлеб, масло, молоко, а в супермаркетах можно найти все что угодно, и йогурты, и лук-порей, и колбасу украинскую жареную, и корейскую псевдоспаржу, которая на самом деле никакая не спаржа, а ее делают из сои, корейцы придумали, молодая развивающаяся экономика, азиатский тигр, просто из сои, но все равно вкусно, и конечно водка есть тоже там.

Замолчал, опять прислонился лбом к стеклу и как будто заснул. Продавщица: а вы возьмите пивка. Папов купил приятно холодную жестяную банку пива и выпил. Надо было идти, и Папов, слегка заторможенный пивом, пошел.

Открытое место закончилось, и справа потянулись какието вроде бы гаражи, стоящие как попало, образуя углы. В одном из таких углов Папов увидел облезлую, изъеденную ржавчиной машину, так называемые жигули, а рядом с машиной – стоящего спиной к дороге и лицом к глухой стене Кику Мелентьева. Он мочился.

– Кика, – тихонько окликнул Папов.

Кика повернулся к Попову, продолжая свое.

– А, – сказал Кика, – сейчас.

И опять отвернулся к стене. Брызги летели во все стороны, и вокруг Кики образовывались лужицы и сыра земля. Папов, глядя куда-то вправо и вверх, стоял.

- Ну все, облегченно произнес Кика, путаясь в пуговицах и вылезающей из ширинки рубашке. Привез?
 - Привез.
 - Давай сюда.

Папов вынул из-за пазухи бумажный сверток, плотно обмотанный со всех сторон клейкой лентой. Сверток вздрагивал и бился, как будто в нем было что-то живое, умирающее.

- Ого, Кика Мелентьев оценивающе взвесил сверток на ладони. Сверток рванулся, упал с ладони на орошенную землю и попрыгал в густую траву около забора.
- Ишь, шустрое, Кика догнал сверток, поймал, поднял с земли и бросил в бардачок жигулей. Одобрил Папова:
 - Молодец, растешь. Толк выйдет.
- Понимаете, Кика, я просто не мог поступить иначе. Я слишком уважаю Павла Иннокентьевича.

Кика постепенно сползал в какую-то странную веселость.

– Эх, инокентич, инокентич, старый пердун! – весело пропелпрохрипел Кика. – Гуляй, залетныи-и! – и, вскидывая руки и притоптывая среди луж, пустился в тяжеловесно-основательный и в тоже время слегка безумный пляс вдоль забора, вокруг жигулей. Запыхался, остановился, на некоторое время закрыл глаза. Потом открыл и вернулся в нормально-повседневное состояние.

- Ну, ладно. В общем, все нормально. Деньги получишь завтра у Нелли Петровны, в триста второй комнате, знаешь, на третьем этаже, около лифта. Если что, я буду к тебе обращаться в таких случаях, ты вроде парень нормальный. Не против?
- Конечно, обращайтесь. У меня сейчас свободного времени много.
- Ладно, если что, позвоню. Телефон твой у меня есть. Тебе до метро?
 - Да я могу пешком...
 - Садись, садись. Подброшу.

Папов угнездился на переднем сиденье. Из-под крышки бардачка доносились звуки борьбы или возни. Кика долго заводил, ворочал рычагом переключения скоростей. Ручной тормоз не работал, и машина медленно покатилась задним ходом к дороге. Наконец завел. Скрипя рулем, развернулся. Проехал метров пять.

– Ну все, тебе налево, мне направо. Давай. Молодец.

Папов вылез. Кика в своем переутомленном экипаже, с воем, поехал к тому одинокому светофору, который все время видел Папов, когда шел к месту встречи, и за которым, говорят, располагаются супермаркеты и оживленная жизнь.

Со стороны леса опять донесся протяжный животно-механический звук. Приятный тихий вечер, светлое пока еще небо, скоро ночь. Папов немного постоял, дождался, пока тусклые красные огоньки кикиных жигулей скроются за поворотом, и пошел к метро.

2002

КАПОТНЯ. ВЕРХНИЕ ПОЛЯ. СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

Никогда раньше не был в Капотне. Сколько уж лет прошло, и ни разу не был.

Ругают ее, ругают. Самый нежеланный район в городе. Квадратный метр ровной поверхности, покрытой линолеумом, стоит там сущие копейки. Говорят, жить там совершенно невозможно. Говорят, там все дымит и воняет. Говорят, что люди там умирают прямо сразу, на месте, не успев совершить ничего пугающего или умилительного.

Никогда там не был. Хотя давно стремился. Ведь в таком месте обязательно надо побывать.

Подолгу рассматривал карту. «Капотня, – думалось. – Пятый квартал, нефтеперерабатывающий завод. Стадион». Вокруг расползались заманчивые улицы – Люблинское шоссе, Проектируемый проезд №5467, Верхние поля. Сбоку мутной картографической массой маячил город Дзержинский. И вот настал день.

С двумя пересадками доехал до «Каширской». Каширская – пространное, не ограниченное ничем место, расползшееся во всех направлениях. Из углов и закоулков этого места в разные стороны света отбегают бесчисленные автобусы. Бродил, бродил, никуда особенно не спеша, вокруг входов и выходов в и из метро, ларьков с жидкостями и твердыми съедобными предметами, вокруг стеклянных остановок, вокруг пассажиров неизвестно чего. На желтых прямоугольничках были начертаны черным номера неведомых, идущих не туда автобусов. Девяносто пятого, который мчал в Капотню, что-то не было. Слонялся, искал. Добрый дядька-старик махнул рукой: «Вам вон туда, по диагонали». Далеко. Пошел. Светофоры, пешеходные переходы, движение. Вот написано на желтом фоне — 95 Капотня. И еще куча других маршрутов. Значит, все правильно.

На остановке много народу. Люди временно стоят, желая перестать стоять и начать перемещаться, стремительно нестись сквозь окружающее. Стоят, приплясывая от смутных предвкушений, молодые. Уже пьют крепкое балтийское пиво с коричневыми этикетками, хотя еще почти утро, но ведь уже суббота, и надо пить пиво, потому что будет вечер, ночь, потом воскресенье, и значит уже можно. Стоят зрелые, в самом расцвете сил, осознавшие свой путь, уже не приплясывают, обретя равновесие, как отколовшиеся от ледника айсберги, и медленно тают в теплых водах человеческого общежития и профессионального мастерства. Долгоживущие стоят, мечтая пожить еще немного, мечтая, чтобы подошел автобус и поехать, а потом быстренько тихо умереть, безболезненно и непостыдно. Но сейчас пока еще нужен автобус.

Надо было в Капотню.

Подошел какой-то другой автобус и увез почти всех стоявших на остановке куда-то в Сабурово или к Борисовским прудам. И сразу за ним – девяносто пятый, и народу в нем было мало, и ехать

было удобно – на переднем сиденье, уперевшись неподвижным взглядом в Юго-восток. А если бы первым подошел девяносто пятый, то всем пришлось бы садиться в него и волей-неволей ехать в Капотню. Так всегда бывает.

Сначала долго было одно только Каширское шоссе — широкое, благоустроенное, дружелюбное. Потом автобус сделал петлю и понесся по кольцевой дороге. Слева было никак, а справа красиво: на земляных неровностях разлеглось село Беседы, Москварека текла, мост нависал. Проехали ТЭЦ — средоточие кипящей, трудноуправляемой энергии. Миллион кубометров горячей воды. Сейчас как вырвется, булькая, пузырясь, как разольется во все стороны, кипятя, дезинфицируя и переваривая... Но нет, только нехотя, с шипением, вырывается белыми сердитыми облачками из невидимых мелких дырочек.

Съехали с кольцевой, повернули – Капотня.

И тут же начался нефтеперерабатывающий завод – с невысокими перегонными колоннами, с петляющими трубами, с бензовозами, с горящим вдалеке на вышке факелом – совсем не страшный, приветливый. Маленький. Вот, например, омский нефтезавод – огромный, поражающий воображение. А этот, капотнинский – нет. Просто немного грустный, уставший. Хороший.

Углубились в Капотню. Завод закончился, начались домики, перемежаемые пустотами. Стадион – удивительно, как на карте, в том же месте! Можно утомлять себя игровыми видами спорта или просто сидеть на трибунке и концентрироваться на текущем моменте. Просторно, безразлично. Домики. Другой мир.

Людей в автобусе осталось совсем мало, и они были уже не теми, что вошли на каширской. Кто-то пел, кто-то просто осоловело-мечтательно глядел, оставив попытки понять происходящее.

Пошла жилищная гуща — дома, подъезды, магазины. Остановка «продмаг», так и называется. Поехали дальше. Было видно, что здесь вполне живут — люди, птицы, звери, зверьки, насекомые. Конечная. Вышел. Стайка автобусов, набирающихся сил для очередного броска. Через дорогу — дома, желтоватые, немного зеленые. Магазинчик. Совсем рядом шумит кольцевая, а за ней опять серо громоздится ТЭЦ — автобус, любуясь Капотней, сделал почти круг.

Долго стоял на конечной остановке, вдыхая влажный весенний ветер, хотя еще совсем февраль. Было как-то по-другому, неже-

ли обычно. Все еле заметно плыло, уплывало куда-то, оставаясь на месте лишь потому, что наблюдатель, прочно стоящий на ногах и ясно осознающий происходящее, тоже тихо уплывал. Зыбко струились прочные девяти- и двенадцатиэтажные дома. Люди прозрачно-отсутствующе, безмолвно, со скрытым смыслом покупали в магазинчике пиво и сигареты. Машины неслышно скользили по 1-му Капотнинскому проезду и уносились вдаль, повинуясь вечному еле слышному зову. Было очевидно, что вон в том слегка облупившемся доме с трудом живет Нелли Петровна, в этом дворике Нина Петровна гуляет со своей старой свирепой собакой, а там, за ТЭЦ, далеко-далеко, в городе Дзержинский притаился Николай Степанович Апов.

Стоял и ждал тридцать пятый автобус, идущий в Курьяново. Он ходит редко и наперекор расписанию. Было все равно, когда появится автобус — через один или пять часов. Приятно — просто стоять, видеть и наблюдать окна, балконы, мелкие предметы на земле, слушать кольцевую дорогу, дышать воздушной влагой. Тридцать пятый прибежал, запыхавшись, через час. Сел и поехал дальше.

Рядом ехали двое – подросток и еще подросток, только девочка. Он, нависая капюшоном, держал в руках баночку с водой, в которой копошилась рыбка или какое-то другое маленькое морское чудовище. Подросток-она то и дело спрашивала, скока время, он подробно отвечал, дескать, столько-то минут такого-то, а она сокрушенно-сварливо говорила одно и то же: ну вот, видишь, а он усмехался и говорил тоже практически все время одно и то же: поедем на Птичий рынок? с незначительными вариациями. Она как будто пыталась заплакать, но не могла, не умела или просто держалась, воспитывая в себе силу воли. Ехали. Опять обогнули нефтезавод, но потом направились уже в другую сторону – на Верхние поля.

Посерело и пошел дождь – хотя февраль, не должно быть так, но вот, так. Откуда-то взялось много машин, все двигались в одном направлении – медленно, рывками. Рядом ехал милицейский уазик и сквозь лужи натужно тащил на буксире другой, точно такой же, уазик, и в обоих уазиках сидели милиционеры, заполняя собой все пространство уазиков, и оживленно разговаривали. Но их не было слышно, поэтому, может быть, они и не разговаривали, а это просто так казалось, по привычке.

Забор, длинный забор, в нем калитка и написано — Птичий рынок. Этот рынок раньше, еще недавно, был в другом месте, а теперь здесь. Из-за забора виднеются только верхушки палаток, бескрайние ряды палаток. И люди входят через маленькую калитку в огромный рынок, узкими вратами в неведомый мир птиц, рептилий и хомячков, и выходят оттуда, восторженные и разочарованные. Автобус остановился, и почти все вышли, а подросток и девочка-подросток вместе со своей возможно золотой рыбкой и несколькими другими пассажирами остались — видно, решили не продавать, не идти на рынок, не участвовать во всем этом, а может быть, задумали что-то еще более страшное. Потом был рынок «Садовод», и сочетание окружающей обстановки с уютно-хозяйственным, яблочным, клубничным словом «садовод» было почему-то удручающим, почти невыносимым. Но ничего.

Капотня осталась позади, миражом среди земляной бугристой пустыни. Отчетливо запахло испражнениями. Кругом величественно простирались Люблинские поля фильтрации. Здесь коллективное городское дерьмо, выполнив свой долг, отдыхало, разбросанное по просторам, набираясь сил для новых перевоплощений. После рынка «Садовод» в полях фильтрации было легко, покойно. Подростки тоже утихли и наслаждались равнинностью.

Неизвестно откуда вдруг вынырнул район новостроек Марьинский парк. Тут и там возводились новые дорогущие дома, чтоб жить. Резко, сразу обозначилась цивилизация – круглосуточные магазинчики, автостоянки, реклама с предложениями купить квартиры с видом на поля фильтрации. Стало как всегда, обычно. Светофоры, перекрестки, светофоры. Входят, выходят. Подросток и подросток-девочка сидят безмолвно и неподвижно, может быть, они даже совсем умерли от всех этих контрастов.

Заехали в железнодорожное царство – пути, поезда. Автобус протиснулся под стальной магистралью, пользуясь темненьким узким тоннелем. Потом встали у переезда – надо подождать. Электричка мучительно, со скоростью быстро ползущего человека, спазматически втягивается в депо. Где-то сверху слева проносятся стремительные поезда. Машины стоят, ждут, терпят. Наконец, вздыхая, уползла. Поехали.

Начинает проступать вечер, как и предсказывали молодые люди, пившие утром пиво на каширской. Мужской и женский

подростки исчезли куда-то, унося с собой золотую рыбку своих неясных мечтаний. Вот уже Курьяново, за голыми деревьями мелькают двухэтажные желтые домики. Конечная. Собственно, это и есть пункт назначения, и продолжение путешествия представляется бессмысленным.

Вышел из автобуса и долго, долго смотрел вдоль Шоссейной улицы, в направлении метро «Печатники» и «Текстильщики», в сторону Сокольников, Лосиного острова, Сергиева Посада, Петрозаводска, Мурманска, Северного полюса.

2002

Валерий НУГАТОВ

НОВЫЕ СТИХИ ИЗ ЦИКЛА «fAKE» (2007)

ПЛАНЫ

он говорил ей все будет хорошо все наладится все образуется не переживай все будет пучком не хнычь не расстраивайся мы найдем деньги купим квартиру получим вид на жительство я найду хорошую работу буду много зарабатывать мы сможем откладывать сможем собрать приличную сумму и уедем куда-нибудь далеко-далеко туда где хорошо где тепло светло и хорошо а этих всех пошлем нахуй уедем умчимся улетучимся не оставив никаких координат выкинув к ебеням sim-карты никого не предупредив ни с кем не попрощавшись не оставив даже записки sms или сообщения на автоответчике просто исчезнем и ниибет через неделю нас хватятся начнут обзванивать знакомых спрашивать при встрече не видели нет не звонили нет

не писали нет странно и тут же сменят тему еще через месяц забудут потом изредка будут вспоминать но с каждым разом все реже реже реже и наконец перестанут а нам с тобой будет вдвоем хорошо где-то очень очень далеко

говорил он ей и плакал на стол на пол на окна стены зеркало раковину двери потолок книги монитор клавиатуру обувь одежду перчатки кровать телевизор стул шкаф вешалку табуретку унитаз кран распечатку полку нож сжимая в кулаке свои упругие скользкие пунцовые залитые свежей кровью вырванные с мясом яйца

VISUAL

покажи мне прикольное картинко пришли мне ссылку на клевое готицкое картинко только не вздумай впарить баян покажи мне новое свежайшее картинко с пылу с жару прямиком из матки фотошопа укажи мне путь и свойства картинко скопируй адрес

скопируй и сохрани мне картинко чтоб я мог его поюзать как фоновый рисунок для рабочего стола покажи мне что-то охрененное небывалое крышесъемное такое чтоб ссать кипятком такое чтоб просто усраться и бугагакать до потери пульса ну где твое картинко шли мне побольше новых картинко я давно не видел новых прикольных картинко и у меня аж болят и слезятся глаза от визуального недоедания

покажи мне картинко

- о том как ебутся акулы
- о том как ебутся гориллы
- о том как ебутся большие злые крокодилы
- о том как ебутся динозавры
- о том как ебутся микробы
- о том как ебутся вирусы иммунодефицита человека
- о том как ебутся роботы
- о том как ебутся калеки
- о том как ебутся безногие
- о том как ебутся безухие
- о том как ебутся бесхуие
- о том как ебутся беспиздые
- о том как ебутся беззубые
- о том как ебутся в рот безротые
- о том как ебутся в жопу безжопые
- о том как ебутся бестелесные создания ангелы черти привидения зеленые человечки

ну-ка покажи мне круть

давай покажи мне грудь

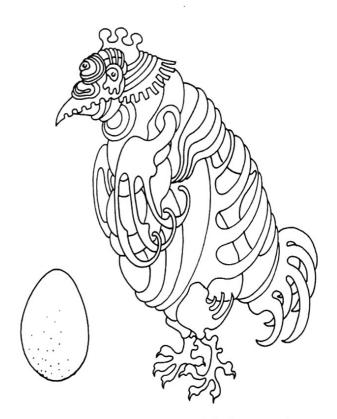
в смысле не грудь а круть покажи мне

покажи мне

да

покажи

покажи мне хайтековый фак на фоне скайлайна

K. Bentynsh- Jerryc

покажи мне хэнтай на фоне хайтека скайлайн на фоне хэнтая нее этот я уже зырил покажи мне другой чтоб побольше кровищи уродов и монстров каких-то пятен и луж по цвету похожих на дерьмо или на какой-то вообще невообразимый продукт органической жизнедеятельности покажи мне мочилово в городе страха и ужаса покажи настоящее отвращение покажи горы трупов горы трупов горы трупов трупов трупов покажи массовую расчлененку покажи атаку полуразложившихся зомби миллионов миллиардов оживших зомби покажи безумие и отчаяние покажи мне многократную мучительную смерть

чудны дела твои господи чудны тела твои господи покажи мне все только ничего не говори просто показывай

THE BARGAIN

я бичую пороки вашего тухлого общества я обличаю ваше сраное консьюмер сосайети я выявляю изъяны дефекты и неизлечимые болезни вашего сраного и ссаного постиндустриального общества я вскрываю мерзкую лицемерную сущность вашего сияющего трупным блеском общества спектакля я вынюхиваю вашу жирную лоснящуюся тухлятину я обнажаю и препарирую прогнившие внутренние органы под вашим благоухающим умиротворенным глянцем я выгребаю целыми пригоршнями жирных нежных извивающихся опарышей из ваших выбритых гламурных подмышечных впадин я разгрызаю ваши силиконовые легкие почки кишки и сердца

и высасываю из них техногенный гной

я протыкаю пальцем ваши прозрачные раздутые целлулоидные животы набитые цифровой техникой шмотьем кредитками и наличными

я заливаю своей вязкой ядовитой слюной своей едкой и горькой утренней мочой и своей вчерашней густой блевотиной горы вашей хрустящей бодрящей налички я проклинаю ваше гнусное детище уродливое творение ваших рук и ваших чресл и ваших ритмично сжимающихся сфинктеров

я проклинаю его и тем самым прославляю

я прославляю все это убожество всю эту жалкую роскошь и колдовскую нищету

я прославляю проклиная и проклинаю прославляя лишь затем чтоб и мне самому отхватить жирный кусок этой славной душистой тухлятинки

чтоб и мне самому поживиться этой обворожительной гнилью вкусить от щедрот этой мною же проклятой жизни и насладиться ее отвратительной прелестью

я претендую на свою дозу кайфа господа вы должны поделиться со мной своим счастьем вы обязаны возместить мне затраты и выполнить условия сделки я завидую вам и хочу быть таким же как вы

бросьте мне кость господа

ВСЕ БУДЕТ/НО НЕ СРАЗУ

для начала подучись наберись опыта осмотрись обтешись профессионально подрасти развивайся интеллектуально не забывай о физической форме следи за внешностью следи за речью

избегай провинциализмов и сленга подтяни произношение правильно ставь ударения учи языки будь общительней будь креативней будь стрессоустойчивей работай во внеурочное время прояви себя с лучшей стороны стремись стать гордостью своей компании и у тебя все получится все но не сразу так что наберись пока терпения

и просто соси мой хуй давай соси сука соси тварь соси блядь энергичней сильнее глубже резче соси я сказал вот так хорошо нормально продолжай в том же духе еще еше не останавливайся быстрее еще быстрее вот так

а теперь глотай заглатывай сучка все до последней капли и представляй что глотаешь зарплату в два штукасика глотаешь руководящую должность глотаешь благоустроенную квартиру с евроремонтом глотаешь красивую дорогую машину глотаешь обеспеченного мужа глотаешь богатую благополучную семью

глотаешь дом на рублевке глотаешь отдых в куршевеле глотаешь неутомимого любовника глотаешь лифтинг и ботокс глотаешь шмотье от ведущих дизайнеров глотаешь учебу за границей глотаешь сладкую жизнь глотаешь дорогие красивые похороны глотаешь москву глотаешь париж глотаешь звезды глотаешь рубины глотаешь брильянты глотаешь все золото мира

СТАРПЕРЫ ЭТО МЫ

детство прошло и отрочество прошло и юность прошла и быльем поросла зрелость пришла и выяснилось что старперы это мы рокеры это мы байкеры это мы неформалы это мы хиппи это мы панки это мы синяки это мы планокуры это мы распиздяи это мы уроды это мы обсосы это мы торчки это мы винтовые это мы динозавры это мы шизоиды это мы придурки это мы маньяки это мы психи это мы больные это мы импотенты это мы педофилы это мы онанисты это мы вуайеристы это мы

пидорасы это мы папики это мы вампиры это мы мудозвоны это мы

а молодежь это вы красивые это вы здоровые это вы счастливые это вы сексуальные это вы успешные это вы перспективные это вы богатые это вы известные это вы талантливые это вы креативные это вы свободные это вы раскованные это вы прикольные это вы оттяжные это вы модные это вы стильные это вы беззаботные это вы небрежные это вы актуальные это вы трезвые это вы спортивные это вы гибкие это вы цифровые это вы центровые это вы лучшие это вы сладкие это вы теплые это вы вкусные это вы упругие это вы стройные это вы юные это вы юная кровь это вы свежая кровь это вы сладкая кровь это вы

горячая кровь это вы пьянящая кровь это вы алая нежная кровь это вы белые нежные тела это вы ясные чистые глаза это вы юные ритмичные сердца это вы тугие гладкие отверстия это вы тонкие звонкие голоса это вы

но мы все равно вас съедим увы

TRY IT ON BUT DON'T TRY THIS AT HOME

что если спрыгнуть с небоскреба из тех что строят турки на метро международная

что если расстрелять диктора программы время в прямом эфире

что если съесть опухоль вырезанную у ракового больного что если пустить в переполненном автобусе угарный газ что если бросить котенка в ванну с соляной кислотой что если принести человеческого младенца в жертву ктулху что если зверски изнасиловать и убить парализованного старичка

что если хорошо разбежаться и стукнуться лбом в бетонную стенку

что если еще сильней разбежаться и выбить головой оконное стекло

что если разбежаться еще сильнее и броситься с разбега под поезд

что если не разбегаясь броситься с места под колеса самосвала или под паровой каток

что если впрыснуть внутримышечно смертельную дозу стрихнина толстой гражданке пихающейся в набитом вагоне электрички

что если столкнуть на трамвайные рельсы прямо перед мчащимся трамваем зазевавшегося школьника что если выкопать свежий труп нафаршировать его говяжьим фаршем и продать по дешевке на продовольственном рынке

что если принять слабительного зайти в магазин тиффани на тверской и присев на корточки у витрины шумно и обильно просраться

может тогда в мире стало б чуть больше добра стало б чуть больше красоты и больше душевного тепла может тогда люди бы стали чуть лучше отзывчивее и милосердней бескорыстнее и великодушней может тогда люди перестали бы друг друга обманывать друг друга обворовывать и друг друга убивать может тогда они перестали бы ненавидеть друг друга и стали бы друг друга любить может тогда они бы прозрели просветились и просветлели вышли бы в чистое поле под чистое небо и с нежностью глядя друг другу в ясные голубые глаза говорили бы

я люблю тебя

я люблю тебя

я люблю тебя

В ПОСТЕЛИ С НУГАТОВЫМ

номер люкс гранд-отеля с видом на тропический пляж безбрежная двуспальная кровать и нежнейшие шелковые простыни утопающие в ароматах жожоба и иланг-иланга поднос с экзотическими фруктами и свежевыжатыми соками французским вином appellation contrôlée и аперитивами односолодовым виски и шампанским в ведерке со льдом марокканский гашиш и расслабляющая фоновая world-музыка

здесь ты познаешь со мной идеальную любовь здесь ты познаешь все радости вагинального орального и анального секса здесь ты научишься любить во всех мыслимых и немыслимых позах описанных и неописанных в кама-сутре и ананга-ранге здесь ты познаешь coitus interruptus и многократный маточный оргазм и наиболее изощренные формы куннилингуса фелляции фистинга буккакэ и soixante-neuf здесь ты познаешь искусство безудержной страсти и непрерывного наслаждения и пред тобою раскроются бездонные тайны пола здесь ты посмотришь в глаза эросу и танатосу и преодолеешь отчаянный стыд и страх здесь ты увидишь свою истинную обнаженную сущность содрогающуюся в экстазе здесь ты родишься заново и уже никогда не забудешь эту постель

ты будешь лежать в ней со мной когда меня подключат к аппарату искусственного дыхания к искусственной почке и к искусственному сердцу ты будешь прикована к ней со мной когда я буду лежать в коме в палате интенсивной терапии когда после инсульта меня разобьет односторонний паралич и я буду ходить под себя пуская беззвучные сопли и слюни когда попаду в автокатастрофу и у меня сломается в нескольких местах позвоночник когда я покроюсь струпьями язвами и паршой и буду валяться в тихом бомбейском лепрозории и когда я буду подыхать в уютной комнате хосписа с веселенькими обоями когда я стану овощем ты всегда будешь со мной лежать рядом и вспоминать молча вспоминать и плакать от счастья в постели с нугатовым

ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ

если уехать нелегально в другую страну в другой город в другую часть света и там остаться в жизни можно узнать много нового

если попытаться найти там работу без знания местного языка местных законов обычаев и не владея даже элементарными профессиональными навыками можно узнать много интересного и полезного

если остаться без крова в большом незнакомом перенаселенном городе в холодное время года и заночевать в парке на скамейке в подъезде у батареи или в спальном мешке под мостом можно получить разнообразные непривычные нетривиальные впечатления

если совершить противоправное действие например квартирную кражу со взломом или ограбить кассу минимаркета случайно ранив в голову кассиршу или просто выхватить на улице у прохожей сумочку с мобильником и портмоне

можно получить много новых уникальных знаний

если быть задержанным стражами порядка переданным органам правосудия и осужденным за незаконное хранение наркотических веществ предусмотрительно подброшенных теми же стражами порядка и отправиться в тюрьму лет на пять или шесть

можно существенно поменять свои взгляды на жизнь или хотя бы внести в них принципиальные коррективы

даже если просто поехать туристом в экзотическую страну пойти на экскурсию в злачный район снять там проститутку и очнуться лишь вечером следующего дня на помойке без денег и документов

это тоже может значительно расширить кругозор и обогатить новым опытом

и даже если никуда не уезжать а оставаться на своих кровных квадратных метрах со своими кровными родственниками семьей и детьми и заказывать по интернету различные товары

например бытовые электроприборы или оргтехнику можно разнообразить и обогатить каждый день своей жизни сделав его увлекательным и познавательным

и если кстати просто просиживать целыми сутками у компьютера не вылезая из интернета можно без конца обновлять страницы новостных сайтов и черпать черпать черпать оттуда бесценную информацию

ПОПУЛЯРНЫЕ ПОЭТЫ

популярные поэты пишут популярные стихи пользуются популярностью среди публики и критики купаются в народной любви

а непопулярные поэты сосут хуй

популярных поэтов приглашают на фестивали и конкурсы они побеждают в поэтических турнирах и слэмах срывают аплодисменты и получают денежные призы

а непопулярные привычно сосут хуй

популярных поэтов печатают толстые и тонкие журналы их фото публикуют в журнале афиша у них берут интервью глянцевые издания их показывают по каналу культура их блоги читают сотни поклонников

а непопулярные тем временем насасывают хуй

популярные поэты четко и ясно выражают взгляды своего политического лобби успешно делают литературную карьеру избегают крайностей уважительно раскланиваясь с коллегами по цеху

а непопулярные поглубже заглатывают хуй

популярных поэтов пиарят культуртрегеры оплачивают им гастроли по стране и за рубежом холят и лелеют рассыпаясь в похвалах

а непопулярные поэты давятся хуями

у популярных поэтов обеспеченное будущее они гордость своей нации и своей литературы на таких как они мир держится они залог прогресса и культурного расцвета их пригревают сильные мира сего

а непопулярных поэтов никто не любит все их стесняются и брезгливо сторонятся однако мирятся с их существованием чтоб на их темном фоне еще ярче блистали популярные поэты

ВЫХИ ПРОШЛИ АХУЕННО

встали в одиннадцать позавтракали яичницей составили список сходили на рынок и в копейку затарились продуктами на неделю наготовили еды на неделю первое и второе наелись

изнывали от жары

убрали в квартире подмели протерли мебель и пол вымыли плиту раковину унитаз помыли окна вынесли мусор разморозили холодильник перестирали белье починили кран и душ вкрутили лампочку

прогладили рубашки и блузки потрахались по-быстряку

изнывали от жары

отдались шоппингу обошли два молла и несколько магазинов одежды накупили новых шмоток перекусили и обмыли покупки чтоб хорошо носились посидели на лавочке

изнывали от жары

заглянули в жж прочитали дурацкий пост оставили остроумный коммент написали остроумный пост получили дурацкий коммент поделали халтуру позвонили по карточке родителям выпили поели посмотрели нашурашу и камедиклаб приняли ванну постригли ногти сходили в парикмахерскую привели себя в порядок легли спать в двенадцать

изнывали от жары

ничего может среди недели или на следущие куда-нибудь сходим в кино в клуб на концерт в парк на выставку в театр в ресторан на какой-нибудь опен-эйр куда-нибудь съездим за город на природу на пикник на фест в какой-нибудь другой город что-нибудь придумаем как-нибудь разнообразим досуг

чего-то ведь хочется короче решили на следущие следущие пройдут ахуенно

ЧОРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ

угнать чорный бумер и поделить поделить поделить угнать бентли яхту и боинг за 60 секунд и поделить поделить поделить украсть миллион и поделить поделить поделить захватить кремль и поделить поделить поделить забрать все премии квартиры гонорары у маститых писателей известных художников популярных музыкантов и поделить поделить поделить забрать все капиталы у крупных бизнесменов знаменитых спортсменов воротил шоу-бизнеса реальных политиков финансовых королей и поделить поделить поделить забрать все деньги у билла гейтса и поровну поделить поделить поделить отобрать все деньги у романа абрамовича и по-братски поделить поделить поделить а самого абрамовича раздеть догола облить помоями забросать гнилью и тухлятиной оскорбить унизить опустить выколоть глаза разукрасить избить истоптать заплевать заблевать обоссать обосрать и выпустить кишки не со зла не из мести а ради хохмы ну и напоследок убить убить убить убить а все деньги забрать и поделить и раздать и раздать и раздать бедным поэтам непризнанным художникам сумасшедшим музыкантам провинциальным актерам доморощенным философам комнатным революционерам безнадежным лузерам калекам и уродам местечковым фрикам голимым

обсосам отбросам общества мелким жуликам привокзальным бомжам дворовым алкашам старым наркоманам молодым пидарасам молоденьким лесбиянкам гастарбайтерам вышедшим в тираж проституткам прыщавым тинэйджерам неоперабельным пациентам всем униженным и оскорбленным

а потом все растратить растратить растратить по дорогим бутикам и дорогим ресторанам накупить дорогих тачек дорогих прикидов дорогой жратвы и дорогого бухла наесться напиться до отвала и обосраться от пережора объездить весь свет посмотреть мир сорить деньгами не скупиться на чаевые и тратить и тратить и тратить все просрать а когда надоест все накупленное разбить разломать искорежить и выкинуть на помойку

и потом говорить друг другу это было круто чувак да прикольно чувак мегаклево чувак да реальный оттяг чувак вот это мы прикололись чувак й'олл отожгли нипадецки

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ПОСЛЕ ПРИЕМА ПИЩИ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ЖИТЕЙСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Писатель Вадим Калинин, автор книги «Килограмм взрывчатки и вагон кокаина», однажды попросил меня составить список различных дурных поступков, которые я совершил в своей жизни. Я согласился, но обещания не сдержал. Это первое.

Писатель Данила Давыдов, когда выпьет, любит говорить, что его предали. Легче всего рассматривать подобные заявления как результат воздействия алкоголя, но это неправда: если человек говорит, что его предали, значит, его предали. Это второе.

В декабре 1990 года я лежал в психиатрической клинике, не желая идти в армию. У меня сложились плохие отношения с соседями по палате, и ряд деталей, касающихся моего поведения, я до сих пор стараюсь не вспоминать. Острое чувство стыда, таким образом, должно послужить надежной основой для литературных и житейских воспоминаний.

ОРАНДЖ ДЭЙЗ

Я вообще-то редко им пользуюсь, как тебе известно. Только когда синие дни или оранжевые, потому что корпус разбил по пьяни и заклеил изолентой — частью синей, частью оранжевой. Купил футляр, внешне все вполне прилично выглядит. Но пользуюсь действительно редко — согласись, у меня других способов коммуникации предостаточно.

Если бы не оранжевые дни, я бы и в «Клон» заходить не стал. Когда сталкиваешься лицом к лицу со своей беспомощностью, своим безволием – ну что остается? Всякий раз думаешь, что в последний раз, что никогда больше, а жизнь прижмет – и опять. Думаю, у меня просто не было другого выхода.

Не нужно считать меня клоуном, вот об одном прошу. «Клон» закрыт, я еще в ту пятницу так решил, то есть уже в субботу, вертелся в голове каламбур «клон клоуна», а цвет оранжевый – по нынешним временам символизирует, согласись, нечто иное, чем тогда. Помнишь, у меня еще оранжевый рюкзак был, я с ним в Питере появился пять лет назад, оранжевая зубная щетка, шарф

оранжевый? В рюкзаке я потом огромное количество почты перетаскал, какие уж тут «входящие со всех мобильных бесплатно», с этим бы разобраться. Редко им пользуюсь, лежит обычно или с разрядившимися аккумуляторами, или денег на счету нет.

Честно говоря, я вообще всего один раз по нему звонил.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПОВЕСТИ «ФЭСТ ФУД»

Последнее время я чувствую себя все хуже и хуже.

Повесть «Фэст Фуд» написана четыре года назад. Ни грамма документальности в ней нет. Первая публикация, в интернетжурнале «Текстонли», безнадежно исказила текст произвольно расставленными гиперссылками. Вторая публикация, в альманахе «Авторник», ничуть не лучше: большое количество фотоснимков приблизило повесть к жанру нон-фикшн на недопустимое расстояние.

И здесь я должен сказать, что правильное название – именно «Фэст Фуд», но ни в коем случае не «Фаст Фуд». И здесь же я должен сказать, что не помню, имелось ли мое личное согласие на расстановку гиперссылок и публикацию фотоснимков. Вполне возможно, во всем виноват я сам.

Фотоснимки содержат подписи, некоторые имена искажены. Гиперссылки ведут на ресурсы, в настоящее время уже переставшие существовать. Мое тело отказывается принимать пищу, а значит, никаких перемен нет и не может быть. В итоге я наконец-то сдохну от жалости к самому себе. Предисловие, кстати, опубликовано.

ВТОРОЕ ЛИЦО

Ты живешь на привокзальной улице в одной квартире со своим бывшим мужем, который хранит в морозильнике шарфик твоего бывшего друга. По ночам на этой улице работают девушки, и возвращаясь домой в поздний час, ты автоматически убыстряешь шаг, если рядом притормаживает машина.

Дома ты часто слушаешь одну и ту же песню Егора Летова с альбома «Тоталитаризм». Твой бывший друг любил подшучивать над косностью твоих музыкальных пристрастий, предпочитая более современную музыку. Когда ты навещала в психиатрической клинике своего бывшего мужа, ты принесла ему бананы и спор-

тивный костюм. Бананы он взял, а от спортивного костюма отказался, сообщив, что все необходимое ему выдали.

Твой приятель, поэт Андрей Родионов, пишет стихи о людях, половину из которых ты знаешь лично. Иногда ты заходишь к нему на работу, в театр имени Станиславского и Немировича-Данченко, и молча пьешь чай из пахнущего водкой стакана. В тот день, когда ты поссорилась со своим другом, ты тоже собиралась зайти к Родионову, но так и не зашла почему-то.

Твой бывший муж говорит: если бы мы уехали в девяносто первом в Израиль, мы были бы счастливы. Хотя Израиль, конечно, – фашистское государство, Герцль из одной шайки с этими, Ульяновым и Шикльгрубером. Твой бывший друг несколько лет жил в Израиле. Говорил, что более скучной, более идиотской страны на свете не сыщешь.

В тебе всегда была какая-то тайна.

ПАМЯТИ СЬЮЗАН ЗОНТАГ

В конце декабря 2004 года умерла Сьюзан Зонтаг, и я подумал, что человека, не любящего праздники, предновогодние новости подобного рода в состоянии с праздниками примирить. В книге, которая тотчас по прочтении была отправлена в Краснодарский край, Зонтаг пишет об Эмиле Чоране, и в тот день, когда она умерла, я как раз читал Эмиля Чорана: «Там, где дело касается соболезнований, все выходящее за рамки штампа граничит с неприличием или ненормальностью».

В конце февраля 2005 года умер Хантер Томпсон, автор известной книги «Страх и ненависть в Лас-Вегасе». Я живо представил себе, что вот, будь мы ровесниками и близкими друзьями, мне сложно было бы соорудить мало-мальски осмысленный некролог. Я бы отмолчался, съехидничал бы пару раз в частном порядке, в общем, поступил бы не самым достойным образом: «Дружище Хантер пустил себе пулю в лоб».

В некоторых случаях такое вот недостойное поведение друзей и товарищей является лучшим памятником прекрасной эпохе — и никакие, пусть самые прочувствованные и искренние, некрологи делу тут не помогут. Недавние события — кончина поэтессы Татьяны Бек, дочери прозаика Александра Бека, и победа на выборах в США Джорджа Буша, к которому по ряду причин я испытываю личную неприязнь, — лишь утверждают меня в собственной правоте: «Чуть позже я расскажу о девушке, очень любившей Ронни».

ЛИСИЦА

Не знаю, стоит ли сейчас говорить о том, что ты имела на руках справку о собственной смерти, необходимую для прекращения всероссийского розыска. Два убийства, какие-то угнанные грузовики, изготовление и распространение наркотических препаратов в самых неподходящих местах — что из этого было правдой, уже не вспомнить. Помню зато, как в феврале 1990 года мы покупали огромное количество мороженой трески в рыбном магазине у Петровских ворот.

Иногда ты жила в моем доме, иногда заходила на работу – мы были добрыми друзьями, это я хорошо помню. Однажды, когда ты была мертвецки пьяна, я провожал тебя в Царицыно: в твоей сумке была лаборатория, полный набор реактивов и банок семь солутана, а ты все порывалась танцевать лезгинку с кавказцами на Курском вокзале.

В другой раз из ржавых пружин и обгоревших бревен ты построила на чердаке коммунизм. Когда последний раз я видел тебя во сне, твое тело было полностью металлическим.

За полтора года до действительной смерти ты забрала у меня все свои фотографии. Сказала, что не хочешь, чтобы их кто-либо видел. И сейчас, зная, что не смогу избежать известной доли сентиментальности, – уверен лишь в том, что подобная сентиментальность и есть предательство, которого я не мог совершить, пока ты была жива. Но ведь это уже не имеет значения, верно?

ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ ИРИНЫ ШОСТАКОВСКОЙ

«Эсхил наболтал ерунды. Я вернусь к тебе // Достану чегонибудь и вернусь к тебе» — вот об этом, где упоминаются многие деятели психоделической революции. О потреблении, производстве и преданности, в конечном итоге.

Ничего не могу поделать с тем, что многие тексты, считающиеся герметичными, насквозь для меня прозрачны. И напротив — иная прозрачность, особенно юмористического толка, для меня абсолютно непостижима, при этом, увы, скучна и безынтересна. Сизиф у Шостаковской — это, не иначе, Владимир Вишневский, как и сказано, не первый год мурыжащий одну строку. Однообразный, как психоделический опыт. Здесь, конечно же, передергиваю: камень брошен в омут метафизической лирики пошлейшего, вымученного извода.

Пресный вкус энных суток безжалостного задолба – по техническим причинам подкрашивается запахом бензина, чем же еще. Контркультура не терпит вторичной интерпретации, улетучивается не только вкус, но и смысл происходящего, отсутствие истории – неизбежная расплата за возвышенный пафос определенного свойства. Нет ничего отвратительнее очередной энциклопедии андеграунда. А если и есть, то это уже другой сюжет, другая история. О верности и предательстве, как всегда.

ВРЕМЯ И МЕСТО

Ты бросал курить в свой день рождения, под Новый год, в конце и начале каждого месяца, по всем праздничным или, наоборот, будним, ничем не примечательным дням. Перед сном, после пробуждения, в середине дня, ровно в полночь, когда попало, чтобы ничего не запомнить, а дату потом тоже забыть. И все без толку.

Ты бросал курить на всех мостах через Москву, на всех московских вокзалах, у каждого памятника на Бульварном кольце. В Кремле, у Мавзолея, на Лобном Месте, у нулевого километра. В квартирах, подъездах, электричках, поездах дальнего следования, в разных городах. И все без толку.

Ты бросал курить, тщательно избавляясь от «грязной» одежды, подбирая марки сигарет, связанные с теми или иными жизненными обстоятельствами. Вообще ты окружал данный процесс самыми разными ритуалами, вплоть до бесед с духом заходящего солнца и кровопускания из всех имеющихся конечностей. Успех был слабо связан со сложностью ритуала: от полутора лет до нескольких минут.

Оправдания тому, что ты снова брался за сигарету, также были разнообразны: одного неверного шага подчас было достаточно, чтобы аннулировать непродолжительное достижение. Мелочного конфликта, неосторожно произнесенной фразы, неуместного телефонного звонка. Иногда ты сознательно запрещал себе бросать курить, пока не произойдет то или иное событие.

В итоге ты, кажется, бросил – окончательно убедившись в глубине своей изворотливости и своего безволия, а также в болезненной зависимости от самого процесса отказа. Не знаю, удалось ли тебе найти достойную замену действиям, определившим всю твою жизнь. Надеюсь, все же не удалось.

КОФЕ И СИГАРЕТЫ

Фильм Джима Джармуша «Кофе и сигареты», вышедший на экраны в конце 2004 года, привлек меня не столько великолепным диалогом Игги Попа и Тома Уэйтса – теперь можно и покурить, ведь ты уже бросил, – сколько завораживающим ритмом ситуаций, не подразумевающих ничего, кроме отчуждения.

Меня не занимают чувства, вызванные собственно демонстрацией отчуждения – только ритм, в котором весь этот жалкий балаган протекает. Можно было бы сказать точнее, можно было бы – экпрессивней, но для кого так говорить об этом, кем я могу быть услышан (больше пафоса, скот, больше пафоса!) – при нынешних обстоятельствах, когда тело отказывается принимать пищу, а я уже пообещал, что расскажу о девушке, очень любившей Ронни?

Дмитрию Кузьмину принадлежит идея проекта «В моей жизни». Первая из предложенных тем — «Америка в моей жизни». Я написал на эту тему текст под названием «Переключая каналы», очень плохой, совершенно неудачный, с моей точки зрения, но думаю, что смогу кое-что исправить. Снова процитирую Шостаковскую: «Евнух наладит и пальцем. Такие дела».

ПЕНТАЛГИНОВЫЙ ОКЕАН БОЛЬШОГО ПРОСПЕКТА

Дельфин. У тебя часто бывают сильные головные боли. Дельфин на стене того кафе на Петроградской стороне, где ты проглатывал пенталгин под жареную картошку.

Тебе сказали, что с девяти до десяти утра в новом «Сайгоне» продают кофе по ценам старого «Сайгона». Двадцать семь копеек – у тебя только двадцать четыре. Спустя месяц, девятого апреля, ты находишь в грязи позади Гостиного Двора советскую трехкопеечную монету, значит, полный комплект, и ты идешь, но обнаруживаешь, что новый «Сайгон» перешел в другие руки и экзотическая услуга отменена. После этого – пешком на Матисов остров.

Обогнув бензоколонку, вокруг которой бегают крысы, ты проходишь по набережной до того места, где твой путь упирается в запертые ворота. И у тебя есть фотоснимок, где ты стоишь у этих ворот уже с другой стороны, но и день уже другой, поэтому лишний раз вспоминать о действиях, которые ты мог совершить, но не совершил, как-то, наверное, ни к чему. Дельфин был великолепен, обувь была совсем никуда, вся в соли.

БУДНИ КИБЕР-ДЗЕРЖИНСКА

Они познакомились в Телятниковском парке два года тому назад. Дядя Марии Александровны очень любил кормить зимой снегирей, синичек и прочих пернатых тварей. Часто он брал на свои неторопливые прогулки племянницу, совершенно не сообразуясь с ее желаниями и намерениями. Переспорить дядю не представлялось возможным: он утверждал, что свежий воздух полезен без исключения каждому, а человек, не пользующийся возможностью им дышать, проявляет вздорное и опасное для здоровья упрямство. И раз никак нельзя было отказаться от прогулок с дядей, то Мария Александровна предпочитала не отказываться, терпеливо слушала дядюшкину болтовню, кормила вместе с ним птиц.

Она смеялась, придумывая все новые и новые подробности их первой встречи, и Виктор знал, что это неправда, но лишь до определенной степени. Известная доля истины присутствовала в ее рассказах, да и сам он помнил, что сидели они втроем на скамейке в парке, щебетали вокруг них птички, яркое солнце пронизывало атмосферу, дети лепили снеговика, благо снег хорошо налипал сам на себя.

Работал он в привокзальном кегельбане. Дня не проходило, чтобы он не думал: сегодня. Но последние мгновения были таковы: подождет. Ранним утром Виктор покидал вокзал, чтобы, выспавшись, вернуться обратно. Через несколько месяцев, в конце апреля, он встретил Марию Александровну в грязной забегаловке, куда заходят на пару минут таксисты и где нищие проводят свое свободное время. Не следовало ожидать большего, чем секундное приветствие, а перед тем – узнавание. Они оба спешили. Спешка – довольно весомый повод, чтобы вообще не здороваться.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Дальше все пошло так, как обычно бывает в жизни: одна случайная встреча наследовала другой, и лишь одна была особенность этих встреч. Вернее, даже не особенность, а закономерность: каждый раз степень их случайности не убывала, но возрастала. Мария Александровна требовала невозможного. Временами она проклинала себя за безволие, которое позволило дядюшке вытащить ее на прогулку в парк. Временами она благословляла дядюшкино упрямство. Она требовала предельной жизненной насыщенности — и именно этого, как ни старалась, не могла получить. Сколько рез-

костей было сказано тому, с кого эти резкости скатывались, как с гуся вода.

В худшие мгновения ее лицо приобретало черты фарфоровой куклы — Мария Александровна отличалась красотой едва ли не безупречной, но изредка Виктор видел, что перед ним неодушевленный предмет, творение гениального мастера. Стеклянные глаза женщины, которую он любил, не давали повода для дальнейших сомнений. К тому же и сама Мария Александровна любила говорить в шутку, что не человек она вовсе, а произвольное сочетание внешних факторов. Виктор готов был верить этому, готов был не верить. Готов был считать подобные заявления признаком легкого душевного недомогания.

Следующей зимой его занесло в маленькую столовую напротив прокуратуры. Он заказал борщ, отбивную, малиновый компот и устроился обедать неподалеку от входа. Когда Мария Александровна зашла в ту же столовую и увидела Виктора, то была не слишком удивлена таким совпадением. Выслушав приветствие Виктора, она ответила ему тем же. К их столику подошел какой-то пьяный подонок, из тех, что по собственному желанию ночуют на вокзалах и постоянно пахнут мочой. Довольный впечатлением, которое произвела его неопрятность, он сказал Виктору: «Ты не мужик». Потом добавил, глядя прямо перед собой: «Да и ты не баба». С этими словами он подцепил корявыми пальцами край стола, приподнял его и резко оттолкнул от себя.

Мне проще умереть, чем понять, для чего может быть нужна подобного рода проза.

ПОЛОВИНА НЕБА

Если бы не пистолет в сумке, это был бы хороший роман. Чуть меньше диалогов на английском без перевода – и это был бы хороший роман. А уж если обойтись без советской истории восьмидесятых – роману так и вообще цены б не было. И вряд ли тогда я взялся бы писать об этой книге через десять минут после прочтения, невзирая на головную боль и простуду.

История авиаперелета фотографа Марка Анцелевича, впрочем, тоже богата сослагательным наклонением. И если авторы не постеснялись оставить своему герою полноту памяти (такой немного крахтовой памяти, с большим количеством имен собственных) – то и мне, его ровеснику, грех стесняться памяти о «большом тексте»

восьмидесятых. «Когда жизнь началась», – как пела Наталья Медведева о предыдущем десятилетии, о семидесятых годах. «Хорошие романы», если до сих пор еще не понятно, я бы штабелировал сразу: что-то человеческое может существовать только на необработанном стыке грубоватой документальности и грубоватой же искусственности – как если бы во всех театрах актеры договорились всегда играть плохо.

Здесь можно было бы продолжить. Получилась бы рецензия.

Могла бы получиться рецензия. Но мне бы этого не хотелось: что поделать, есть десяток-другой идеологем, свойственных эпохе хоумтейпинга и разрушения Стены, которые я предпочел бы видеть работающими.

РАССКАЗ О ДЕВУШКЕ, ОЧЕНЬ ЛЮБИВШЕЙ РОННИ

Высохшее лимонное дерево, выросшее в свое время из косточки, шутки ради брошенной в грунт, давшее один-единственный тщедушный плод, в который, видимо, и ушли все его силы, – использовалось мной для хранения подлежащих докуриванию сигаретных бычков. Я насаживал их на иглы, а дерево называл – «бычковое дерево».

Мой школьный друг Антон, впоследствии выступавший на эстраде под псевдонимом Антон Чехов, а к концу девяностых окончательно сошедший с ума, пришел однажды с девушкой, скурившей все бычки где-то за два часа. Вены у нее были, в духе времени, основательно перепилены, причиной же тому была неразделенная любовь к Ронни Рейгану, тогдашнему президенту Соединенных Штатов. Проблема, если подумать, действительно была серьезной: шансы на взаимность равнялись нулю.

До сих пор улыбка, которой сопровождается это воспоминание, получается у меня недолгой и виноватой: вполне понятная неспособность к живому сопереживанию уступает место весьма своеобразной зависти. Казалось бы, что более смешно и нелепо может свидетельствовать о призрачности тех или иных ожиданий, но нет — мне подавай именно воздух свободы, не знаю, нужно ли здесь подробнее. Думаю, не нужно.

ВСЕВОЛОД НЕКРАСОВ

Иван ел щи. На него было наложено старинное проклятие, что никак не мешало получать удовольствие от еды.

Вадим КАЛИНИН

ПОКА НЕ УПАЛ АРБУЗ

Из стонущего перегноя, В ещё сырой апрельский лес, Шагнуть в туманное, в грибное, В ночную вкрадчивую взвесь. По кремовому бездорожью Идти со сломанным зонтом И улыбаться осторожным Небритым синеватым ртом. Жить в полусне, в недоуменье, Неспешно муторно пыля, Как будто, сзади сняв сиденье, Везёшь картошку в игулях. Идти, как сквозь пустую осень, Где, от мороза охмелев, Ползёт смешной скулящий пёсик К голодным свиньям в тёплый хлев. На летних изумлённых досках, В груди лелея сладкий ком, Калечить ломкого подростка Рябым шершавым кулаком. Тоскливо, длинно, тускло думать, В тенетах ивовых кустов И после вешаться угрюмо На ржавых крючьях под мостом.

Отважный собирался урожай, На жаркий жесткий воздух лез початок, Пейзаж шуршал, потрескивал, жужжал В больших шмелях, в колёсиках зубчатых... Хруст сотен сеток, сеточек, сетчаток, Высоковольтных линий, крыльев, жал. Мы проходили через весь простор, Сквозь толщу звуков, бесшабашным строем

И каждый был беспечен, остр и скор Бессмысленной стрижиной быстротою. И каждый что-то важное держал, Один – цилиндр воды, другой – монеты, А третий – тонкий силуэт ножа И лодочку из дерева и света. И каждый верил в маленькую ложь, В комочек чуши, ласковый и жуткий, В счастливую томительную дрожь Застывшей в травах полевой анчутки, В сюжетец без начала и конца, Похожий на короткое дыханье Пушистого мышиного лица. И тени, что становятся стихами, Глядели на встающие над мхами Величиною в палец деревца. И наш поход, который вдруг возник, В субботней вялой вяжущей пучине, Был странно и легко похож на них, На тех существ, которых нет в помине, Пришедших из пустых досужих книг, Наполненной событьями пустыни. Он также не нуждался ни на миг Ни в цели, ни в какой-нибудь причине.

* * *

С тихим хрустом в грязи на глазах исчезали сугробы. На бумажно-сухих, неприятно стучащих ветвях Тлели бурые листья. С тупой и тоскливою злобой Рыл дерьмо грузовик, поминутно тошнотно ревя. Я чуть выше взглянул, мир на миг перестал шевелиться, Замолчал грузовик, и в беззвучной сухой пустоте Две большие мохнатые круглые серые птицы Поперёк пролетели подсвеченных кремовых стен И пропали в стремительно, страшно поехавшем свете, И когда я протёр и открыл наконец-то глаза, На сиренях синели громоздкие гроздья соцветий, А на кремовый город июльская лезла гроза. И я вспомнил, как в детстве, в потоке просёлочной меди,

80 Вадим Калинин

Среди узких посадок, где осы, цветы и репьи, На складном чёрно-красном бликующем велосипеде Я один заблудился в вечерней июльской степи И внезапно, проехав пахучую темень пролеска, С одинокого, вроде волны или дюны, холма, Я увидел внизу круглый пруд ртутно-красного блеска И белейшую башню, изящную, словно комар. Я застыл и вздохнул, и как будто расплакался даже, Я с немыслимой ясностью понял, что время бежит, И подобного чувства от очень простого пейзажа Мне нигде никогда не придётся уже пережить. И я вдруг перестал понимать, вижу я или мнится Мне вся эта картинка, и справа налево, к земле Две большие мохнатые круглые серые птицы Пронеслись, исчезая, как тень от ветвей на стекле. Я как будто моргнул, голова моя сделалась полой, Я почувствовал боль на губах, рассечённую бровь, Посредине весеннего дня я стоял перед школой, И в ладони из носа текла очень красная кровь. Я не знаю зачем и когда это снова случится, Просто будет момент и над снегом, водой ли, травой Пролетят две мохнатые круглые серые птицы, И я снова очнусь неестественно, странно живой.

Уходят теплые отголоски
В борщевики,
Лишь пласт тумана тупой и плоский,
И нет реки.
Ушла совсем ледяная Уча
Аж до зари
В слоистый, мертвенный и могучий
Молочный гриб.
Мы тоже молча уходим в складки,
В безнебье, в пар,
В зеленоватой ночной девятке
Без дальних фар.
Зеленый, вдумчивый свет приборов,
Моторный гром

И теплые неземные шторы
Со всех сторон.
Нехороши, невозможны даже
В глухом бельме
На остром августовском пейзаже
Слова и смех.
Путь ненаправленный, он, понятно,
Необратим,
Мы будем медленно, аккуратно,
Смешно полэти,
Пока по стеклу лобовому капли
Не поспешат,
Впуская пушкинский, цвета пакли,
Сырой ландшафт.

* * *

В ослином доме стынет чай, И ходики встают, Как будто это невзначай Увидели в раю. И кот не может не смотреть, Туда, где только что По сетке веток на ковре Не пробегал никто. В ослином доме есть река, Что вверх ногами, как Под стол стекающая ткань, Спешит по потолкам. В ослиный дом идут в поход Нездешние полки И тонут в сантиметре от Недвижимой руки. Никто среди таких болот Не отыскал тропы, И вверх ногами замер кот, Ушастый нетопырь. Тень вырастает за окном И смотрит без лица В большой пустой ослиный дом От холки до крестца.

82 Вадим Калинин

* * *

Все вокруг сплошные двери, И неведомо куда Люди, ловкие, как звери, Строят в небе провода, Чтобы поверху картины Смерть хрустящая текла, Пела б, грела и светила Всем, кому и как могла. По неведомой причине Начинает вечереть. Черно-красное теченье Исчезает в очерет. Мы снимаем облаченье. Ил, кипение рачков, Чье-то тело по теченью Вниз спускается ничком. Побоялся искупаться, Взял ладонью комара. И смотрю в пустые пальцы, Словно и не умирал. Женский запах незнакомый Пропитал мое белье. «Где я, милая?» «Ты дома» У себя ли, у нее? От логических невязок Все темнее и теплей, В голове кусочки сказок, Хруст суставов и стеблей. Просто жмурки, если водишь, То не видишь пантомим, Просто если дверь проходишь, Ей становишься на миг. Чтоб менялось, надо верить, А поверил – и дурак. Льется смерть из каждой двери В подмосковный душный мрак.

Слизь собирается в комки, Комки идут на юг, На юге – пляжи, кабаки, На отмелях гниют Морской коричневой травы Осклизлые стога, И небо кажется живым, Как женская нога. На севере дома, дымы, Коричневый металл, И снег, такой же, как и мы, Но чуточку кристалл. На город, кажется, Ростов, Бросается гроза. Цепочка слизистых комков Приходит на вокзал, И гром, и невозможный дождь, И опустел перрон, Цепочку слизи слизи вождь В дожде ведёт в вагон. Озёра, полные рачков, Сады, и вот их нет, Лишь росчерки солончаков В чернеющем окне. Локомотив горяч и пьян, Герой мой глух и слеп, Но знает то, что знаю я, Комичен и нелеп. Внутри собаки бродит жизнь, И этой жизни нет, В каком угодно смысле слизь Открыла мне секрет. Я словно надкусил лимон И сразу стал другой, И каждый слизистый комок Я раздавил ногой.

86 Вадим Калинин

И это не моро́к, не бунт. Не хочется – не верь. Я закрываю дверь во лбу, Я закрываю дверь.

* * *

Мы все друг друга посылали В очко, в сады, в иные сферы И, возвращаясь, пригоняли Богатств скрипучие галеры. Мы все друг друга подставляли Под ливни душные ночные, Под мягкий ток пуховой шали, Под брызги горные речные. Мы все друг друга распинали На простынях, траве и в лужах И после, возносясь, стонали, Обнявшись яростней и туже. И всякий раз в преддверье брани, Потехи, порева, вендетты Я вижу в медленном тумане Знакомейшие силуэты. И всякий раз, идя на дело, Я слышу тихие звоночки, Шум кристаллический и белый, Во мгле метущиеся точки. Перед грозой темнеют лужи, Зажегся тополиный пух, И позвоночник лижет ужас, И только мы одни вокруг.

Ушедшие своим путём Идут своим путём, У них забот, что тень растёт, И что башмак натёр. В их спинах холодок пещер, И дрожь плюща в руках,

Им лишь бы вяленых вещей Запас не иссякал. Им к ночи просушить бы плед Да отыскать родник, Не до кого им дела нет И никому – до них. И скоро первый снег пойдёт, Не может не пойти, Чтоб всякий след и всякий лёд Непрочный замести, Ведь этот путь, который твой, Такой лишь оттого, Что никогда никто другой Не встанет на него.

ПОКА НЕ УПАЛ АРБУЗ

(Стихотворение в прозе)

Личность формируется не так, как полагают пидагоги. Пидагоги вообще всегда полагают хуйню. Пока вы, затаившись в оранжевом, дощатом, пыльном, пронизанном ультрафиолетом раю, часто и сухо дышите в немом пронзительном восторге, где-то хаотично и грозно движутся округлые, свирепые предметы, оставляя глубокие борозды в манной каше вашей экзистенции.

Мне было девять неполных лет, и я мчался в плацкартном вагоне в осенний блистающий Крым. Это был чудесный плацкартный вагон, без духоты и узбеков. Я лежал на верхней полке по ходу движенья у открытого окна, и читал легкую с ноткой ревеня и стали советскую фантастику, внизу весело, с прибаутками, в такт стуку колес пили родители. Впереди был Крым, а по третьей боковой полке ритмично и самодостаточно катался огромный темно-зеленый арбуз. Поезд отстукивал счастье, дышала за окном степь, где-то, с коротким боржомным шипом тычась во влажные камешки, ждал мою жопу прибой. Катался арбуз. История ажурного металлического пришельца и младшего научного сотрудника в сером свитере, искрясь и позвякивая бубенцами соцпропаганды, летела к сладостно-предсказуемой, невесомой развязке. Родители становились все веселее. Катался арбуз. Мимо весело шла в сортир крупная красивая хохлушка с грубоватым диким телом, конопа-

88 Вадим Калинин

тая и подгоревшая. Катался арбуз, наращивал амплитуду. В спине моей разрастался шар шипящего счастья, он становился серебряней и пушистей. В Ялте салатная волна прокатывалась по пирсу, пришелец держал в стальных гвоздиках-пальцах зеркальный шар собственной головы. Катался арбуз - холодный, темный, как малороссийский пруд. И вдруг разом все пространство окна заполнила искристая цвета хаки большая вода. Поезд вылетел на дамбу, родители повскакали и прижались ладонями к стеклу. Арбуз перепрыгнул через бордюрчик третьей полки и в брызги лопнул на полу. В этот момент все хлопья предстоящего и сиюминутного счастья разом взвились в воздух, счастье наполнило вагон так, как наполняют крошечные перья пронизанный солнцем курятник, когда сквозь открытую дверь влетает жесткий ветер-вертун, утверждая близость грозы. Счастье наполнило меня, как вода – прозрачный гостиничный кувшин. Я ощущал, как плещет оно в такт перестукам изнутри в темечко.

В ту ночь я плакал. Плакал оттого, что времена, которые войдут в историю под именем «ПОКА НЕ УПАЛ АРБУЗ», навсегда остались в моем прошлом.

Я вчера употребил спиртное И всю ночь томился и блевал, И пустое, странное, иное Мне усталый разум рисовал. Грезилась туманная долина, В мокрых душных мангровых лесах, И в её дымящихся глубинах – Крошечных собачек голоса, Видел я покрытый шерстью берег, Мёртвый ствол, похожий на полип: Там, урча, как ласковые звери, Руки отсечённые ползли. Видел я гремящую машину Из шаров латунных и стержней С мёртвою головкой журавлиной, Флюгером застывшей в вышине. В сюртуке с оранжевой подкладкой, С медным мятым чайником в руке, Я всё шёл к подсвеченной палатке, Отражённой в матовой реке. Там внутри на корточках сидела Женщина, шепча кусочки слов, Всё её лоснящееся тело Пальцами живыми поросло. Я представил, прежде чем проснуться, Как её сейчас я обниму, Как одновременно прикоснутся Сотни пальцев к телу моему. Тут же стал слышнее гомон птичий, Весь ландшафт качнулся и обмяк. Где-то грохотнула электричка, И прошёл по комнате сквозняк. Я лежал одетым, без подстилки, Чувствуя себя совсем больным. Справа тускло высились бутылки Возле пыльной розовой стены. Сноп предметов вычурных и странных, Всё куда-то мигом унеслось, Только грудой грязные стаканы Под корявым капающим краном, Крошки да окурки под диваном, И в углу таинственным вараном Замер древний бронзовый насос.

ПРОРОК

И вырвал грешный мой язык...

Однажды я спал, прислонившись к спине своей жены, и мне приснился сон. Будто я неловко повернулся во сне и придавил маленького котика, который заполз в щелку между нами. Придавленный котик не мог даже запищать и только впился острым коготком мне под левую лопатку (наверно, у меня болело во сне сердце). Я отпрянул и увидел помятое тельце, а со лба у него свисала полоска содранной шкурки. Жена сказала, что это дурной сон: ты задавил котика, – сказала она, – быть беде. Так оно и случилось. Она у меня немножко пророк, как все женщины. Произошла беда около метро Краснопресненская, напротив Зоопарка. Мы возвращались из Киноцентра. Переходили на зеленый, как положено. И вдруг на перекресток ворвался Опель Омега и ринулся прямо на нас. Жена увернулась, а я не успел. Он раздавил меня, а потом еще дал задний ход и доделал меня – чтоб наверняка, чтоб все тело развалилось на части.

Голова моя, отдельно лежащая, видела того, кто был за рулем. Он был в черных очках, без усов и ростом два метра, но я, конечно, сразу узнал его по острым ушам, которые высовывались в люк Опеля, и содранной коже на левой половине лба. Еще я видел, как он выскочил из машины, схватил мою жену за руку, и слышал, как он кричал ей, волоча в машину: ему уже не поможешь, а тебе соучастие пришьют, не отмажешься! Мелькнул хвост из-под плаща, и они умчались.

Кот ошибся. Кот — не пророк. Первое — мне помогли, а менты, решив, что это опасный новый русский, тут же скрылись, только их и видели — это второе. Машины объезжали меня, не притормаживая, будто я так, куча мусора. Но добрый человек, фельдшер из Зоопарка, все видел. Он сразу побежал к себе, взял полиэтиленовый мешок, в котором носят на свалку подохших с голоду орангутанов, потом схватил совковую лопату и с этим — в клетку к слону. В общем, он вывалил около меня огромную кучу слоновьего говна, чтобы машины хоть как-то объезжали меня, а то они уже растащили мое тело по площади в сорок квадратных метров. Потом сгреб мои ошметки в мешок и опять бегом — в свою каморку.

Пророк 91

Там он стал воссоздавать меня. Сшил мне туловище из кусков, где недоставало, вшил заплатки, нарезав их из моих ног, а сами ноги взял готовые: у него там были две от чернобыльского воробья, по метру каждая. Потом стамеской расковырял дырку в груди, ею же взломал запыленную персоналку в углу и вставил мне старенький пентиум сто мегагерц в качестве сердца. Голову мою он безжалостно выкинул в окно на корм цаплям, а мне пришил башку аравийского верблюда с надкусанным ухом и вырванным языком. А язык? — закричала моя душа. Да на хуй он нужен, по клавишамто хуярить, — сказал мой воссоздатель. И поставил на место мои же руки, только зачем-то поменял местами правую и левую. Ну, будь здоров, — подтолкнул он меня в лоскутную спину. Я вышел за ворота Зоопарка. Окинул взором вечернюю толпу и смачно плюнул на тротуар. Рожденный дважды все знает и ничего не боится.

Алексей ДЕНИСОВ

ЗА ЖИЗНЬ несколько песенок в хронологическом порядке

обещают плохое лето за два года до конца света а я смотрю: лето как лето за два года до конца света

не жарко и не холодно и хороший дождь и каштаны цветут как в двухтысячном году дождь хороший идёт и я хорошо иду и в две тысячи первом и в две тысячи втором году

летит и кружится планета за два года до конца света ты тоже на планете где-то за два года до конца света

снова деревья зелёные и гнутся под ветром и если оглянуться можно увидеть радугу но куда мне смотреть чтобы увидеть тебя горизонт такая штука ну ты же знаешь

расставаться плохая примета за два года до конца света а помнишь как всё начиналось за два года до конца света

и эта рябь на лужах напоминает другую рябь на других лужах и по этим лужам сейчас я иду и в две тысячи третьем и в две тысячи четвёртом году и это будет длиться пока существует этот мир

я знаю песенка наша ещё не спета за два года до конца света забудь же всё но помни это за два года до конца света За жизнь 93

интересно что я впервые перехожу эту дорогу всё когда-то происходит в первый или в последний раз время такая штука но я снова тебя найду может быть в две тысячи пятом или в две тысячи шестом году

и это просто такое лееето за два года до конца свееета быстротечное лееето бесконечное лееето

лето 2006

молодой человек дайте руку 30 рублей, 80 рублей от чего у вас такой грустный взгляд? 278 рублей

на скамейках в скверах такое творится 30 рублей, 80 рублей тень в тени, где тень, тенью тенится 40 рублей. 40 рублей?

а не прогуляться ли нам вон к тому магазину 50 рублей туда, 50 сюда магазин, магазин, мы идем к магазину почему бы нет, почему бы нет

а сегодня в Москве шаловливое лето ядовитый газ режет глаз 70 рублей 60 копеек и никто не осудит нас

лето 2006

у ней злые глаза и пыльные волоса до того как начнется у нас есть час и то через полчаса

новое солнце как новая музыка в утреннем воздухе новокаин пятница, пятница без при чин

мы вышли из автобуса и ты что-то сказала я не помню, что именно, но что-то приятное типа автобусы больше не нужны и не надо спускаться в метро потому что сегодня настоящая пятница — последний день всех недель

новое солнце как новая музыка в утреннем воздухе новокаин пятница, пятница без при чин

нет конечно я рад и у ней добрый взгляд это видно и со спины сладко спится и снится я люблю когда снится начало я-а-дерной войны

лето 2006

давай вбухаем, чего смеяцца такая осень, что прям нажрацца листочек жолтый, листочек красный давай вбухаем, чего смеяцца

возьми у ленки, займи у макса давай вбухаем, чего смеяцца пойдем по лужам, как по сухому нам очень нужно до гастроному

какие нахуй на небе тучки какого хуя нам ждать получки какие деньги, какая осень давай вбухаем, ведь скоро восемь

ведь скоро станет темно и скушно любовь обманет и борщ на ужин жена и солнце уйдут к другому бросай всё нахуй и к гастроному За жизнь 95

листочек жолтый, листочек красный не жми как сука свой дар напрасный не жаль берёзке, не жалко клёну и нам не жалко, возьмём палёной

осень 2006

* * *

ты не печаль, ты не тоска ведь ты любишь меня пока и этот день крутится веселым волчком такой смешной белочкой со мной всё будет путём пока я с моей девочкой

какие смешные фонари хотя мы курим наш винстон лайт смотри, куда смотришь – в глаза мои и всё будет как теперь, а теперь олрайт

зима будет долгой, как мне сказали на моей бывшей работе возможно, зима будет всегда ку-ку, ёбаные дяди и тёти мне нравится эта зима

ведь горят фонари по дороге к дому они мне покажут путь коньяк греет сердце по дороге к дому и не дает уснуть

коньяк лижет сердце и я как собака найду дорогу к твоему порогу

зима – это значит не растает шоколадка которую тебе я несу в кармане ведь когда любовь – должно быть сладко и это истина, которая не обманет

зима 2007

жук-жук жак-жак жык-жык вдруг высунул язык а было хмуро хажывал задроченный мужык

итак так-так вот-вот он больше не урод сначала он повесился потом наоборот

жык-жык жак-жак жук-жук забыл душевных мук а было так что не было такого с ним давно

вот-вот итак так-так он больше не дурак с тех пор как он повесился ништяк ништяк ништяк

жак-жак жук-жук жык-жык привет тебе мужык не зря я эту песенку ох бля буду не зря

весна 2007

* * *

а я у рижского вокзала разливного припил а я у рижского вокзала шаурмищу купил а я у рижского у рижского вокзааала подумал как подумал что меня так мааало

а я у рижского вокзала разливного припил а я у рижского вокзала шаурмищу купил а я у рижского у рижского вокзааала представил как представил что меня не сстааало

а я у рижского вокзала разливного припил а я у рижского вокзала шаурмищу купил а я у рижского у рижского вокзааала увидел что увидел как меня не стааало осень 2007

СМИЛУЙСЯ, ГОСУДАРЫНЯ РЫБКА

В сентябре прошлого года Аля после долгого перерыва обновила свой блог:

Сегодня, пользуясь замечательной погодой, я вышла прогуляться в ближайший парк. И вот шла я так медленно, в умиротворенном состоянии, хоть на лавочку садись и засыпай под Яна Тирсена в плеере, и вдруг увидела, как по обочине дорожки прошмыгнул в сторону деревьев мышонок. Совсем небольшой, сантиметра три в длину, не считая хвоста.

Не знаю, что со мной случилось и какие инстинкты в тот момент проснулись, но я почувствовала, что очень хочу его поймать. Не убить, упаси боже, и не отнести домой, зачем он мне, а именно поймать.

Короче, я преследовала несчастного зверька среди лип и тополей, пока он окончательно не скрылся. Хорошо понимая, что делаю что-то не то.

Доктор, это лечится?

В течение часа откликнулись трое.

Двое из них независимо друг от друга предположили, что в прошлой жизни Аля была кошкой, причем, как уточнил второй, не какой-нибудь породисто-декоративной, а правильной охотничьей кошкой, полезной в хозяйстве.

Третий возразил им обоим, высказав убежденность в том, что никакой прошлой жизни не существует, а если и допустить нечто подобное, то во всяком случае у человека и в текущей жизни может быть достаточно причин для того, чтобы вот так, на первый взгляд, немотивированно охотиться на мышь.

Четвертый и последний комментарий пришел ночью, когда Аля спала. По утрам она принимать почту не успевала, на работе выхода в сеть не было, так что прочесть его удалось лишь на следующий вечер:

а может быть, охотничьи повадки ни при чем, просто тебе хотелось подольше понаблюдать, как это маленькое существо стремительными движениями, лишь для поверхностного взгляда хаотичными, грациозно шевелит видавшую виды весны и лета траву?

Написал это единственный из семнадцати ее друзей, с которым она не была знакома лично. Где и как она его нашла, Аля не помнила. Так, добавила однажды из любопытства.

Очередную запись она сделала уже после Нового года, раньше было как-то не о чем.

С недавних пор сразу в двух палатках с восточной едой, мимо которых я каждый день хожу на работу и обратно, неизменно висит табличка "Шаурмы нет".

Куда исчезла шаурма, не знаете?

Ты что, газет не читаешь? Телевизор не смотришь? В новостные ленты не заглядываешь? -

поинтересовался Алексей, муж ее подруги Маши. На его новом юзерпике был изображен непонятный Але черно-белый дорожный знак.

Газет не читаю.

По телевизору смотрю только фильмы ужасов и кулинарные передачи.

А что такое новостные ленты?

Черно-белый квадратик одарил ее тройной улыбкой, как изпод карнавальной маски (насчет телевизора Аля, впрочем, не шутила), и ссылками на наиболее популярные новостные ленты.

Пока Аля ходила по этим ссылкам, пришел комментарий от подруги Насти. Если бы она, признавалась Настя, хотя бы наполовину умела и любила готовить так, как Аля, ее бы ничуть не беспокоило временное исчезновение какой бы то ни было уличной еды сомнительного качества.

Кстати, решила Аля, можно по такому случаю сделать улучшенный вариант шаурмы на ужин. Раньше они с мамой почти каждый вечер готовили вместе и, действительно, никогда не ели в фастфудах, только дома. Мама вообще после работы «всю эту гадость» из ларьков и забегаловок видеть не могла. В последние недели кухня была в распоряжении Али — мама часто выходила в дополнительные смены, зарабатывая к отпуску. Ее который год уже влекло вместо привычного турецкого берега в страну настоящих пицц и паст, бесконечные заменители которых она штамповала ежедневно по производственной необходимости. Алина мама работала в одном из тех многочисленных заведений сетевого общепита, которые и объективно, и по совести слишком дороги для

невзыскательных едоков, а для всех остальных не представляют гастрономического интереса, но тем не менее никогда не испытывают в нашем городе недостатка в посетителях.

Пока Аля обжаривала мясо и нарезала зелень, еще два человека объяснили ей, в чем суть недавних изменений в городском миграционном законодательстве и почему, таким образом, нет шаурмы. Впрочем, она уже успела прочесть об этом на новостных сайтах.

Держа в одной руке баночку с медом, а в другой мышь, она не без легкого волнения открыла подоспевший к вечернему чаю комментарий от единственного друга, не знакомого лично:

бога тоже нет, но об этом никто с утра не предупреждает, ни табличкой, ни устно,

а то еще начнут спрашивать, куда исчез и почему нет.

В продолжение темы недавних инициатив местной власти, ограничивших иностранцам область приложения их трудовых возможностей, Аля на следующий день устроила в своем журнале небольшой опрос.

Скажите, а как вы называете незнакомых людей других национальностей?

Для примера: допустим, вы проходите мимо стройплощадки, где работает группа темноволосых и смуглокожих граждан, говорящих на непонятном вам языке. Какое слово для обозначения этих граждан первым приходит вам в голову?

На этот вопрос ответили почти все Алины друзья. Большинство указало слова «приезжие» или «гастарбайтеры». Один, самый старший, выбрал немного архаичное выражение «гости столицы» – привязалось, объяснил, еще во времена вымученной бодрости монотонных телерадиоголосов. А бывшая Алина одноклассница Нина честно написала, что на подсознательном уровне ничего не может поделать со своим предвзятым отношением к иноплеменникам. Мысленно, хотя и стыдится этого, она нередко называет их «черномазыми» или даже «чурками» и считает, что без них город был бы как-то уютней. Но вслух – никогда, конечно.

Аля не знала, как поступить: удалить Нину из списка друзей? ответить ей что-нибудь резкое и осуждающее? Удалять было жалко: Нина периодически рассказывала правдивые, но при этом нескучные истории, в каковые имела талант время от времени попадать. К тому же все-таки одноклассница. И человек неплохой.

Продолжая размышлять о том, как обойтись с Ниной, Аля машинально перечитала несколько собственных последних записей и тут же решила, что тот, кто недавно охотился на ни в чем не повинного полевого мышонка, осуждать других за ксенофобию и агрессивность не имеет права. Так что ни сокращать список друзей, ни отвечать Нине она не стала.

Ближе к полуночи единственный друг, не знакомый лично (Аля ждала его ответа и отчасти из-за этого до сих пор не спала), написал:

раньше я тоже называл их гастарбайтерами.

но однажды случайно оговорился и с тех пор зову не иначе как "интербригады".

наверное, это плохой признак, ведь с реальными интербригадами у них нет ничего общего. все равно что сажать в одну камеру уголовных и политических преступников.

недоброжелатели у тех и других похожие, разве что. да и то.

Слово «интербригады» было Але определенно знакомо, но именно сейчас оно никак не желало покидать удобно обустроенное гнездышко где-то в первом-втором круге долговременной памяти. К счастью, для таких случаев у современного человека есть поисковые системы и «Википедия». Аля еще полчаса провела у монитора и утром едва не проспала работу.

Сегодня я видела, как ухоженная и хорошо одетая молодая женщина сильно ударила своего ребенка и обозвала его сволочью за то, что он плакал и не хотел куда-то там идти. Стерва. Я мысленно пожелала ей прожить долгую жизнь и сдохнуть в самом вонючем приюте для одиноких старых ведьм.

В связи с этой неприятной историей у меня вопрос к тем, у кого есть дети: а как вы реагируете на их истерики, непослушание и прочие формы протеста?

Аля сделала эту запись примерно через неделю после предыдущей, с кросспостом в специализированное сообщество, куда предлагалось жаловаться на случаи плохого обращения родителей с детьми.

Отклики сыпались дня три, не меньше. Одноклассница Нина ответила, что ни разу ни одного из троих детей не ударила и что у нее старшие в таких случаях успокаивают младших, а иногда

и наоборот. Подруга Маша написала, что давно прибила бы своего спиногрыза, но боится попасть в кого-нибудь невиноватого (в их маленькой квартире, помимо троих взрослых и очень подвижного пятилетнего мальчика, водились и регулярно обновлялись внушительные поголовья разнообразной живности в диапазоне от подобранных на улице собак до экзотических насекомых). Машин супруг Алексей, сменивший юзерпик с дорожным знаком на мордочку не то коалы, не то вомбата, процитировал Хармса: «А молодая, толстенькая мать терла хорошенькую девочку лицом о кирпичную стену». В специализированном сообществе неспешно прирастала и разветвлялась дискуссия о допустимых приемах утешения плачущих детей (отвлечь, приласкать, поговорить серьезно, в крайнем случае – пообещать что-нибудь приятное, хотя последним, разумеется, злоупотреблять нельзя), а также о том, насколько естественно применение силы в воспитательных целях и простительно ли бить детей, если есть за что.

Единственный друг, не знакомый Але лично, отметился в комментариях одним из последних:

я очень рано объяснил своей дочери, что протест – это профанация недовольства.

Аля хотела расспросить его, какими конкретно словами или поступками он донес до сознания младенца столь непростую истину, но не решилась. У нее были свои причины побаиваться сближения с подобными людьми, несмотря на то что она вряд ли могла бы объяснить даже сама себе, что скрывает обобщение «подобные люди» и по каким признакам, собственно, ее незнакомый друг подобным людям подобен.

Потом Аля опять долго ничего не записывала. Мама вернулась из Италии расстроенная, точнее, там ей очень все понравилось, но она не ожидала, что возвращение столь быстро и непоправимо испортит впечатление от поездки. Зато они снова вместе готовили вкусные ужины по проверенным либо слегка измененным рецептам.

Новые строчки в Алином блоге появились лишь в конце апреля:

Вчера в метро две пожилые женщины рядом со мной очень громко разговаривали – несмотря на шум, я слышала каждое слово. Но вот странно: хотя обычно чужие разговоры возбуждают во

мне нездоровое любопытство, на этот раз я поймала себя на том, что совсем не прислушивалась. Мне было абсолютно неинтересно, о чем они говорили. Я и не помню уже, о чем. При этом в них самих не было ничего отталкивающего, неприятного. Наоборот, одна из них внешне напоминала покойную бабушку, которая меня вырастила.

И вот мне пришло в голову: если не интересен чей-то реальный разговор, надо придумать им свой, и такой, чтобы не было скучно и обидно за говорящих. Итак, что бы я сама хотела вокруг себя слышать?

Второй день пытаюсь сочинить подходящий диалог и не могу. Не получается.

За прошедший с тех пор месяц под этой записью появился единственный комментарий – от единственного друга, не знакомого лично:

и я не могу.

Анна ГОЛУБКОВА

ОЧАРОВАНИЕ УБОЖЕСТВА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОЗЫ ДМИТРИЯ ДАНИЛОВА

Как ненавижу, так люблю свою Родину, И удивляться здесь, право, товарищи, нечему, Такая она уж слепая глухая уродина, Ну а любить-то мне больше и нечего. Φ едор Чистяков. «Улица Ленина».

Литературная судьба Дмитрия Данилова на фоне судьбы поколения представляется одной из самых типических. Начало его творческого пути приходится на первую половину 1990-х гг., затем следует длительный перерыв и возвращение к творчеству в начале 2000-х. Этот «двойной старт» приводит к парадоксальной ситуации – зрелый и вполне сложившийся автор оказывается в компании начинающих и вынужденно конкурирует с сочинениями двадцатилетних, что не приносит никакой пользы ни одной из сторон. В настоящее время повести и рассказы Дмитрия Данилова в основном опубликованы в сети (http://ddanilov.ru; http://textonly. ru/authors/?issue=22; http://topos.ru/article/339; http://polutona.ru/ ?show=danilov; http://netslova.ru/danilov), также вышли две книги «Черный и зеленый» (СПб.: Красный матрос, 2004. 104 с.) и «Дом десять» (Повесть и рассказы. М.: Ракета, 2006. 96 с.), рассказ «Вечное возвращение» с некоторыми купюрами напечатан в журнале «Крокодил» (2007, № 1)), два рассказа («Вечное возвращение» в авторском варианте и «Праздник труда в Троицке») опубликованы во втором выпуске альманаха «Абзац». Критическое осмысление даниловской прозы представлено статьей Данилы Давыдова «Торжество продуктивного аутизма» (предисловие к «Дому десять»), упоминанием в «WWW-обозрении» Сергея Костырко («Новый мир», 2006, № 11), заметкой в книжном обзоре Ирины Роднянской («Новый мир», 2007, № 6).

В представлении Данилы Давыдова по форме произведения Данилова напоминают романы Натали Саррот, Алена Роб-Грийе, Клода Симона, Мишеля Бютора, но по содержанию они им полностью противоположны, так как Данилов пишет «о мире осмысленном, несмотря на все тихое, подколодное, молчаливое безумие бытовой эмпирики». По мнению автора статьи, общие тенденции поэтики Леонида Добычина и Анатолия Гаврилова

106 Анна Голубкова

доведены Даниловым до «кристаллической, прозрачнейшей формы». Все это позволяет критику назвать писателя «самым ярким представителем постконцептуализма в новейшей русской прозе». Сергей Костырко считает Дмитрия Данилова сугубо «бытовым» писателем. Предмет его исследования – «технология быта», метод – фиксация серии «типовых жестов, типовых фраз». По форме эта проза близка к поэзии, и за счет этого в повестях и рассказах возникает «завораживающее эстетическое пространство». Кроме того, в произведениях Данилова существует еще один глубинный уровень изображения. Писателю удается проникнуть «внутрь того таинственного, что закрыто для нас привычкой смотреть и уже не видеть», и показать, что «жизнь загадочна и неохватна даже в самом элементарном, как бы очевидном». По мнению Сергея Костырко, Данилов - серьезный профессионал и вполне состоявшийся художник. Ирина Роднянская в своей заметке отмечает маргинальное положение писателя в современном литературном процессе. Критик также обращает внимание на близость прозы Данилова к поэзии: «Конечно, это – проза, но опирающаяся на живую, неписьменную речь, как настоящая поэзия, и, как поэзия же, совершающая возгонку реальности – не возвышающей лексикой, а самим своим строем». Литературное направление, в рамках которого работает Данилов, Роднянская определяет как «метафизический гиперреализм». Метафизика, считает автор заметки, присутствует в тексте не прямо, а скрыто - «в той постоянной радости, которую испытывает автор, обнаруживая, что все вокруг, даже самое жалкое и унылое, наделено даром бытия». Таким образом, как видим, при некотором различии в оценках критики единодушны в сближении даниловской прозы с поэзией и в обнаружении в его текстах второго – экзистенциального, мистического, метафизического – уровня.

Если рассмотреть прозу Дмитрия Данилова поподробнее, то в ней можно обнаружить несколько любопытных особенностей. Выстроенные в хронологическом порядке, эти произведения хорошо иллюстрируют творческий поиск автора. В более ранних рассказах фантастический вымысел присутствует в равной мере с правдоподобием. Например, в рассказе «Павелецкий вокзал. Новогодняя сказка» (2001) в общий фантастический сюжет вклиниваются натуралистические детали. Рассказ начинается как обычная зарисовка – повествователь с высоты двенадцатого этажа наблю-

дает за предновогодней суетой на площади Павелецкого вокзала. Затем в рассказе появляются элементы фантастики – бизнесмен, который «ползет» в свой офис (если смотреть сверху, то действительно кажется, что человек ползет); женщина с трехлитровыми банками, занятая деятельностью, смысл которой непонятен ни ей, ни читателю. Если в первом случае Данилов реализует в тексте прямое лексическое значение глагола «ползти», то второй фрагмент демонстрирует общую бессмысленность и мистическую загадочность человеческой деятельности вообще. Последний эпизод рассказа повторяет его общую структуру. Сначала Данилов совершенно правдоподобно описывает, как от Павелецкого вокзала отходит поезд-экспресс до аэропорта «Домодедово». Затем картинка резко меняется – на огромной скорости проскочив нужную станцию, поезд растворяется в воздухе: «От экспресса и его обитателей остается только огромный радужный столб, несколько дней неподвижно висящий в небе над бесконечным полем и прямыми железными рельсами». На подобном же приеме сочетания фантастического сюжета и натуралистических деталей выстроены рассказы «Метро Чертановская» (2002), «Вывоз мусора» (2004), «Дом на севере Москвы» (2004).

Во всех этих произведениях повествование ведется от лица наблюдателя и представляет собой короткие лирические зарисовки. Однако есть у Данилова и произведения с более или менее четким сюжетом, написанные в той же манере. Это микроцикл про Мелентьева («Нина Ивановна», 2002; «Нагорная», 2002; «Черная металлургия», 2003) и такие рассказы, как «Фабрика. Осень. Дорога», «Девки на станции», «Николай Степанович» (все – 2002). Впрочем, ожидания читателя, приготовившегося к восприятию занимательной истории, будут обмануты – при всей очевидности изображенных событий понять, что конкретно происходит в рассказах, невозможно. В них многократно повторяется и доводится до совершенства, становясь самостоятельной основой произведения, структура эпизода с трехлитровыми банками из «Павелецкого вокзала». В упомянутом выше фрагменте женщина с неясным именем – то ли Нелли Петровна, то ли Нина Петровна – получает на складе стеклянные банки, после чего отправляется за город и закапывает их в землю вокруг памятника. Точно так же и герои остальных рассказов (персонажи с двусложными фамилиями - Тапов, Папов, Субов и др.) совершают какие-то вполне определенные действия

108 Анна Голубкова

– передают друг другу свертки с загадочным содержимым, отправляются в командировки, цель которых так и остается неизвестной. О смысле этих действий читатель может только гадать с той или иной степенью вероятности. В результате оказывается, что совершающие поступки персонажи и внешний, построенный на событиях, сюжет, в произведениях Данилова далеко не главное. Гораздо более интересны автору, а потому и намного живее, предметы и элементы пейзажа. Мир в целом у Данилова нелеп, загадочен, непонятен, но как раз именно этим странно притягателен. В этой прозе изначально образуются два плана повествования – минимальный, часто абсурдный, сюжет и удивительная, совершенно отдельная от него, жизнь предметов.

Вероятно, самому автору круг его предпочтений стал ясен далеко не сразу. С точки зрения поиска Даниловым собственной манеры повествования весьма интересны рассказы «Сокол» (2001), «Крестьянин Пантелеев», «Прибытие поезда» и «Дом-музей» (все три – 2002), отсылающие читателя к Замятину и Платонову. «Полярная авиация» (2001) по своей структуре напоминает произведения Пелевина, Липскерова и Маркеса. «Хорхе Кампос» (2002) чем-то похож на раннего Грина. Однако наряду с этими рассказами в творчестве Данилова с самого начала присутствуют и совсем другие произведения. В этюде «Место» (2002) элемент фантастики сведен к минимуму. Сначала дается описание ощущений человека, находящегося в полутемной квартире, затем этот человек выходит на улицу и внезапно оказывается в совершенно другом месте: «... это уже совсем другой город, не тот, в котором родился и жил, а совсем другой, и теперь будет трудно, точнее, совсем невозможно вернуться домой, в сумерки, в темную пустую квартиру». Условно реалистичными также можно назвать рассказы «Капотня» (2002), «Пошли в лес» (2002), «Первый человек» (2003), «Встреча» (2003), «День или часть дня» (2003). В «Капотне» рассказывается о том, как повествователь отправляется на экскурсию в известный своей плохой экологией московский район: «Никогда раньше не был в Капотне. Сколько уж лет прошло, и ни разу не был. <...> Говорят, жить там совершенно невозможно. Говорят, там все дымит и воняет. Говорят, что люди там умирают прямо сразу, на месте, не успев совершить ничего пугающего или умилительного. Никогда там не был. Хотя давно стремился. Ведь в таком месте обязательно надо побывать». Герой едет в автобусе и дотошно отмечает все, что происходит вокруг. Этот прием подробного описания неспешных наблюдений и переживаний каждого впечатления, полученного от окружающей действительности, в дальнейшем развивается в повестях «Черный и зеленый» (2003) и «Дом десять» (2003-2004). К этой группе текстов примыкает также рассказ «Пошли в лес», соединяющий отстраненное описание окрестностей девятиэтажного дома и игр на детской площадке с точной психологической зарисовкой родительского беспокойства и последующего гнева. «Первый человек» и «Встреча» являются в чистом виде психологическими картинками, а рассказ «День или часть дня» соединяет оба творческих метода, показывая внутреннее состояние человека через подробнейшее описание жестов, движений и окружающих героя предметов.

В повести «Черный и зеленый», как отмечает Сергей Костырко, при вполне конкретном сюжете – «история поисков автором работы (заработка) в конце 90-х (веб-обозреватель, распространитель печатной продукции по книжным магазинам, торговец чаем, бомбила на подаренной тестем "Волге" и, наконец, счастливый финал – работа главного редактора отраслевого журнала» – присутствуют все элементы поэтики, наработанные автором в рассказах (поэзия быта, лирическая интонация, гиперболизация детали). В отзыве особенно обращается внимание на наличие дистанции между автором и повествователем, «позволяющей Данилову сделать объектом сам субъект повествования, то есть дать образ восприятия мира молодым человеком 90-х». Костырко обнаруживает в повести также и философский смысл – описание «способов крепежа» «героя к реальности и, шире, человека, личности – к миру, к бытию». На наш взгляд, в тексте, имеющем много лирических черт, дистанция между автором и повествователем создается Даниловым искусственно, чтобы подчеркнуть эпическую отстраненность и мнимую незаинтересованность автора в происходящем. Рассмотрим фрагмент начала повести: «Уходил из дома поздно, в десять, в одиннадцать. Большинство людей ехало, наоборот, домой, в светящееся теплыми уютными огнями Митино. Это было неприятно. Ехал в холодном автобусе номер 266 до метро Тушинская. В автобусе холодно, окна покрыты толстым слоем замерзшей воды, и не видно, что происходит на улице. Местоположение автобуса определялось благодаря телесным ощущениям, возникающим при поворотах: вот повернули на Первый Митинский, вот повер110 Анна Голубкова

нули на Пятницкое шоссе. Вот повернули к метро». Впечатление дистанцированности возникает за счет употребления прошедшего времени, в котором у глагола, как известно, совпадают все формы единственного числа, и многочисленных безличных конструкций («было неприятно», «не видно»), описывающих не какую-то общую для всех внешнюю ситуацию, а внутренние ощущения повествователя. В то же время по своему содержанию данный фрагмент посвящен исключительно переживаниям главного героя, более того, эти переживания являются основными событиями сюжета, именно на них и выстроен весь эпизод. О том, куда и как едет автобус, мы узнаем из «телесных ощущений» персонажа. Однако благодаря умелому построению фразы и спокойной неторопливой интонации повествования у читателя складывается впечатление, что речь идет не об опыте какого-то конкретного человека, а о собирательном образе целой группы людей. В результате возникает поразительный эффект совпадения и одновременного несовпадения читателя с автором, перетекания «я» в «он», лирики в эпику и обратно.

На «совершеннейшее погружение, растворение, узнавание и одновременное отстранение реципиента от повествовательских "я" или "он"» также обращает внимание Данила Давыдов в своем предисловии к книге «Дом десять». Самой повести критик дает два определения - «путеводитель по Тушину времен детства повествователя» и «каталог особенностей подросткового быта эпохи позднего совка». Как и в «Черном и зеленом», в основу повести положены автобиографические впечатления, но, на наш взгляд, было бы весьма опрометчиво искать здесь какие-то реальные приметы времени и пространства. «Дом десять», несомненно, является путеводителем, только не по Тушину конца семидесятых годов, а по внутреннему миру автора, чей пристальный взгляд выхватывает из окружающей обстановки только значимые для собственного восприятия предметы. Это, если так можно выразиться, «внутреннее Тушино», которое есть у каждого, хотя и не с одинаковой степенью осознанности. Данилов вовсе не собирается создавать у читателя объективное представление об эпохе. В сменяющих друг друга эпизодах упоминаются вещи, до сих пор, наверно, сохраняющие для автора свое особенное значение: автобус 199 маршрута, дворовый футбол, железная дорога, прогулки на велосипедах... В каждом случае к описанию предметов или ситуаций добавляется

переживание удивления от контакта с действительностью, когда нечто ранее несущественное и в силу этого не замечавшееся вдруг начинает существовать и становится фактом внутренней жизни. Как, например, это описано в истории с футболом: «Однажды летом 1978 года ребята играли в футбол на маленькой асфальтированной площадке рядом с доминошным столом. По какой-то случайности оказался рядом. Стоял, смотрел. Вдруг как тумблер какой-то в голове щелкнул – футбол стал интересен. В одно мгновение. Сразу вступил в игру, пытался бить по мячу». В «Доме десять» отражен опыт экзистенциального освоения реальности. Данилов показывает, как в какой-то момент вещи и явления внезапно начинают быть. Вот почему подробности, прямо не касающиеся внутреннего становления и развития героя, остаются за рамками повествования. Видимо, с самого детства предметы и их таинственная жизнь интересовали автора гораздо больше, чем люди с их мелкими заботами и неглубокими пристрастиями. Поэтому основное внимание в «Доме десять» уделено именно предметному миру, а не воспоминаниям о том, «кто с кем дружил и кто с кем дрался»: «...дома, заборы, гаражи и сараи стоят на своих местах, именно они важны и интересны, это единственная реальность, оставшаяся от того времени, и это единственное, что достойно описания, пусть даже такого короткого и фрагментарного...».

Со временем доля произведений, которые можно условно назвать правдоподобными, в творчестве Дмитрия Данилова увеличивается. Постепенно внешняя занимательность отходит на второй план, и действие переносится во внутренний мир повествователя или главного героя. Одной из особенностей поэтики Данилова является постоянное развитие. Наработанные ранее приемы видоизменяются, что позволяет автору поворачивать одну и ту же тематику абсолютно разными гранями. Очень хорош небольшой рассказ (скорее даже, этюд) «Солнце» (2004), где описание маленьких, темных и убогих хрущевских квартир переходит в рассуждение о жителях Крайнего Севера, каждый год стремящихся уехать летом к морю и солнцу. Этюд заканчивается потрясающей картинкой – и фантастической, и реалистичной одновременно: «Кругом лес, лес, и вдруг – открытое место, и на этом открытом месте стоит гигантский заводской корпус, одинокий огромный заводской корпус, и кругом ничего нет, даже подъездных путей, <...>, а мимо завода бежит небольшой мальчик, просто бежит куда-то, как на картине знаменитого итальянского художника Джорджио де Кирико, куда он, интересно, бежит, куда в этом месте можно бежать, но он бежит, а низко над горизонтом висит солнце, ведь нельзя же совсем без солнца, не могут ведь люди жить без солнца». В рассказе «Имени Фрунзе» (2004) доведенный до совершенства в полуфантастических произведениях сюжет (оттуда же переходит имя одного из персонажей – Николай Степанович), представляющий собой обрывок из непонятной чужой жизни, соединяется с подробным описанием деталей и психологического состояния героя. Собственно, как раз в «Солнце» и в «Имени Фрунзе» последние различия между двумя направлениями даниловской прозы исчезают, и можно с полной уверенностью говорить об образовании особого, ни кого не похожего, авторского стиля.

Данила Давыдов называет прозу Данилова «инертной с виду, сугубо эмпирической», «воздействующей на читателя чем-то неуловимым». В качестве особенностей поэтики критик выделяет «перечислительные ряды, нарочитые повторы, безоценочный (будто бы) взгляд, парадоксы, не кажущиеся таковыми, поскольку заложены в самой основе обыденности, ритм повествовательной речи, сообщающей факты и только факты». По его мнению, в произведениях Данилова «сюжет жизни не важен», а важны «осколки восприятия, мимолетные сигналы окружающего мира». Давыдов отмечает, что, несмотря на «забалтывание, тотальную тавтологичность, параноидальное внимание к несущественному», каждая мелочь обладает у Данилова «абсолютной интимностью, значимостью, осмысленностью». В общем и целом стиль этой прозы получает у критика наименование «продуктивного аутизма». «Аутизм», очевидно, призван подчеркнуть отъединенность повествователя и лирического героя от всего остального мира, «продуктивность» же доказывает, сколько творческих возможностей содержится в подобном отъединении.

Как мы уже пытались показать выше, объективность в текстах Дмитрия Данилова мнимая, и достигается она во многом за счет использования грамматических средств. В каждом рассказе, за исключением, быть может, нескольких самых ранних, речь идет о внутреннем переживании человека. Для даниловской прозы характерен глубокий психологизм. Этот эффект достигается двумя разными способами. Один подразумевает прямое описание того, что происходит в человеке, мельчайших оттенков его восприятия,

постоянной регистрации изменений в отношении к внешнему миру. Другой способ ограничивается подробным называнием окружающих предметов и происходящих событий (в том числе и внутренних), которые выступают с ними на одном онтологическом уровне. Отчасти этот способ можно сопоставить с параллелизмом – одним из приемов романтиков, любивших передавать внутреннюю жизнь человека через состояние окружавшей его природы. Романтики в свою очередь заимствовали параллелизм из фольклора, разумеется, развив его и значительно дополнив. В пример первой манеры можно привести даниловский рассказ «Митино, Сходненская» (2004), по своему содержанию примыкающий к таким произведениям, как «Черный и зеленый», «День или часть дня». В нем описывается, как человек едет из Митино на работу, но в силу разнообразных причин так туда и не попадает. Повествователь прямо говорит о своих чувствах и ощущениях: «От всего этого хочется не ехать и не идти никуда, а просто выть или кататься по снегу, или хотя бы просто стоять на месте, стоять и все»; «Нет, не то чтобы там какие-то мысли о самоубийстве или отчаяние или еще что-то такое, просто тупое оцепенение, при котором любое действие кажется бессмысленным (и так оно и есть), и полный упадок сил, и не хочется ничего делать, только бы оставили в покое, говорят, это признаки депрессии, ну, может быть, депрессия, да, наверное, лечь под теплое одеяло, свернуться калачиком, чтобы ничего и никого вокруг, чтобы не было ничего и чтобы только оставили в покое». Вторая манера развивается в рассказах «Вечное возвращение», «Праздник труда в Троицке», «В Москву», «Более пожилой человек» (все – 2006). Причем употребляется она независимо от типа повествования – это может быть зарисовка от первого лица («В Москву»), от полускрытого и совершенно скрытого рассказчика (соответственно – «Праздник труда в Троицке» и «Более пожилой человек»).

Рассказ «В Москву» показывает сборы на вокзал и ожидание поезда на вокзале. Повествование, с одной стороны, ведется от имени рассказчика, с другой стороны, в нем используется обычный для Данилова прием последовательного называния действий и ощущений персонажа: «Укладывание в сумку одной книги и одного журнала. Лежание на тахте на спине с закидыванием обеих рук за голову, вернее, под голову. Легкая дурнота, смутное раскаяние и дурнота». Содержание сознания становится предметом

116 Анна Голубкова

отстраненного изображения. В результате личные переживания объективируются и выносятся в один ряд со всеми остальными событиями данного рассказа, что, как уже упоминалось, создает особый эффект «обезличенности» повествования, представляющего собой на самом деле лирическую зарисовку. «Праздник труда в Троицке», наоборот, полностью посвящен описанию внешнего события – одного из официальных мероприятий, на котором автору пришлось присутствовать по служебной надобности. Данилов подробно перечисляет то, что происходит на празднике. И, как ни странно, в результате этого называния все происходящее оказывается необыкновенно комичным. Комизм этот чем-то сродни литературе абсурда, где парадоксальным образом бессмысленность человеческого существования и безнадежность попыток придать жизни хоть какую-то наполненность вызывают искренний и неудержимый смех. В «Празднике труда в Троицке» повествователь появляется только в самом конце: «...человек, в обязанности которого входило написание репортажа о празднике труда, встал, вышел из зала, спустился по лестнице на первый этаж, вышел из дома ученых, прошел через перелесок к Калужскому шоссе, постоял на остановке, к остановке подъехал автобус, человек сел в автобус и уехал в Москву». Это позволяет подчеркнуть, что всетаки все изображенное являлось не объективным репортажем, а изложением фактов, отобранных взглядом писателя. И, наконец, в «Более пожилом человеке» происходящие в рассказе события изображаются совершенно отстраненно. Читатель, как это было во многих ранних произведениях Данилова, проделав вместе с двумя героями путь из Москвы до Шаховской, так и не узнает о них ничего существенного – ни кто они, ни зачем едут на электричке. Лирический элемент здесь совершенно исчезает, хотя перечисление в одном ряду предметов и действий по-прежнему сохраняется: «Попытки одновременно обуться и одеться в тесном коридоре, вялая толкотня, попытки завязывания шнурков, попытки попадания рукой в рукав. Старое драповое неопределенно-темного цвета пальто с многочисленными прилипшими к нему волосками и другим мелким мусором».

С точки зрения применения разработанного Даниловым стиля весьма удачен, на наш взгляд, рассказ «Вечное возвращение», повествующий о возвращении с работы не только имплицитного рассказчика, но и всего многомиллионного населения города Мос-

квы. Если раньше типизация, о которой писали в своих заметках Данила Давыдов и Сергей Костырко, была во многом условным приемом, то в этом рассказе прием целиком и полностью совпадает с предметом изображения. Иначе обо всей этой обезличенной толпе, автоматически перемещающейся из одного места в другое, написать невозможно. В своей трудовой деятельности человек выступает не как личность, а как функция, обладающая некоторым набором полезных свойств. Путь домой, по сути дела – переход из общественного пространства в личное, должен был бы выявить в человеке нечто особенное, присущее только ему одному и отличающее его от всех остальных. Однако этого не происходит. Мысли этих людей, подробно переданные в заключительной части рассказа, оказываются такими же штампованными, как и их действия во время ухода с работы. Присутствующие в рассказе многочисленные перечисления помогают выявить всю абсурдность происходящего, и здесь снова, как и в «Празднике труда в Троицке» возникает присущий литературе абсурда комический эффект: «Читать газету спорт-экспресс. Читать журнал smart money. Читать книги небольшого формата в мягких обложках, написанные авторами, имена и фамилии которых назвать затруднительно, слишком они стерлись от частого использования». Рассказчик, как это часто бывает у Данилова, одновременно и часть этой толпы, и отделен от нее. Во-первых, он все-таки смотрит на людей несколько со стороны и иногда даже неявно комментирует описываемое: «В этих портфелях и сумках ничего нет, кроме какой-то ненужной мелочи типа забытых газет, их можно было бы вообще не брать на работу и приходить на работу и уходить с работы без портфелей и сумок, но нет, так нельзя, нельзя же на работу прийти вот так вот, с пустыми руками, надо как-то чтобы был портфель или сумка». Во-вторых, рассказчик прямо противопоставляется остальным пассажирам во фрагменте, где упоминается чтение в автобусе: «...многим, например, нравится газета спорт-экспресс, и они едут и читают газету спорт-экспресс, журнал деньги, журнал афиша, а А. Родионова, М. Гейде, Вс. Емелина и Ш. Брянского – нет, не читают». В третьих, в самом конце рассказа описывается автобус, который уезжает из Митино: «...к конечной остановке «4-й мкрн Митино» подъезжает пустой 266 автобус, стоит несколько минут, два или три пассажира сидят в пустом ярко освещенном салоне, вот, оказывается, есть люди, которым вечером надо ехать не в Митино, а из Митино». Как мы помним, именно об этом шла речь в начале повести «Черный и зеленый», следовательно, есть все основания предположить, что это рассказчик уезжает из микрорайона, и, таким образом, противопоставление героя и остальных персонажей оказывается вполне последовательным и законченным. Наличие этого противопоставления снова напоминает о литературе эпохи романтизма, для которой одной из основных тем как раз и являлся конфликт личности и общества.

Данила Давыдов в своей статье заметил, что в прозе Данилова люди и вещи не играют принципиальной роли, вместо них выступают «движения, перемещения, телесные и речевые реакции». Но все-таки, скорее, о выстраивании какой бы то ни было иерархии речь не идет, так как все предметы и явления уравниваются Даниловым по факту своего бытия. Он не делает различия между людьми и вещами, городской пейзаж часто описывается им как картинки природы: «Побрел по грязноватым улицам, среди деревьев и людей» («Черный и зеленый»). Более того, очень часто вещи в отличие от людей оказываются по-настоящему живыми, как это, к примеру, было показано в эпилоге «Дома десять». Кроме вещей, в произведениях Данилова постоянно присутствует автор (повествователь, наблюдатель), который взаимодействует с предметами и, в меньшей степени, с людьми. Этот герой имеет многие черты исключительной личности в понимании романтиков – он одинок, чувствителен, противопоставлен всем остальным, ему открыта тайная жизнь вещей и явлений: «Они, эти строения и предметы, незаметно светились скрытым функциональным смыслом своего существования, и если, остановившись, долго смотреть на эти неприметные скопления, закружится голова, область периферического зрения озарится болезненно-яркими вспышками, все поплывет, и тогда, пожалуй, могут наступить необратимые изменения. Папов знал об этом и смотрел вскользь, искоса, незаметно радуясь молчаливой отзывчивости этих, на первый взгляд, бесполезных вещей и построек» («Нагорная»).

Одной из самых главных черт поэтики Дмитрия Данилова является единодушно отмечаемая всеми критиками любовь к мелочам, ко всему маленькому и жалкому. Отчасти, вероятно, эта любовь основана на понимании онтологического сходства бытия вещей и человека в его физическом воплощении. К примеру, в «Черном и зеленом» дается следующая картинка: «Тишина, летнее

утро, поле, и посреди поля одинокий сарай. Хотелось смотреть и смотреть, не отрываясь, на этот прекрасный одинокий сарай, но поезд, свистнув, поехал в Смоленск, и сарай медленно уплыл в бесконечность». Происходит совершенно удивительное узнавание себя в предмете - ведь сарай одинок и нелеп точно так же, как и герой повествования. С другой стороны, фрагмент песни Федора Чистякова вынесен нами в эпиграф совершенно не случайно. Убогие и кособокие вещи окружают героя с самого детства, поэтому ему приходится самому обнаружить и даже, быть может, домыслить для них какую-то особую красоту: «... дом, построенный при Хрущеве, пятиэтажный и убогий, с низкими потолками, такие дома считаются некрасивыми, хотя они и не лишены какогото особого очарования, и сейчас, когда прошли десятилетия, можно сказать, что они прекрасны» («Солнце»). В результате возникает феномен не просто эстетизации унылой и некрасивой реальности, но своеобразного внутреннего преодоления этой некрасивости путем проникновения в экзистенциальную сущность вещей.

Эстетика мелочей имеет в русской культуре достаточно глубокие корни, восходя к Серебряному веку и в целом к русскому модернизму. Много писал об этом Василий Розанов, поставивший перед собой великую и даже в некоторой степени богоборческую задачу «остановить мгновение». Для Розанова маленькое и мгновенное равны личному и с этой точки зрения противопоставлены великому и вечному, т.е. в его понимании – обезличивающему: «У меня есть какой-то фетишизм мелочей. Мелочи суть мои "боги". Все "величественное" мне было постоянно чуждо. Я не любил и не уважал его»; «Смысл – не в Вечном; смысл в Мгновениях. Мгновения-то и вечны, а Вечное – только "обстановка" для них. Квартира для жильца. Мгновение – жилец, мгновение – "я". Солнце» («Опавшие листья»). Также можно обнаружить у Розанова идею онтологического родства всех вещей: «В конце всех вещей - Бог. И в начале вещей Бог. Он все. Корень всего». Очевидно, что похожее ощущение присутствует подспудно и в прозе Дмитрия Данилова, недаром Ирина Роднянская пишет о «даре бытия», которым наделены у писателя все без исключения предметы. Определенное сходство есть и в отношении к русской жизни. В «Опавших листьях» Розанов замечает: «...вся наша история немножечко трущоба, и вся наша жизнь немножечко трущоба»; «Русская жизнь и грязна, и слаба, но как-то мила». И этот тезис так или иначе мож120 Анна Голубкова

но найти практически в любом произведении Дмитрия Данилова. Например, в «Черном и зеленом» он пишет: «Руза – небольшое скопление небольших кургузых домиков и предметов неясного предназначения, все маленькое, серо-линяло-облезлое, и в этом есть какое-то особое кособокое очарование». Разумеется, речь ни в коем случае не идет о заимствовании, а лишь о типологическом сходстве, о похожей направленности творческого поиска, о некоторых перекличках в восприятии реальности.

Если рассматривать творчество Дмитрия Данилова в контексте мировоззрения «поколения 90-х», то в первую очередь нужно отметить присутствие почти во всех его произведениях отстраненного насмешливого наблюдателя. Впрочем, в отличие от лирического героя Валерия Нугатова эта насмешливость несколько редуцирована, а вот отстраненность доведена практически до предела. Персонажи Данилова живут среди людей и в то же время находятся бесконечно далеко от них, пребывая в каком-то своем, совершенно отдельном, мире. В жизни социума они принципиально не участвуют. Несмотря на это, в рассказах Данилова, как и в стихотворениях Нугатова, прослеживается достаточно четкая тенденция осуждения социальных штампов и стереотипов поведения, которые, по убеждению писателя, во многих случаях расходятся с элементарным здравым смыслом. Еще одна характерная черта – это постоянное удивление перед самим фактом бытия. Герой Данилова во многом чувствует себя голым человеком на голой земле, заново переживая и осмысливая вещи, кажущиеся остальным очевидными. Очень важно также то, что Данилов старается ничего не навязывать своим читателям, максимально убирая из повествования свое авторское «я». В этом можно усмотреть не только влияние поэтики постмодернизма, но и реакцию на громогласную и излишне навязчивую советскую идеологию. Как и Валерий Нугатов, Данилов пристально следит за интонацией своего повествования. Он всегда ставит точку там, где она должна быть поставлена. Вероятно, именно эта четкость и выверенность и заставляют критиков писать о близости даниловской прозы к поэзии. Однако наличие своей особой интонации и вполне узнаваемой манеры ставить слова друг за другом всегда являлось признаком качественной прозы.

Таким образом, проследив хронологически развитие некоторых тенденций прозы Дмитрия Данилова, мы обнаружили в ней от-

голоски романтической поэтики, модернистскую проблематику, прямое влияние литературы абсурда, определенные переклички с классикой и очевидные связи с современностью. Впрочем, данная статья ни в коей мере не претендует на полное освещение творчества Дмитрия Данилова. Уровень сложности произведений этого писателя таков, что материала здесь хватит на несколько диссертаций. Вероятно, современная русская литература необыкновенно богата талантами и новыми культурными смыслами, раз писатель такого уровня до сих пор продолжает оставаться на периферии литературного процесса.

Тамара БУКОВСКАЯ

ПО ТУ СТОРОНУ СЛОВ

Г.Айги

По ту сторону слов – безначалие, вольница смыслов, несказуемость сущностей, суть мирового ничто, вольнодышущий мир, безвалентные буквы и числа, кода зауми, пауза, выдох вселенской утробы... бо...бо..... больно, Боженька, больно... и ширится небо гортанью безъязыкого умысла – ноль – бесконечное 0000000000000

> ушлым дошлым пришлым чего им чего им надо а вам чего

* * *

вам тошным тухлым душным чего вам чего им им вам вам им вамим имвам

мука долженствованья обязанность жить по-людски в догонялки играть с погонялой неписанных правил несмыкания связок в трепещущей глотке тоски с тайным усмыслом слов речевых метастаз и инвазий

* * *

евразийская ночь чернотою заглазной черна чернотою согласной не стать никогда очевидной чечевичной поклевкой по буковке клювом с листа каждодневная жизнь обернется в пернатое горло горниста

Старики боятся смерти и своей и чужой – просто – Смерти они уже знают – эта про них не забудет и никем не побрезгует холодными губами обещая либерте фратерните эгалите свободу равенство и вечное братство и обещание свое сдержит просто предложив – задержи дыхание

Читать стихи надо – громким голосом, не шепелявя, не картавя, не брызжа слюной, не воняя плохо залеченными зубами, не рыгая, не икая, не присепётывая, не впадая в восторг от собственного голоса, не захлёбываясь от вдохновения и выпитой для заводочки водочки, не хлопая себя по бедрам, по заднице, не притопывая ногой, то одной, то другой, не вскрикивая, как дешёвая блядь под клиентом... А впрочем, может быть, читать стихи не надо ни громким голосом, ни шепелявя, ни картавя и пр. и пр. и пр.

* * *

в самом воздухе появилось напряжение из запаха пота что ли когда долго едешь в метро потом в электричке потом в автобусе потом в потном пальто куртке рубахе майке всем том что сохраняет человеческое тепло накопленное ночью на весь долгий световой день который начинается затемно и кончается в потемках день похожий на все остальные как похоже твое лицо в каплях пота на лица всех тех кто в поте лица своего добывает свой хлеб

я помню это напряжение
и этот запах пота
с тех пор
как научилась ввинчиваться
в 7.30 в переполненный десятый автобус
на проспекте майорова
он был забит до отказа
уже от балтийского вокзала
теми кто ехал в универ
из петродворца
там была новая общага биологов
и кого-то еще
еще в десятке ездили офицеры
главного штаба
жившие в красном селе

и менты из сосновой поляны мокрое сукно кожа одеколон шипр бутерброд с ветчинной это их запах но иногда примешивался совсем другой острый запах пинена или скипидара так пахли академики и сехешатики и я внюхивала этот запах до головокружения так он был похож на твой жаркий и пронзительный

потом ездила на 31 трамвае с кононерской на петроградскую потом на метро в дачное потом на троллейбусе метро электричке автобусе из дачного в царское и вечером все то же самое но в обратном порядке подбирая по дороге детей из школы и детсада в электричке пахло креозотом и псиным духом не просыхающих сапог иногда мешковиной сырой картошкой и болгарскими духами ша нуар если попадала в четвертый вагон где кучковались екатеринодворцовки но ничто ни пинен

ни скипидар ни ша нуар с шипром и ветчинной не перекрывали тяжелой тоски и человечьей усталости ацетоном и уксусом пахнущей безнадеги

* * *

меня - отменили без предупреждения не объясняя причин как если бы уволили из жизни и все знают а мне сказать забыли т.е. все как-то вместе а вокруг меня такая невидная вроде стенка т.е. это мне невидная а всем-то видная и все как-то жалко так ласково улыбаются и торопятся мимо бочком-бочком или вприскочку бормоча себе под нос живешь живешь и вот те на раз и нету вы это о ком спрашиваю а никого и нет ответить стенка вокруг и меня отменили

* * *

умрешь и выбросят во двор убогий хлам – твои пожитки прожитки выжитки ужитки потертый мех гнилые нитки считалки детские обидки на вечный стыд или укор несущимся во весь опор сосцам небес дождем налитым белесым бельмам звезд и свитым в жгуты струям живой воды тебя здесь нет но вот же ты в нелепом перечне предметов в квитке из прачечной и метах пришитых наспех и вчерне невнятно начерно и вне не смысла а определенья не умысла а оперенья жизнь болетворное терпенье лежит теперь на самом дне

Тамара Буковская и Валерий Мишин

Вот попросила меня редакция «Абзаца» написать про Валеру и Тамару, а я всё думаю, про кого первее. Так как их культурная роль в современном литературном Петербурге, невзирая, что они разные, напополам не делится. Держание ежемесячного поэтического клуба, крайне свободного по составу выступающих авторов (в это время я открыла окно, вместе с ним открылась и дверь), три периодических издания. Раза по три в год все нулевые выходит поэтический журнал «АКТ», вышла пара номеров «Словолова», посвящённого экспериментальной поэзии, и в соредакторстве со специфическим кккузьминским издаваемый журнал «ЛИТЕРАЧЕ». В отличие от ..., все эти издания готовятся грамотно и уважительно к авторам, в отличие от --- (другого) – не обладают практически никакой мощью раскрутки, поэтому за пределами Петербурга перечисленные издания практически неизвестны. В библиотеках тоже нет. А жаль.

Ещё Тамара занимается всякими конференциями (в начале лета была очень милая, «Литература в литературном музее», — собрались музейские и обсуждали, как не кремировать писателей-поэтов при подготовке экспозиции, а, наоборот, солнцем озарять сограждан, в музей забредающих). А Валера — художник, вполне прогрессивный, в разных техниках работает, с узнаваемым стилем, постоянно выставляется. Один из недавних (и продолжающихся) проектов — рисование современных поэтов.

Тамара Буковская, в замужестве Мишина, в юности, в кругу Малой Садовой, Алла Дин. Круг Малой Садовой большей частью ушёл в прошлое, Тамара работает в музее Пушкина, чуть ли не самом «правильном» (в смысле, одиозном) из всех литературных музеев города, и к телефону просить Тамару Симоновну. Однако только в этой ситуации. Тамара привечает с распростёртыми новые поэтические энергии, остро любопытствует и заполошно реагирует. Её собственную поэтику никак нельзя назвать новой (новые стихи, как и старые, пишутся в традиционной манере), однако вполне можно назвать живой. Потому что сердце — то, чего в Петербурге, в (может быть и мнимой) рассудительности и бесстрастности литературной среды, катастрофически не хватает.

Валерий Мишин – старше Тамары. Стихами пророс только в 2000-е (или мне о более ранних опытах ничего не известно), и стихи эти уникально современны. Нет, не остро. В целом

они рассудительны, хотя временами шокируют точностью наблюдений. Свободный стих, крепкий и прочный. Темперамент — полная противоположность Тамариному. На днях подарил мне только что вышедший сборник новых стихов, называется «Улитка ползёт по склону». Стихи моложе поэта. Это бывает нередко, но редко, когда это свойство сочетается с ненравоучительной мудростью и не сочетается со столь модным, опять же в Петербурге, позёрством на тему проходящего времени и его невозвратимости.

В Петербурге как-то всё странно получается, со звёздным часом, там, и точками притяжения интересов. Люди, условно говоря, второго плана второй культуры, по прошествии времени вполне достойно и закономерно оказываются активными участниками следующей эпохи, и она позволяет расправить крылья (которые есть – это не какой-то там поэтический образ). Никого не распихивая локтями, не входя в моду. Я вот часто говорю по разным поводам, что главная проблема Петербурга – не начальство, и не жители, а то, что огромный город – неаэропорт, в отличие от Москвы и Екатеринбурга, в которых постоянно появляются новые энергичные люди, и что-то происходит. А вот Петербург – не точка притяжения в настоящем времени. Глаза не горят у местного населения. Ну как ещё объяснить??? Онегина перечитайте!!! У Тамары и Валеры глаза горят.

Вот так вот живут, ни о чём не жалеют, никому не завидуют, пишут стихи, не печатаются в толстых журналах, растят двух внучек, живущих в Москве (т.е. по очереди бабушкают в столице, заглядывая и на литературные вечера, и на выставки), внимательно и самостоятельно следят за литературной ситуацией, печатают и рисуют поэтов, в которых сами верят Валерий Мишин и Тамара Буковская, нетипичные петербуржцы. А ещё про них в энциклопедии есть. «Самиздат Ленинграда» называется. Но там история. А тут настоящее.

Ещё две фразы на тарабарском надо добавить: http://www.slovolov.ru/ (журналы) и http://gallery.vavilon.ru/ (портреты).

Дарья Суховей август 2007

Валерий МИШИН

ЧЕРДАЧНОЕ

девочка с персиком, мальчик с одуванчиком,

детство застенчиво и обманчиво.

тычинка с пестиком, любит – не любит,

нулик с крестиком, с крестиком нулик.

она со скакалкой, он с лошадкой, лошадка на палке, бери – не жалко.

* * *

живу в квартире – как в сортире,

живу в районе – кругом зловонья,

живу в стране – почти в говне,

умру – кладбище, и там вонище. одел рубаху – не достаёт до паха, выйдешь без рубахи – обгадят мухи.

одел штаны – не той длины, выйдешь без штанов – срамным-срамно.

одел бы фрак – дураком дурак, выйдешь во фраке – облают собаки.

надел шляпу – ну её в жопу, сижу дома, пишу роман.

говорит мне:

– убей муху на окне.

* * *

да что там, тётя,лучше в полёте.

говорит мне:

- убей осу на стене.
- ладно, тётя,поймаю в компоте.

говорит мне:

- убей комара на спине.
- да будет, тётя,всех не убъёте.

 $\Psi EP_{\mathcal{I}}A\Psi HOE$ 133

* * *

стихи — хватает чепухи, что скажешь? ϕu , а, может, xu. но иногда от ϕu до xu, от скорлупы до требухи, от пуповины до волос что-то всерьёз. а ϕu ша, муxu, лопуxu, xuмеры, суф ϕu ксы, греxu, успеxu, ϕu говый листок, ϕu гура речи, ϕu тилёк...

говорят: подбитый лётчик.

* * *

что он хочет, что бормочет?

поднять крыло, узнать число,

летать меж строчек меж кавычек,

сражаться с речью, противоречить

и обозначить ориентир...

подбитый лётчик велимир.

без мата, как без огурца и томата, хрена и перца, чеснока с луком, и длинного перечня специй и кетчупа — скука. но делать нечего — печень. этим летом — строгая диета.

* * *

боже, господи, здесь я весь, дай же, господи, куда-то влезть, дай же, господи, куда-то встрять, боже, господи, я ж не тать, не жалел я рук и ног, боже, господи, сколько мог, рук и ног, и живота, боже, господи, маята, живота и головы, боже, господи, но, увы, боже, господи, весь я здесь, прошу, господи, дай мне весть.

 $\Psi EP_{\mathcal{I}}A\Psi HOE$ 135

* * *

зацепился за гвоздь, выходя из туалета, хотел сорвать злость, плюнул на это.

пошлёшь человека на... а он ни при чём, также сосна с вбитым в неё гвоздём.

подумал вдруг — любая загвоздка укрепляет дух и душевные свойства.

подумал – чушь, жизнь прекрасна, из всех искусств лучшее – абстракция.

хотя бы раз будь интеллигентом, держи баланс, жизнь одномоментна.

хочется сказать всем хорошее: собаке брошенной, любому барбосу, старику в галошах на босу ногу, который всех ругает, без предлога и под предлогом, говорящему попугаю, волнистому попугайчику, поэту-хулигану, солнечному зайчику, одинокому путнику, бабочке-капустнице,

дождевому червяку, дорожному патрулю, наркоману, потерявшему иглу, последнему из дураков дураку, придурку с надписью люблю на собственном лбу, а также на шее, бегуну, перешедшему на ходьбу, случайному ротозею, опознавательному знаку, ещё одной собаке... хочется сказать хорошее всем, сразу и насовсем, и больше не говорить.

* * *

улица шла в гору и хромала, как хромает всякое сравнение, как хромал прохожий, мало того, хромал словесный оборот — всегда хромает, тем не менее, хромая, как-никак идёт. ведь улица для сообщения, должно быть, каждый переход подобен знаку препинания, возможно, и наоборот.

* * *

солнце подтвердило, что оно есть, что бывает, показало свой face, и исчезло, то ли на трамвае, то ли пешком, возможно, на электричке, почти тайком, для приличия послав воздушный поцелуй, мол, ещё выпадет случай, не горюй.

 $\Psi EP_{\mathcal{A}}A\Psi HOE$ 137

* * *

погода распогаживается, всё гаже и гаже, как ни прилаживайся — только лажа. творог створаживается или створоживается, кефир прокисает, таракан из замочной скважины страшит усами и вытворяет козьи рожи.

то ли с тоски, то ли с пьяна, не хочется снимать очки, вставать с дивана и набирать очки в схватке за выживание.

* * *

* * *

в детстве были слаще сливы и вкуснее помидоры, в детстве были мы счастливы, были счастливы, были счастливы, без спора. много надо ли для счастья—чтобы повкусней и слаще.

Юрий ОРЛИЦКИЙ

ХОЧЕТСЯ СКАЗАТЬ ХОРОШЕЕ...

или вообще не говорить ничего: быть «по ту сторону слов». Как Айги перед смертью. Как вообще поэт – перед смертью и жизнью. Просто стоять и словно бы безразлично ко всему перебирать мертвые слова, фиксировать проходящих и проходящее перед глазами: пассажиров набитого битком автобуса (десятого) или трамвая (тридцать первого), стариков и собак, дураков и придурков...

Именно так написаны новые стихи Татьяны Буковской и Валерия Мишина. Читая их подряд, понимаешь, что именно так надолго связало судьбы этих поэтов. Общность ощущений от нерадостной нашей жизни. И мужество ее проживания и переживания. И незаменимость слова. Его, если хотите, неотменимость.

Из московских поэтов-современников Буковская и Мишин больше всего похожи на Всеволода Некрасова. Но без его жесткости и нарочитой схематичности. Без некрасовского каркаса, на который все нанизано. Здесь все мягче, живее, подвижнее. Слова не льются по листу тремя параллельными ручьями, как у Всеволода Николаевича, а будто бы тихонько отступают с него, уступая место воздуху. Молчанию. Тишине. Это – чтобы не дай Бог не сказать лишнего слова. Словно от этого зависит всё...

Жизнь проходит быстро. Глядь – и тебя уже отменили. «Умрешь и выбросят на двор» – тут пауза, и уже начинаешь думать, что тебя самого, но надежда, оказывается, еще есть: «убогий хлам – твои пожитки». «Умру – кладбище, и там вонище». Так же, как в жизни – не лучше, но и не хуже: «не хочется снимать очки, / вставать с дивана / и набирать очки / в схватке за выживание»...

Впрочем, неподалеку есть и солнце в небе, и девочка с персиком, и боже, господи где-то наверху. А что делать: сражаться с речью, противоречить; читать стихи (или не читать), писать, запершись дома, новый роман. Потому что жизнь еще и болетворное терпение — из тех самых «бы» и «бо» (Боженька, Больно!), которые выдыхал перед смертью Поэт.

Такова их поэтика. Или, по-другому сказать, жизнь. Не только их, но и наша. Поэтому и читаем. И повторяем: «Хочется сказать всем хорошее». А иногда и говорим – сразу и насовсем. Это и есть поэзия...

А вот если попробовать быть занудой-аналитиком, этаким московским рациональным критиком высокой петербургской поэзии, то вот что получится:

1. Стих, к которому обращаются оба поэта, точнее всего будет определить как гетероморфный; то есть, меняющийся вместе с настроением всего стихотворения. Конечно, есть у наших поэтов (у Мишина особенно – мужчина все-таки) тексты, вполне гомоморфные, то есть единоприродные. Но и он не вполне «попадает» в раз навсегда заданное единообразие: как поэту настоящему, там ему скучно.

(Никогда не забуду, как Валера у себя дома, в укромном дворике на задах Апрашки, рисовал мой портрет для серии «Лица поэтической национальности» (еще одни скобки – ничего ведь не скроешь, мир наш так мал, и все мы в нем люди близкие – то есть, с точки зрения закона, коррупционные), – так вот, когда художник Мишин вглядывался в меня так, что было даже неловко, а отвести глаза было невозможно, тут-то я и понял, с кем на самом деле имею дело: с настоящим (художником, поэтом... – не в определяемом дело, а в определении).

В их с Тамарой общем детище — визуально-поэтическом альманахе «Акт» — то же все неоднородно, гетероморфно: то стихи мелькнут, то картинки; то шедевр, то чистая ерунда. Но принцип соблюдён железно: меняется все постоянно и прямо на глазах. Как в их стихах: только начинаешь привыкать к верлибру, а тут как раз рифма с ямбом под ручку пройдутся; только задремлешь под унылый анапест, ан все и развалится вдребезги пополам...

«По ту строну слов...» Буковской в этом смысле – пример идеальный: стихи рождаются, как воспроизведение последних вздохов умирающего Поэта. Не Айги именно – любого: и Пушкина на Мойке в том числе. Как прощание человека со словом. И как их вечное Не-прощание. То самое, которое Бродский попробовал объяснить совершенно рационально – и провалился, доставив удовольствием старым профессорам провинциальных вузов, знающим теперь, что современная поэзия все-таки есть. И изучать ее можно: отмашка дана.

Тут и задумаешься: петербургские это поэты или московские? Потому что со знаком плюс, читая их, вспоминаешь Айги и Некрасова, а со знаком минус – увы, Иосифа Александровича, так жестоко обманувшего родной Васильевский остров...

А если и за его пределами читать стихи хочется – значит, настоящие. Хочется же сказать хорошее. Причем не только по знакомству. И даже не столько.

Николай ЗВЯГИНЦЕВ

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ

Правила поведения под зонтом

В начале сентября никто не приклеен, Выше сапоги и длинней голова. Барышням всегда под зонтом тяжелее, Разве я не прав, дорогие това...

Рищи, рыщи, риск – зато её недруг Никого не видит у себя на хвосте. У него ведь тоже бывшее небо Раскололось ровно на восемь частей.

Даже не почувствует лёгкое следом Чувство снисхождения чистых кровей. Вот и для неё после длинного лета Стала незнакомой рука в рукаве.

Но что же придумать, кроме как мелких Глупых пожеланий пустой голове, Ради этой сучки, минутной стрелки, Ради их броска на зеленый свет.

Правила поведения в лифте

Опять сентябрь прозрачней апреля, Так думала рыбка углами рта. Закрылась дверь, и сектор обстрела Не шире плеч и чужого зонта,

Но разве рыбе знакомо рыбье, Когда, проплыв мимо мокрых слов, Опять с утра, надевая крылья, Искать на стенке своё число? Здесь нет у Вергилия пищи в лапах, Как в самолетах и поездах. Бежит по коже соседский запах, Как потерявшаяся вода.

Легко поднявшаяся над домами, Прилежно вставшая на канат. Её глаза, плавники, помада, И даже в кадре есть глубина.

Правила поведения на ресепшн

Возьми, сентябрь, себе монету За тень от бабочки в сачке, Ещё не сломанное небо, Ещё не шубку на крючке.

Ещё не плюшевую чайку, Что караулит полный зал. Пока лежит одна перчатка, Другую стягивают за.

Когда-то первые деревья, Где лысый рекрут столбенел, Влекли кленовую царевну К нему под пепельну шинель.

А нынче с кем не понарошку И с кем на лавочке сидим, Увидит дрозд, увидит кошка, Увидит ротный командир.

Правила поведения у окна

Сентябрь, мой малый черный пудель, Листоподбор, лентопротяг. Смотри, внизу другие люди С тобой остаться не хотят. У всех прохожих и растений Наполнен воздухом рюкзак. У них с утра такие тени, Такие длинные глаза.

Настолько легкая другая, Что даже думать не хочу, Идет высокими ногами Навстречу узкому плечу.

Но всё, что с нами накануне, Досталось редким голубям, Когда хозяйка оттолкнула, Полупрозрачную себя.

Легко смотреть ей, бывшей, плоской, На улетающие две Солнцезащитные полоски На загорелой голове.

Правила поведения перед закрытой дверью

А я смотрю в тебя, сентябрь, Но мы на разных плоскостях. В каких расскажут новостях, Как ты облизываешься...

Тебя застукает рассвет, Тебя посмотрят на просвет Один оранжевый жилет, Другой оранжевый жилет.

Твоя легчайшая праща, Твои полеты натощак, Тоска по сброшенным вещам, Наука впредь не обещать,

Что город низких облаков Лишится тонких каблуков, Когда смеркается рука И ходит кончик языка.

Наброски к будущей статье

Я хотел писать большую статью про Сваровского и Родионова. Я еще ее напишу. А сейчас я пишу маленькую статью. Потому что сажают Евгения Лесина, потому что навалились неотложные дела, потому что сломался компьютер. Сижу у друзей и пишу. Думаю о мировом зле.

Кстати: это непосредственно касается тем нашего разговора. Мы привыкли к репрезентации умного и доброго детства, мы воспитаны на идее счастья. И еще: мы создали утопию диалога. Мы думали: разговаривать возможно. Теперь выясняется: почти нельзя. Почти. Это важно, что почти, а не совсем.

Имя Родионова гремит уже несколько лет, имя Сваровского – года полтора. Но оба поэта обратили на себя внимание читающей/слушающей публики в значительной степени как-бы-одним-типом-поэтического-говорения: поэзией на фантастические темы.

Дмитрий Кузьмин в своем фельетоне («Воздух», №1, 2007) верно сближает инфантильную оптику Дины Гатиной и опыты Сваровского и Родионова, где роботы, андроиды, инопланетяне выступают как соединители себя и Другого. Но важно здесь вот что.

Лирическая нежность советских фильмом про Электроника и Алису Селезневу – то, что составило наш моральный облик. Но и сказки Шварца, и другие детские фильмы советской поры. Жанровое деление – наше научное дело, но не душевное дело. Важно: и сказка, и сайнс фикшен, и прототипы фэнтези, и психологический якобы реализм – входили единым комплексом в наше чувствование. Гениальные советские кинематографисты, писатели. Художники обманули нас. Мир устроен иначе.

Отсюда – поиск эпоса, происходящий у Сваровского. Поиск художественного мира без личности, без ее отношения к миру. Если уж так, то давай архаизовывать мир, давай его лишать субъекта. Но ведь в стихах Сваровского это не так, ведь переживание невозможности быть субъектом – тоже позиция субъекта! Поэтому, оставив идею «нового эпоса» как песнь, погрузимся в мир детского, страшного, радостного, болезненного, счастливого.

> Данила Давыдов 28 октября 2007

Федор СВАРОВСКИЙ

ГАЗОВЫЙ ВОПРОС

МАША

1.

Маша

с этой девочкой я всю школу вместе учился и любил

а потом будто бы позабыл занимался безобразиями работал, долбил, лечился

и теперь мне уже 35 во вторник выпустили из дурдома середина июня и запахи такие вокруг что как будто дома

перемещаюсь в пустоте по пространству пыльных, заброшенных комнат в моей квартире думаю:

кто-то же меня тут все-таки помнит?

завариваю чай

делаю себе бутерброды с колбасой и сыром такое впечатление, что внутри сгорели какие-то датчики и затруднена коммуникация с окружающим миром

И

все такое

как будто бы ты в параллельном мире

все одновременно родное

и при этом

какое-

то все не наше

и вдруг меня пронзает сладкая мысль: Маша! Газовый вопрос 145

2.

позвонил
телефон через столько лет оказался прежним
ты, казалось, удивлена
но говорила таким молодым
и нежным
голосом
говорила почему-то медленно
осторожно
подбирая слова

договорились

я потом курил и смотрел на дым

3.

нет

идти, конечно же, невозможно как посмотрит на меня Маша увидит, что я теперь очень толстый сразу поймет по лицу, что я в одиннадцать ночи объедаюсь бутербродами с плавленным сыром с сервелатом и маслом

нет

все ужасно

подумает: у него проблемы с подкожным и прочим жиром

а она-то

будет еще стройна

прекрасна

что я скажу ей?

скажу, наверное: ты меня не помнишь я любил тебя в детстве а после в больнице лежал как овощ

4.

помню

как ты приехала из-за границы

в 4-м классе

и практически сразу захотелось погибнуть на фронте, спиться

а однажды я встретил тебя в универсаме на кассе и тогда я сразу решил, что у нас (ни фига се!) будут обязательно красивые дети и весь мир погибнет от бомб

и мы останемся единственными на свете

я написал тебе записку с признанием, подложил в твою сумку но не смог дождаться, когда ты прочтешь не в состоянии выдержать эту муку я решил пока что скрыть свои чувства

будучи жирным чтобы выглядеть лучше в твоих глазах я демонстрировал близость к миру искусства и стыдился бегать на физкультуре мне открыто физрук говорил: ты, Савин, мешок с гуаном, в натуре

5.

нет

даже в мыслях не целовал эти добрые руки-ноги не трогал я эти волосы не нюхал твое пальто на большой перемене я понимал, что для тебя – я ничто, убогий выскочка-юморист, недоразвитый оригинал из 6-го класса некто

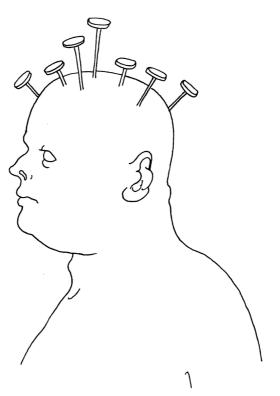
даже не имеющий права преклонить пред тобой колени просто

какая-то постоянно растущая жировая масса

6.

незаметно, но медленно движутся школьные наши годы происходит смена приколов, значков, погоды

все как прежде: я толстый тонкие, жирные волосы и невзрачный а ты без обмана – блондинка

Ch. Zeytounian Beloug 2007

Газовый вопрос 149

ты смеешься и зубы у тебя белые и при этом они прозрачны

синий цвет глаз твоих сильнее возможностей воображения день за днем я смотрю на взрослые изысканные кисти рук твоих

молча беззвучно издали изучаю твои движения

и как этот Игорь тебя обидел

7.

в 82-м в трудовой этот лагерь я, вообще, не поехал мне зачем? я был уверен, что и в этом году не добьюсь успеха ты поехала и потом я внутренне видел как ты гуляешь с местными парнями по имени Игорь по самую голову в кукурузе, подсолнухах сквозь заросли подзывают тебя: Марусь

но, конечно, я знал – ты сама чистота ты внутренне, Маша, выше этих всех обычных, которые целуются там на крыше

но меня одолевали постоянные подозрения мучили страхи казалось, ты уже с кем-то встречаешься и я дергался на перемене услышав сзади: вот, вчера напились у Махи

8.

так жизнь прошла осталась одна квартира родители умерли из знакомых осталась лишь тетя Ира

думаю: что мне сидеть и бояться встречи пенсию как раз принесли вчера и сегодня как, собственно, и всегда у меня не заполнен вечер

9.

ВОТ

встречаемся с ней у МакДональдса на перекрестке и она идет вся загорелая голова в аккуратной такой прическе вся в какой-то модной одежде повсюду пришиты различные ленты, клепки, полоски

ничего я ей не сказал стоял просто так и зажата в руке мобила

a

она говорит:

я лучше сразу скажу давно тебя полюбила

помнишь, ты читал стихи на вечере в нашем спортивном зале?

в 7-м это было классе

а мне потом сказали

это Пушкин, Цветаева

я плакала

и после только уже о тебе мечтала

помнишь, как мы стояли с тобой на кассе? знаешь, как я ждала? как без тебя устала жить?

время прошло, но то, что внутри – посильней металла

видимо, я от рождения – для тебя подруга думаю, мы были созданы друг для друга

Газовый вопрос 151

внутренне я всегда была лишь с тобой ждала, когда ты, наконец, решишься и все эти годы ты, Петя, мне ночью снишься и все это время, заметь, я ни с кем никогда не дружила мне уже 37 а я еще никому головы на плечо не ложила

ты пропал но я все равно повстречаться с тобой хотела и готовилась глядя в зеркало думала в ванной: вот, эти душа и тело

я богатая, кстати а ты самый лучший на свете ты – для меня мужчина хочешь, прямо сейчас повенчаемся? давай

10.

для тебя

ну, вот, кажется, все

у меня за углом машина

рассказчик в конце говорит за кадром: этот пример хорошо иллюстрирует, что люди живут просто так не задумываясь о главном

люди томятся в себе в своем поврежденном, ущербном теле многие не понимают, кого они любят на самом деле

для таких, возможно, Творец и разворачивает ход Провиденья и вместо каких-нибудь похорон они вдруг празднуют дни рождения

так живет человек как трава и вдруг вместо мучений, страсти с ним случается не какой-нибудь полный ужас а наоборот

наступает счастье

КОГДА Я СПАСАЛ МИР

когда я спасал мир (а мир захватили инопланетные роботы

и кругом творились ужасные вещи и Квон вел Землю к окончательному хаосу

и ученые обезумев от страха молились на закрытой конференции в горах

и в исступлении сам академик Раппопорт кричал что-то вроде «Господу нужна лишь жара»

и биороботы практически не скрываясь похищали наших детей для психических экспериментов в Египте)

одно из заданий мне пришлось выполнять в этом дурном будущем в паре с женой моего внука

к тому моменту я уже умер и не имел права увидеть свою семью

так что кроме напарницы никто не должен был знать о моем появлении в этом времени

большая часть задания выполнялась нами где-то на Кавказе

мы проникли в военную часть и я вписал себя в списки пораженных вирусом солдат

а дальше мы заперлись в одной из кладовых и стали ждать ждать пришлось целый день

(к сожалению я не имею права рассказать о том что мы там делали

враг сканирует временные потоки и может узнать из моих уст о подробностях операции)

Газовый вопрос 153

ее звали Джулия-Джулия наполовину татарка наполовину испанка

три дня мы провели вместе и она была единственной нитью связывавшей меня с родными

мы лежали на тюках с грязным бельем и я смотрел на нее и думал: какое же у нее прекрасное лицо

и думал о том как повезло моему внуку какое в ней редкое сочетание трезвости ума и красоты

я смотрел и смотрел думая что она спит и не чувствует моего взгляда

а она вдруг не открывая глаз сказала мне: знаешь

ты сделал в своей жизни лишь одну важную и достойную вещь

ты женился на бабушке Екатерине и мне стало не по себе от этих ее слов

и я вспомнил как люблю свою жену и вспомнил что уже умер

и тогда я спросил жену моего внука: после моей смерти очень ли бабушка на меня жаловалась?

что она говорила? (я-то знаю какой у меня характер) ей было тяжело со мной?

и жена моего внука ничего не ответила и наступил вечер

и тут из Центра по рации передали условный сигнал

и мы – я и жена моего внука –

пошли спасать мир

ГАЗОВЫЙ ВОПРОС

1.

бабушка говорила что с тех пор как умер дедушка мама прохода ей не дает

говорила:

остается только пустить газ больше ничего не остается

но я этого не сделаю потому что тебя я люблю

2.

я вырос толстый работаю менеджером говорю так: за две штуки нагибаться не буду

теперь я понимаю что если бы бабушка пустила газ то все бы могло взорваться

родителей посадили бы в тюрьму а меня бы взяли к себе ужасные родственники и в результате меня бы воспитала улица

честное слово никому бы не было от этого хорошо

ЗАМЕТКИ О ЗВУЧАЩЕЙ ПОЭЗИИ КАК СОСТАВНОМ ЭЛЕМЕНТЕ МЕДИЙНОГО ОБРАЗА АВТОРА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сложилось так, что автор этого очерка в середине 2007 года приступил к составлению архива аудиозаписей современных русских поэтов. Большая часть этого постоянно пополняющегося архива находится в свободном доступе на сайте «Новая литературная карта России». Составление архива включает в себя как непосред-ственно записи чтения поэтов, так и систематизацию аудиозаписей, предоставленных коллегами-литераторами. Этот увлекательный и непростой процесс логичным образом дал почву для некоторых размышлений, изложенных ниже в свободной форме, предполагающей дальнейшую дискуссию.

В современных условиях протекания литературного процесса все большее значение приобретает публичный образ автора, складывающийся на основе форм литературной деятельности, отличных от создания авторских художественных текстов. К таким формам можно отнести: 1) публичное исполнение автором своих текстов (выступления на литературных вечерах, поэтических фестивалях и пр.); 2) формальную деятельность автора в рамках литературного процесса (участие в литературных группах, поэтических семинарах, публикация теоретических статей и пр.); 3) неформальную деятельность автора в рамках литературного сообщества (налаживание и поддержание дружеских, равно как и враждебных, отношений с другими участниками процесса, участие в литературных скандалах, участие в коллективных (часто навязчиво-публичных) рекреационных мероприятиях, неизбежно сопутствующих любым литературным событиям, самомифологизация, самопиар и т.д.); 4) целенаправленное конструирование медийного образа (аудио- и видеозапись исполнения автором своих текстов, участие в фотосессиях, театральных постановках, перформансах); 5) популяризация в литературной среде не-литературных форм творческой деятельности автора (музыкальное, сценическое, живописное творчество и т.п.).

Очевидно, что наибольшей популярностью пользуются авторы, эксплуатирующие все вышеупомянутые формы деятельности. Существует множество доказательств тому, что эти формы действительно востребованы в литературной среде (включающей

156 Георгий Манаев

в себя как самих авторов, так и литературную публику). Во-первых, это так называемый «региональный бум» – феномен успешности и популярности региональных поэтических фестивалей: калининградского «Слоwwwa», нижегородской «Стрелки», фестиваля «Киевские лавры», петербургского «Майского фестиваля новых поэтов», екатеринбургского «Литературрентгена» и многих других. Во-вторых, это феномен популярности «слэмов», эстраднопоэтических перформансов, проводившихся самыми разными литературными группами и кураторами в различных городах России. В-третьих, это успешная и разноплановая деятельность авторов на стыке поэзии с музыкой, кинематографом, театром, живописью. В-четвертых, это (особо заметное в интернет-пространстве) внимание литературной и окололитературной общественности к склокам и скандалам в творческой среде. И, наконец, – the last, but not the least – это растущая популярность аудио- и видеозаписей исполнения авторами своих текстов. Обозначив те явления, в ряду которых мы рассматриваем сей последний феномен, сконцентрируем внимание именно на нем.

В ситуации деформализации художественного высказывания, его полиморфности, отсутствия единственно превалирующего поэтического модуса, современный автор получает высокую степень свободы творчества, при этом не боясь быть заклейменным как формалист, подпольщик, литературный диссидент и т.п. Успешно эксплуатируются различные формы и способы высказывания – серийная, генеративная, интонационная, визуальная, пермутационная поэзия, саунд-поэзия. В этих условиях порой необыкновенно важным становится звучащий текст, помогающий воспринять произведение несколько с другой стороны, уловить его ритм и интонацию, часто не передаваемую на бумаге. Именно здесь незаменима аудиозапись чтения поэтом своих текстов. Она важна, впрочем, и для более традиционных форм, в плане формирования уже упомянутого образа автора – живой голос, с неповторимой окраской тембра и характерными особенностями речи, безусловно, оставляет более яркое впечатление, нежели напечатанный текст (хотя текст, безусловно, приоритетен).

Сами авторы также склонны уделять большее внимание вербализации своих текстов. Прежде всего, впечатляющее публичное выступление оказывает существенное положительное влияние на рост популярности автора — не единичны случаи, когда именно успешные выступления, а не публикации, становились первой ступенью в «раскрутке» поэта в литературной среде. Естественно,

большинство авторов только начинает осознавать важность работы над исполнением собственных текстов. Однако существуют люди, уже сформировавшие характерную манеру подачи своих текстов и собирающие определенную часть публики, которая целенаправленно пришла слушать их уникальное авторское чтение.

Достаточно уже было сказано в популярной критике об «эстрадной» поэзии и русскоязычных слэмах. Хотелось бы упомянуть о тех направлениях звучащей поэзии, которые незаслуженно мало обсуждаются, будучи заслонены публичными выступлениями с элементами шоу, неизменно привлекающими большинство внимания далеко не всегда искушенной публики. Европейские и американские поэтические слэмы – это прежде всего выступления саунд-поэтов, авторов, для которых приоритетна фонетика. В нашем случае эпатажное содержание и сценический образ часто смещают фокус внимания на себя, частично компенсируя не всегда безупречную исполнительскую работу. Эта тенденция, впрочем, постепенно уменьшается в процессе распространения саундпоэзии, проведения тематических вечеров и фестивалей. Признанным мастером интонационной поэзии и саунд-поэзии является Г. Лукомников; большое внимание фонетике уделяет продолжающий традиции обэриутов новосибирский поэт И. Лощилов; неизменно актуальными остаются эксперименты с новой манерой напевности, осуществляемые, в одном направлении, Д. Гатиной, в другом - В. Нугатовым. Заслуживает пристального внимания работа многих поэтов, в частности, Д. Давыдова с коллоквиальным, «разговорным» образом чтения. Эксплуатируется и нарочито пренебрежительная, близкая к прозаическому нарративу, манера воспроизведения собственных текстов, которой отличаются такие разные авторы, как поэт и перформансист Н. Байтов и ветеран петербургского андеграунда В. Гаврильчик. Отдельно следует рассматривать а-эмоциональную, остраненную манеру чтения, присущую А. Сен-Сенькову и (при воспроизведении сериалистских текстов, созданных в стиле «автоматического письма») П. Жагуну.

Вышесказанное с достаточной ясностью демонстрирует широту спектра направлений и стратегий в области современного, если так можно выразиться, искусства художественного чтения. Составляя одну из важнейших частей актуального медийного образа автора, это направление, интенсивно развивающееся в настоящее время, заслуживает дальнейшего изучения и теоретизации.

Геннадий КАНЕВСКИЙ

ПЕСНИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ

* * *

По второму каналу опять – сериал, По четвёртому – трёп о любви. Я пельмени купил. Я пятьсот разменял. Не ругайся. Шифровку прими. Доставай из комода свой ключ запасной. Передатчик дыханьем согрей. Мы – не крови одной, мы – спецслужбы одной. (Алекс - Юстасу: «Выпьем. Налей».) Просто нас угораздило жить свысока, Видеть вещи с другой стороны... Нам отдали с лотка, по цене коробка Спичек – пару мгновений весны. Я красивую форму в ломбард отнесу. Я кресты и нашивки спорю. Я покончу с собою в баварском лесу. (Для тебя – на работе сгорю). Ты ж – не выдай, смотри, агентурную сеть, Отпирайся и стой на своём: «Он – такой же, как все. Он – такой же, как все». Не ругайся. Как слышно? Приём.

[чиполлино]

на томболе в пользу детей моряков, пострадавших от всякой мрази, не доводите меня до экстаза – я неприятен в экстазе. это теперь я редактор «нью лук», говорю о ролане барте – в прошлой жизни я был ординарцем у гарибальди. это теперь я вам блещу золотистою шелухою, прижимаю вашу цедру к груди, ничего не стою,

и графиню вишенку щупаю, склонясь над коктейлем — а тогда ЕГО заслонял от пуль горьковатым телом. дамы выкидывают лук из супа, отставив пальчик манерный, а когда-то луковый суп был украшеньем любой таверны, и над паром кастрюль взор мой блуждает дикий, я предупреждал — до экстаза не доводите, я говорил, где-нибудь, на мальте ли, на майорке, мальчик-с-пальчик огонёк-с-ноготок поднесёт к конфорке, и глядите: вскипает варево, возвращается ветер, добрый вечер, господа, жертвуйте, жертвуйте, добрый вечер.

* * *

как трубит поутру пустотелый горнист испытующий музыку сфер как вперяется взор бессловесен и чист лучшей девушки ссср к старшей младшая эдда приходит с утра вопрошает какую-то чушь на готических крышах звенят флюгера от внезапно нахлынувших чувств этой крови люблю говорю земляной тяжкий привкус ворчание вен и яволь я умру под твоею стеной искупительной жертвы взамен лишь румянец окрасивший щёки твои на мгновенье отхлынет со щёк и опять апфельпляц флюгельгорн соловьи клятвы верности наперечёт их шпацирен душа на весеннем ветру сохраняя осанку и строй этот матч волейбольный люфтваффе и ГРУ это будет прекрасной игрой без меня доиграйте радируйте счёт отворяйте полуденный рай по судетам аншлюс неуклюжий ползёт в небе лёгкий летит юденфрай

* * *

E.T.

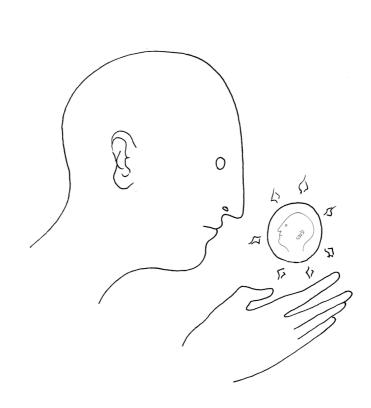
Я на скрипочке играю, поднимая лёгкий прах. Я не Байрон – просто ранен на колчаковских фронтах, и на раненую ногу опираясь, бледный весь, вот играю понемногу, зарабатываю здесь. И мотив сентиментальный дешевизною набряк: про исход пою летальный кочегара на морях, про угар пою тифлисский с напряженьем певчих жил... А когда-то - по-английски, и - в гимназии служил. Но ни слова, тс-с-с, ни слова, вон идёт уже за мной комиссар в тужурке, словно зуб хороший коренной. В чёрной коже, ликом – белый. Он в гимназии моей, было дело – портил девок, жмых менял на голубей, но поднялся, второгодник, и теперь за двойки мстит. Байрон, Байрон, день холодный, Бог, наверное, простит за цистит, больную печень, за подбитый ветром глаз. Время лечит, мир – калечит. Я ведь, барышня, и Вас помню, помню – Вы же сами, выходя из варьете с этим самым комиссаром, вся – на коксе, на винте... Я стоял у входа слева и вдогонку тихо пел: «Fare thee well! and if forever, still forever fare thee well».

в атомную лодку «шенандоу» сны заходят лёгкою стопой. переводят ход на very slow. отправляют мичмана в запой. а тому, кто в детстве всех прилежней смешивал табак и нюхал клей –

вынимать графитовые стержни, наливать воды потяжелей.

* * *

слушай, слушай шум винтов, механик. выпей, выпей море, водолаз. у семи невыносимых нянек — нежное дитя без синих глаз. но они и к этому привыкли, ибо в рационе каждый день —

каша полуобморочной тыквы, надоевший список добрых дел.

хочешь жить, как не пытался прежде? — по ночам заглядывай на ют: там сидят они в морской одежде, песни дальней родины поют. мол, в техасе — всех темнее ночи, кукла барби и журнал плейбой. мол, мелькает за кормой платочек — как медуза — бледно-голубой.

* * *

по радио говорят о приходе исмаил-хана. оборона прорвана практически всюду. как и предсказывал наш историк на пятой паре, лигурийцы беспорядочно отступали, жгли архивы и предавались блуду.

а ты наклеивала бумажные кресты на окна, задёргивала шторы, сбрасывала одежду, говорила ненужное, дразнила наотмашь, захлёстывала волной, выбрасывала на отмель мрачных утёсов между.

местные жители добывали воздух из вздохов, продавали последнее, что у них оставалось.

- а что это у вас, дражайшая солоха?
- это у нас, любезный дьяк, такая эпоха, давящая на жалость.

и поэтому я тебя никогда не покину. даже когда поведут на площадь сен-василиска, навстречу рёву толпы, навстречу выстрелам в спину — ты расскажешь мне последний анекдот про любовь дофина... всё же мы достойно прожили нашу жизнь, моя киска.

* * *

Поломала жизнь, поломала, вот уже слегка надломила: она любит лётчика, мама, я опять пролетаю мимо – он крылами качает нежно, он заходит в пике над домом, столкновение неизбежно, всё, прощайте, привет знакомым. Она любит лётчика, мэра, коммерсанта, майора МУРа, убедить её не сумела мировая литература, что у нас в инвалидной роте дух высокий, полёт нормальный – видно, зря мы бились на фронте революции сексуальной. То есть в жизни иной, небесной, наглотавшись небесной дури, мы, конечно, взлетим над бездной, обнимая небесных гурий, из одной тарелки с богами потребляя нектар и манну, но сначала – вперёд ногами, а она всё с лётчиком, мама. Остаётся заняться делом: штурмом взять, изумить подкопом, и на бреющем, как Отелло, показать афедрон европам, и, срезая углы и крыши, лишний раз убедиться – боже! - всё равно он летает выше, всё равно получает больше.

[смерть пионера]

а был он невнимательный и говорил о том как жизнь к едрениматери идёт с открытым ртом как жизнь идёт по-старому двенадцать раз подряд за родину за сталина за чёрный виноград как губошлёпы рыбные в аквариуме дней боролись и погибли мы от кольчатых червей под конское под острое копытное враньё на кольском полуострове где хмурое встаёт и не ложится солнышко до греческих календ где трое в виде совести звонок и ваших нет желудочные колики так двигайся не стой ещё пойдём соколики по пятьдесят восьмой ещё в крови горячечной где поднимались мы ещё глаза незрячие что открывали мы багрицкого сюда ещё меж бабочек стрекоз прекрасный день сияющий для гибели всерьёз

[покрышкин]

соседка заносила спички и соль сосед заходил и оставил ключ бреешься у зеркала — видишь листок «ахтунг ахтунг покрышкин ин дер люфт тем кто своевременно оставит меня тополиный пух и божья роса ну а мне соколику мать сыра земля да высылка в двадцать четыре часа»

что ли призывай на голову мою все свои проклятия имперская сталь твоего покрышкина ждали в раю только он заранее сводку прочитал как в покровском-стрешневе наискосок шёл я по аллее мимо дачи его ждал откровенья или пули в висок окрика охраны ан нет ничего

левитан до смерти слышал голоса жуков до опалы копался в золе тополиный пух и божья роса всё что остаётся на этой земле опускай шлагбаумы ступай со двора фонарём на станции вослед посвети передай начальнику апостола петра — эшелон проследует по первому пути

65-я КЛЕТКА

Там, где образ превращается в слово, а слово рождает звук – есть щель, трещина. Порой – это бездонная пропасть, на разных берегах которой могут существовать лишь враги, оппоненты, какими становятся шахматисты, склонившись над деревянной доской, став белыми и черными, «добрыми» и «злыми» персонажами этой древней восточной игры. Но никакая игра не происходит без свидетеля, зрителя. Чтобы лучше видеть общую картину действий, он смотрит сверху. Хотя это не правило, но известны исключения, когда наблюдатель, являющийся по сути, хоть и пассивным, но игроком, появлялся в самой игре, становясь участником разворачивающихся событий, резной фигуркой со своими определенными возможностями двигаться так или иначе. Оставаясь при этом свидетелем происходящего, он знает варианты развития игры, а значит знает и возложенную на него задачу, знает куда выступить. В результате, они оставляют за собой четкий след своего движения, учение - одни, чтобы восстановить равновесие играющих сил, другие – дабы его разрушить. Это они создают Книгу Перемен и Библию, Веды и Коран. На Востоке их называют просветленными, на Западе – святыми. Они становятся провожатыми пастухов, направляющих стадо на цветущие луга. Они становятся наставниками полководцев, ведущих своих солдат к победе.

Но в этой игре, так похожей на шахматы, — назовем ее мир, обозначенный буквой «я», — есть еще и аномалия, ошибка. Это 65-я клетка. Эта клетка, являясь дополнительным или лишним полем для противоборства играющих сил, наделена свойствами фигуры, то есть способна перемещаться, спонтанно и в случайном направлении или же в соответствии с изменениями самого пространства игры, шахматной доски. Причем, 65-я клетка и является единственным фактором этого изменения. Чем вызвано ее существование, не известно. Есть мнение, что 65-я клетка задумана создателем игры и существует всегда, то появляясь, то исчезая. Другие справедливо считают, что это лишь домыслы игроков, ибо о ее мерцании нет никаких убедительных свидетельств. Есть и такие, которые уверены, что, при попадании фигуры на это поле, она

65-я КЛЕТКА 167

растворяется и выходит из настоящего противостояния сил, двух шахматистов, и становится игроком 65-ой клетки. Однако, существует идея, хотя ее истинных приверженцев можно сосчитать по пальцам, о том что 65-я клетка, эта аномалия — есть не что иное, как сама игра, ее суть и метафора ее создателя.

Кстати, подобная легенда ходит и вокруг китайской классической книги перемен. Некоторые знатоки, в том числе знаменитый исследователь восточной культуры Юлиан Константинович Шуцкий, довольно туманно намекают на то, что в книге, помимо традиционных 64-х гексаграмм, существует и 65-я. Ясно, что ни текста, ни комментариев к ней нет. Известно только ее название – И-цзин.

Конечно, дело здесь отнюдь не в цифровых галлюцинациях, примеров которым можно найти тысячи, обратившись к последователям нумерологии или того хуже - каббалы. Это всего лишь некоторые попытки зафиксировать картину партии, обездвижить игру в знаках и символах, дабы оставить сухой слепок мнимого совершенства владения законами игры. Однако, если верить в существование 65-й клетки, этой заведомой ошибки в пространстве и времени шахматного поля, все эти выкладки и выводы выглядят не более чем игрой ума и воображения наделенных разными способностями людей. Конечно, находились и те очевидцы этой аномалии, которые не оставляли попыток понять ее, отчасти из любопытства, отчасти теша свое тщеславие стремлением докопаться до сути самой игры, пока не сталкивались с необходимостью выразить невыразимое, подвергнуть себя действию этой ошибки, стать ей. Из тех, кто до последнего момента находили в себе силы самозабвенно фиксировать свои наблюдения, Александр Турано, итальянский ученый, закончил свое исследование так: «...эта игра отличается от реального мира, от мира, данного нам Богом, лишь настолько, насколько широка трещина между образом и словом, насколько велика ошибка интерпретации». Об этой щели, об этом пространстве между замыслом и его воплощением и пойдет дальше речь.

ЛИНИЯ С ЦИФРАМИ:

1. ТЕЛО

Граница. Женщина. Песок.

168 Алексей Яковлев

2. ЗНАНИЕ

Давнее лето
За окном каштан и вишня
Срываешь плоды
И глотаешь косточки.

3. ЖЕЛАНИЕ

Даже камень превращается в воду лишь потому, что гора, в основе которой он лежит, стала тяжелой.

4. СМЕРТЬ

«Я хочу тебя...»

5. ВЗГЛЯД

Ты слепа, ma cherie, Не боишься.

6. УНИ ФОРМА

Его нет, постоянства, Разденься.

7. УКАЗАТЕЛЬ

Пойманы в сеть атласом автодорог.

8. ВОПРОС

Даже на это будет ответом сигарета, зажженная после.

ЛИНИЯ С БУКВАМИ:

А. ПРЯМОЕ ОБЩЕНИЕ

Подними веки и опустоши свои глазницы.

В. ВЕЛИКОЛЕПИЕ

Иди смело, когда ничего не нужно.

65-я КЛЕТКА 169

С. СИММЕТРИЯ

Слева - ты цел. справа - нет половины.

D. ДВОЙСТВЕННОСТЬ

Если одиноко - ищи обратную сторону.

Е. ЕСЛИ

Не люби заглаза, полюби за глаза.

F. УПРЯМСТВО

Молчи, так умней.

G. ЦЕЛЬ

Помни, лучшее - враг хорошего.

Н. ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Ведь это так просто.

2000 г.

Мария ГЛУШКОВА

ИЗ ЦИКЛА «РОЗОВЫЙ КУСТ»

рукой, которую – и – не позолотить – я лодки, лодки – двигаю по кругу – и мне порукой ваша честь, и мне подруга не подруга – покуда есть что есть и пить.

и в этом месте – где есть и быть — обыкновенное беспросветное счастье – такое как: по реке плыть плыть и её переплыть — такое как: скакать скакать и на стульчик сесть — в одночасье — и в этом месте, где руки ближе к телу — чем губы к зубу — лежат рядком — говорят ладком: говорят — я тебя никогда не забуду — ни о ком —

в этом месте я протоптала коленками две дыры — дыры в неизвестные мне дворы — дворы — где дарят дары и ещё дары — но мне — не подарят.

но я — всё равно — так старалась — я была палач себе и судия — я думала — до тебя — докопаться — посвататься к действующему попу, родить от него детей, растить на своём горбу — вырастить пионеров и октябрят — или — вообще — ребят — или — вообще — не сдаваться.

но в твои дворы мне ни-ни гулять – для меня вот стульчик и вот кровать – но твои дворы – под Полтавой. для меня вот стульчик и вот кровать –

но подходят, дёргают за подол, называют «мать» – спрашивают – где тут можно поспать – и чей это стульчик и чья кровать – и где паром и где переправа.

* * *

назовусь хуанитой темноглазой девочкой низкорослой. во дворе сидят, все пакеты чайные спиты, все песни спеты, все докурены папиросы. хуаниту тронуть не посмеют, подойти не посмеют сидят, свесив ноги, свесив голову в плечи. песни спеты – сидят – и шепчут себе и шепчут – ах ты, маленькая хуанита, и зачем только ходишь мимо когда надо нам поле сеять перебирать коричневыми пальцами коричневые комочки – а тебе, хуанита, играть бы в песочнице – песочек, куличики, розовые совочки. у тебя, хуанита, одна беда и у нас одна – сеять поле – чтобы до трав, до дна – лицом лечь в поле потным - и так уснуть и чтоб приснилась не ты, хуанита, а кто-нибудь.

а твоя беда – как войти в города – словно мука сквозь сито – словно нитка в иголку – так войти – чтоб никто не узнал, чтобы шито-крыто – как пыль ложится на пол. и ещё – на полку.

и нет другой никакой беды. течёт река и в реке все воды быстрее самой большой воды.

и что остаётся нам, хуанита. вылить слёзы в твои раскосые глазки – плакать над тобой, хуанита, – глаза в глаза.

а зимою с горки катаются на салазках. и синеют белые небеса. так — на морозе — стоят — вприглядку — выгнули спины — на физзарядке — сосны, осины — руки косые — азбукой морзе — врозь — на морозе.

. . .

девочкой – с персиками – на шаре – бегаешь бегаешь по ошаре – узкою улицею недлинной наполовину – навек – неглинной – наполовину - совсем - безлюдной узкою улицею-петлицей по-над щекою, под половицей вертишься где-то - где сердце, шея быстро! быстрее, ещё быстрее! – по-над губою, над чашкой, блюдом, бьющимся об пол пустым сосудом за пять копеек, за пять с полтиной телом – раскроенным, крепко сшитым, телом уснувшим, во сне – убитым, телом – прошитым – швом – по ватину – ах, как с картины! вся – как с картины!

...эти страницы – е – ё – и дальше – где ты была?! где была ты – раньше? – враз отцветали – сады и сливы – мы же там были! мы – были – живы! вшивы и вышиты наши платья, выжаты, выкрашены – карандашами – жёлтым – стоит – как топор – мимоза – прямо у входа в ворота рая. на! – обними нас! – схвати в объятья! на! – обними нас! – согрей с мороза! девочка – бледная и босая.

ch Zeytoman Balans

05.12.2006

никакая твоя протянутая рука

не убережет от нависающего потолка,

от пары стоптанных тапок в том дальнем углу,

где лет этак через пятнадцать прорастёт ярко-розовый куст и кукушка ку-ку

скажет, рот приоткрыв в небеса и прикрыв глаза.

ну как. ну вот так.

школьную форму меняю на белый фрак –

складываю в мешок –

складываю в целлофановый мешок из продуктового магазина:

гольфики, сандалики – всё, что – вообще – носила,

всё, что лежит — непреклонное — не тлеет, не становится мало, не линяет —

лежит – не мнётся, лежит – и напоминает:

мол – тут-то рукой подать –

мол – я в двух минутах ходьбы от рая.

а там – ну ты знаешь – цветут ярко-розовые кусты –

наперегонки: кто быстрее, кто выше, шире.

а мамочка, папочка, бабушка, братик, ты

сидят в двухкомнатной – с лоджиями – квартире –

с лицами запрокинутыми и заботливыми – как в тире.

внезапно такая сцена – входит кто-нибудь в школьной форме, сверху – в тёмном плаще –

подходит к окну, заглядывает в оконную щель,

шепчет – теперь прощён.

ну всё.

и пошел. пошёл.

и мамочка, папочка, бабушка, братик, ты цепенеют, пальцами платья перебирая.

в оконные щели цветут ярко-розовые кусты – изо всех своих сил.

изо всех своих сил.

не

помирая.

Сергей СОКОЛОВСКИЙ

ЗОМБИ И СЫН

Практическая танатология Виктора Іваніва

О стихах можно говорить так, как живой говорил бы про умершего. Можно иначе — как мертвый о живом, испытывая острую, жгучую зависть к самой возможности «последнего слова». Мне ближе второе.

Здесь и сейчас — о двух книгах Виктора Іваніва: первая, «Стеклянный человек и зеленая пластинка», вышла месяц назад в издательстве «Ракета», вторая, «Голос полдня», должна выйти в ближайшее время не вспомню где, поскольку пишу о ней, пользуясь присланным файлом. Не знаю, много ли радости в подобном спокойном тоне, когда дело касается поэзии. Я предпочел бы гиперистеричность, сверхвыспренность и тому подобные прелести мира утраченных возможностей — в котором уместна речь скорее профетическая, чем демонстрирующая навыки анализа (хотя бы по минимуму). Возможностей, исчезающих на глазах, — так Герасим мог бы следить за тонущей собачонкой. Чтобы в итоге остался один-единственный вариант — или уж вовсе никакого не осталось, в конце концов, можно и молчанием встретить поэтическую новинку.

Эта исключительность – неспроста. Разговор о стихах в некоторых случаях исключает взгляд со стороны, место за пределами текста. Мы не всегда можем совместить должную меру понимания и любой жест самоидентификации как таковой. Мне, персонажу нескольких текстов этих двух книг, могла бы подойти роль персонажа: вот здесь автор видит меня не так, вот здесь я недоволен избытком собственной эпизодичности. Гомерический смех в итоге, и только. В этом случае избыток комизма отравил бы все, что следует сообщить, – так мы улыбаемся, читая Пригова или Немирова (последний на одном из своих выступлений выкрикивал угрозы в адрес хихикающей публики – эти угрозы лишь растягивали ухмылки). Весело быть персонажем, но претензии на обладание личностью все же забудем – и, назначив критика мертвецом, попробуем обладать в отношении упомянутых книг чуть более бестелесной сущностью.

Таким образом, хотелось бы уцепиться за постыдно переливчатое мерцание между ролью вырвавшегося из текста персонажа

Зомби и сын 177

(полностью отказаться от этого, увы, невозможно по техническим причинам) и совсем уж бестолковой дрянью, вроде следов от жирных пальцев на страницах книги. Существенно, что, определяя свое место по отношению к предмету, мы говорим о нем многое, но не все. «Сардинница ужасного содержания» отнюдь не всегда нуждается в наблюдателе. И тем не менее с неизбежностью возникает в конце текста, начинающегося так:

Вот Вы в образе революционера-интеллектуала медленно фланируете вдоль Обводного канала...

Здесь можно перевести дыхание. Это явно не про меня. Пространство между обращением и сардинницей забито чем ни попадя, от седла «Ягуара», на которое сам Фуко когда-то садился, до бизнесмена-патриота из фильма Кустурицы. Несмотря на все очарование ритмизованного перечисления самых разнообразных культурных реалий, составляющих багаж нашего современника, обладающего вкусом к гуманитарным дисциплинам, значение имеет только сардинница. Через десяток страниц – тем же образом и с похожим, но еще более откровенным результатом перечисляются марки сигарет. Дело доходит до мяты и чая, а в финале –

У меня было пять трубок все они сломались Самый правильный вкус у сигареты повторяю бывает только на поминках

Это тоже не про меня. Это про другого покойника, чуть ниже я поделюсь своими догадками о том, чей именно труп изволит присутствовать не столько даже на страницах книг Іваніва, сколько над всей современной словесностью во всем ее пышном многообразии.

А пока – пролистаем первую книгу почти до конца и процитируем (Господи, до чего же я люблю множественное число) небольшой фрагмент послесловия. Данила Давыдов пишет: «Предложенное Іванівым забалтывание, будто бы механическое повторение, остраняет предмет, но это остранение не несет определенной художественной функции. Это просто изъятие предмета из мира привычных связей, вот и все». Мне трудно согласиться с тем, что забалтывание в этих стихах просто «изымает предмет»: с тем же успехом можно увидеть простое изъятие предмета в похоронном плаче. Художественная функция вполне очевидна:

Обезьянка в галстуке пиджаке и кепи напомнила мне о том кого уже нет на свете теперь когда она по щеке меня треплет и слово ласковое как хлебные мякиши лепит ежик был колок как ворс на крепе напомнила мне о том кто никогда не воскреснет

черты их стали для меня неузнаваемыми как две одинаковые рыбки в аквариуме...

Вокруг обезьянки все расползается, как ветхая ткань, но сама она держится незыблемо, как земная твердь на трех домашних животных. Подобные ключевые элементы не всегда с легкостью обнаружимы, иногда они вынесены в интонацию, иногда – в ритм. Еще большую путаницу вносит несоответствие эмоций и предлагаемого образного ряда: трудно представить себя на месте человека, чувствующего примерно то же, что и ты, но пользующегося для описания своих чувств абсолютно недоступным, а подчас и оскробительным для тебя языком.

Вслед за Владимиром Казаковым Іванів (исследователь его творчества, кстати) заполняет огромную лакуну, которая образовалась там, где будетляне и обэриуты сложили обломки разрушенных ими стен. *Труп революции* виден из этого места чудо как хорошо. Собственно, уже более полувека вся наша жизнь проходит под покрывалом этого трупа: в отличие от революции, мировые войны и массовые казни не смогли стать собственно культурными событиями. Революцию, разумеется, следует считать синонимом авангарда — несмотря на все издержки, которые скрывает в себе подобное сопоставление.

Іванів этот труп ест. Ест, вгрызаясь в него червем, прорастая сквозь него настойчивой ядовитой лианой. В отличие от всех прочих, которые просто под этим трупом лежат. Ест, гаденыш, и причмокивает:

Вася скоро тебе, Сокол, рукопись пришлет к ней он самый яркий заголовок пришьет как он это сделает меня не ебет потому что Вася портвейна не пьет

Этот текст адресован мне. Революционность уже вполне панкроковая, и вместе с тем мягкий лиризм именно этого брутального

Зомби и сын 179

на первый взгляд фрагмента определяется именно через соотнесение с «традицией авангарда», а если шире – с традицией любой субкультуры, отвергающей фальшивые формы коммуникации.

В конечном итоге единственным подлинным событием жизни оказывается смерть. Активное взаимопроникновение живого и мертвого вообще является определяющим для поэзии Іваніва. Смерть возвращает разрушенной, разлагающейся реальности цельность, собирает и концентрирует ее вокруг себя — ровно по этой причине перестает быть смертью. Названия основных разделов второй книги говорят сами за себя: «Солнце похорон», «Траурный зайчик над могилой утопленницы». Последнее, содержащее аллюзию на текст Егора Летова — «траурный зайчик нелепого мира» — перебрасывает мост к традиции т. н. «сибирского экзистенциального панка» в целом, которая вполне органична для Іваніва, живущего в Новосибирске.

Отношения со смертью окрашены весьма разнообразно. Местами – достаточно иронично, с труднопроизносимой скороговоркою «ржут и жрут», виртуозно замедляющей темп:

по небу молния летит а люди ржут и жрут и только ты убит, убит, и это просто жуть

Местами – настолько серьезно, что смерть не упоминается вовсе:

Дима Гиндель был мой друг и он говорил что у него была собака Витим и что я похож на нее я хочу чтоб я на небе был твоей собакой Витимом

Отдельно — о работе со словом, над словом. В своем поэтиче-ском поколении у Іваніва едва ли не самый богатый словарь, но при этом многочисленные арготизмы, анахронизмы, научная и оккультная терминология, устойчивые формы обыденной речи — мало того, что уравнены в правах, но и практически не эксплуатируются при решении тех или иных формальных задач. Эффект достигается исключительно сопоставлением звучания и смысла:

Дрочи на мужа своего Иль оторви ему дрочило Когда судьба вас разлучила Когда ты ужоснах его И своего ребенка навьего Когда дышать не научила

Проклятие, здесь снова о смерти. Опять об Пушкина. «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца» — Іванів задействует в своей практике едва ли не весь арсенал классической русской поэзии, и, будем честны, не только в узко танатологическом аспекте. Вгрызающийся в авангард, он не оставляет без внимания символистов, а в нескольких стихах узнаваемы решения поэтов «парижской ноты», с характерным синтаксическим сбоем:

пока вокруг зевают и глазеют как няньки царствуют с кухарками глядит старик из театрального музея что видел Хлебникова в Харькове

Глазеют-глядит-видел. Видел Хлебникова живым. Устойчивое пограничное состояние позволяет Іваніву обходиться без сомнительных костылей «новой искренности» и постыдного ренегатства постакмеизма. Монументальные поэмы и сложно организованные циклы первой книги сменяются стансами и сонетами «Голоса полдня»: их «политическая» неуместность на сегодняшних поэтических подмостках, по выражению Николая Кононова, автора предисловия ко второй книге, — нисколько не изменилась. Старуха с косой и вправду не слишком уместна на детском утреннике. В том смысле, что только ее и ждут.

Андрей МОЛЬ

ЗВУКОВАЯ ЮНОСТЬ

* * *

человек

как две капли воды похожий на Нила Янга выбирает замороженные полуфабрикаты в универсаме «Копейка» на Кировоградской

пожилая женщина с лицом как у Марианны Фэйсфул спит на скамейке на Покровском бульваре, укрывшись засаленным пальто

долговязого юношу похожего на Боя Джорджа вокалиста группы Culture Club жестоко избивает кучка бритых подростков во дворах близ метро Царицыно

поздним вечером на Большой Лубянке милиционеры находят пять грамм героина в кармане кожаной куртки стареющего модника поразительно похожего на Брайана Ферри

мальчик в замызганной серой толстовке с грязно-желтыми волосами и двухнедельной щетиной ну точь в точь Курт Кобейн в лучшие годы блюет в дымящуюся урну на автобусной остановке на Бабушкинской в восемь часов утра

старый еврей внешне – вылитый Боб Дилан стоя у ларька с хлебобулочными изделиями возле метро Смоленская пересчитывает мелочь в заскорузлой ладони хватит или не хватит на ржаную лепёшку

182 Андрей Моль

пили со школьными друзьями доебались чертановские сняли бомбер отняли кошелек и мобилу разбили лицо

проснувшись пасмурным утром с тяжелого похмелья в однокомнатной квартире на Севастопольской смутно припомнив события вчерашнего вечера Эдди Веддер написал свои самые безысходные песни

я и электрический поэт Саша Герц

Девяностые не вернутся никогда - Владимир Никритин

мы не спим

мы не спим мы не пьем и не едим

- Иван Ахметьев

в утробе ночи на коммунальной кухне в Питере, где-то на Суворовском проспекте время не может отдышаться и пухнет в ожидании клинической смерти ядовитый снег, эсхатологическая погода мы наблюдаем календарный конец двадцатого века и двухтысячного года в утробе ночи на коммунальной кухне я – и электрический поэт Саша Герц

кухня напоминает логово тролля гигантская плита прямо посередине и все остальные предметы увеличиваются в размере мы в противоположных углах поставили стулья мы ничего не пьём, мы ничего не едим мы обуздываем мысли, управляем нервами его рука движется плавно и безошибочно как тонарм

Звуковая юность 183

мои руки повисают безвольно как плети в кастрюле на плите мы варим кухнар последний кухнар двадцатого столетия монотонно поёт в кастрюле густая смесь и ветер в щелях подвывает выше в малую терцию неподвижно танцуем неотступно следим процесс мы – с электрическим поэтом Сашей Герцем

тринадцать спящих человек в семи закрытых комнатах на трех уровнях квартиры в этом старом доме магия этих чисел – лишний повод вспомнить при чём ты здесь присутствуешь, если ты, конечно, понял

никто не выйдет на кухню этой ночью в полной тишине, передвигаясь незримо электрический поэт покажет мне моё прошлое слепит девяностые годы из сигаретного дыма

всё очень зыбко, и только на долю секунды картина видна целиком дальше все уносится сквозняком но этого мига достаточно, я теперь знаю судьба отыгралась на ком за эти-то десять промозглых лет душа выщербилась, стала совсем сырая девяностые вышли, их больше нет и понятно что нас обманули апокалипсис отменяется не будет не то что бескрайнего вечного ада не будет даже банального рая рая похожего на больницу похожего на дурдом где мы все хотели слегка отлежаться и подлечиться, мечтали о том но нас наебали

нас обмануло время зато у нас появилась зрелость и власть над самими собой 184 Андрей Моль

она же тяжкое бремя теперь ты сам ответственен за любой свой программный сбой и вынужден сам решать сколько грызла класть никто не будет в новой эпохе следить за тобой заставлять тебя жить или умирать

так возьми это знание, поступи с ним как дух велит разломи его надвое, как кусок хлеба, с ближним его дели падай в будущее как в яму, иди в него, как в широкий и тёмный створ и как раз уже пить пора пока не остыл раствор

рассвет ещё не просыпался, луны уже пожухли и я чётко слышу биение двух сердец в утробе ночи на коммунальной кухне я – и электрический поэт Саша Герц

звуковая юность

T

звук тут вообще неплохой, аппарат недавно поставили давай, быстрей заходи, смотри сразу, куда втыкаться портвейн только спрячь в чехол, чтобы без лишнего стрёма

лёня зальцман окончил училище имени гнесиных сдал выпускные с отличием, и на следующий же день продал свою антикварную виолончель на вырученные деньги купил мотоцикл «урал» и гитару «музима этерна»

дерни струну дай мне соль давай-ка что ли настроимся выкрути бас там на полную и прибери середину мастер не трогай, сгорит – нас Коля нахуй уроет

саша астахов по прозвищу сиплый учился на радиотехника сделал себе бас-гитару из грифа от ленинградки и старых паркетных досок

Звуковая юность 185

репетируя дома, втыкался в отцовскую радиолу пацаны со всего двора заходили его послушать таскали ему портвейн из ближайшего магазина

бочка пробитая, блядь, без бочки играть придётся ты быстрее соображай, чуть больше часа осталось давай ту, что вчера сочинили, отсчитывай, жора, поехали

жора, когда служил в армии, играл в полковом оркестре на флейте и на трубе, потом перешёл на ударные дембельнулся, работал грузчиком, купил себе установку организовали группу, назывались «прощай, оружие»

в целом нормально звучит, главное петь погромче саша, перед припевом надо вступать из затакта вторую давай еще раз, которая с ля-бемоля

II

самые сильные песни зальцман писал в дурдоме косил по шизе от армии, на тасках от препаратов писал безумные вирши и в уме сочинял гармонии пел для психов, и психи говорили – очень пиздато

вышел, работал дворником, репетировали в каморке где-то в сретенских переулках, готовились к выступлениям две гитары, вместо ударных — кастрюли и сковородки ночью бухали, шумели, потом встречали рассвет в отделении

три полуподпольных сейшена в местном дк строителей несколько тайных квартирников, записи на катушках приводы в менты, увольнения, постоянные ссоры с родителями алкоголизм, наркомания, в общем, все атрибуты

и как вершина карьеры — в доме культуры зила играли на разогреве перед группой «второе дыхание» после концерта, нажравшись, лёня врезал своей музимой какому-то комсюку, из местных, особо нахальному

Ш

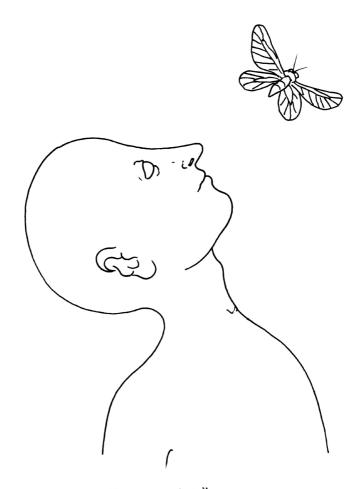
где теперь эти люди по прошествии трех десятков? кто из тех, кто кривлялся на сцене и скакал по креслам в партере, 186 Андрей Моль

крутит катушки с той записью на старом магнитофоне? кто, превратившись в овощ, скурившись на трижды пробитом пахле,

лежит дома с пластиковым протезом вместо гнойной кисты в носоглотке?

кто обратился во странный плод с неприятным запахом, качающийся на бельевой веревке в общественном туалете? кто стал капитаном фаянсового корабля бороздящего волны черной венозной крови?

а кто-то воспитывает детей, вспоминает с улыбкой подернутые сизым дымом годы звуковой юности порой достает из чехла гитару, берет на ней пару аккордов: вот видишь, сынок, тут на грифе такая трещина, и перо немного отходит? здорово всё-таки я тогда этой падле ёбнул хорошо ещё знал, где там пожарный выход и так вовремя подошёл последний вечерний автобус

ch. Zeytounian-Beloig 2007

Анна ОРЛИЦКАЯ

ВЫДОХНИ МЕНЯ КАК ДЫМ СИГАРЕТЫ

* * *

* * *

Выдохни меня как дым сигареты выпей как чашку крепкого кофе прочитай как роман как стихотворение потрать как последние деньги на что захочешь

закрываю глаза пытаюсь поверить что он это ты пытаюсь вспомнить твой запах твой вкус заставляю себя узнавать в его чертах твои в его голосе – твой в его почти-что-любви – твою настоящую?

прекрасные страны на том конце провода – таинственные и далекие цвета морской волны, в тумане и легкой мороси о них – только воспоминания поверь, прошлой жизни не было жизнь – складка небытия, ошибка в программе реальности белая точка на идеально черном листе типографский брак царапина на линзе объектива

может быть, что-то еще

* * *

«ХОЧЕШЬ» ЗЕМФИРЫ КАК ГИПЕРТЕКСТ: некоторые вольные размышления

Связь музыкального искусства с литературой не нова. Но в XXI веке можно заметить целый ряд песен, примыкающих к так называемой легкой музыке (поп), где разрабатывается еле заметный, но крайне богатый арсенал ассоциаций и реминисценций из литературы прошлого. Одним из самых наглядных примеров подобной тенденции является песня Земфиры «Хочешь». Она строится по очень сложной интертекстуальной схеме, что ставит не только это произведение, но и, шире, все творчество певицы в неожиданный ракурс богатой литературной традиции, преимущественно модернистской. С первого взгляда бросается в глаза формальная схожесть рассматриваемой песни с двустишием из стихотворения А. Белого «Время»:

– Хочешь, дам тебе цветок:

Заплету лазуревый венок.

Время у Земфиры выступает как недостающий элемент, ведь адресат песни «Хочешь» находится на грани жизни и смерти, и единственное желание поющей в том, чтобы отложить момент отправления любимого человека на небесное пастбище.

Произведение, являющееся объектом анализа данной заметки, начинается сердечной просьбой рассказчика / авторского я («Пожалуйста, не умирай»), по всей видимости, высказанной у смертного одра любимого человека. Песня сразу же приобретает конкретность и решительность после интонационного перехода от просьбы к констатации собственного ничтожества в тот момент, когда адресат песни отойдет к праотцам («Или мне придется тоже»). В этом смысле признание поражения перед жизнью, неспособность направить судьбу и этим избежать расставания с любимым человеком связывается с фигурой побежденного и угнетенного жизнью и судьбой позднесимволистского поэта, в первую очередь, с бродящим по кабакам в поиске несуществующей красоты А. Блоком второй половины 1900-х гг. Рецепция смерти в «Хочешь» исключительно негативна, в то время как в других песнях этого же автора она лишена страшных черт, см., например, интонацию песни «СПИД» («у тебя СПИД, и значит мы умрем»).

Разлука с любимым становится окончательной, и даже надежда на встречу в потустороннем мире оказывается иллюзорной («Ты конечно сразу в рай, / А я не думаю ,что тоже»). Неизбежность смерти обоих героев и преимущественная позиция любимого человека по сравнению с автором (попадание в рай VS попадание в «не-рай») побуждает последнего к бунту против судьбы, к метафизическому восстанию явного фаустовского происхождения для того, чтобы самой не сгинуть в недрах ада, да еще и в одиночестве.

В следующих строках намечается напряженное интонационное крещендо в переходе от образа апельсинов (вероятно, скрытая аллюзия на «алиментарные» образы И. Северянина) к рассказам и в конце уже – к звездам.

Хочешь сладких апельсинов Хочешь вслух рассказов длинных Хочешь я взорву все звезды Что мешают спать

Образность метафорически переходит от необходимости питаться к литературным реминисценциям и к самой литературе как спасительному элементу перед неминуемой кончиной. В этом смысле «рассказы длинные» могут быть рассмотрены и как эквивалент коллективной молитвы языческой и раннехристианской культур. При том, что момент озвучивания собственных обращений к божеству (божествам) перед воображаемыми свидетелями («вслух») стремится к доказательству – в случае невыздоровления любимого человека – не-небесной натуры божества, что оправдывает принятие на себя его черт. Это желание становится более наглядным при обращении к последнему двустишию процитированного фрагмента. Бунт отчаянно любящего авторского я достигает своей вершины в желании взорвать «все звезды, что мешают спать» [подчеркнуто мной – М.М.]. Центральный момент песни апеллирует к традиции раннего Маяковского, брезгливо отозвавшегося о звездах, как о «плевочках» (стихотворение «Послушайте!»). Индивидуальный бунт против небес по сути своей антагоничен восприятию звезд Владимиром Владимировичем (тем, который футурист), ибо Маяковский переиначивает традиционное понятие об астрах, в то время как Земфира выступает в роли Бога-всеразрушителя, не желающего строить ничего на оставленных после себя руинах. Что касается футуризма, известен созидательный пафос его представителей, Маяковского в первую очередь. Также вышерассмотренный образ ничтожного человека, подвергнутого ударам судьбы, явственно контрастирует с образом всемогущего поэта, свойственного Маяковскому.

Отождествление себя с божеством не прекращается и в следующем четверостишии, где любящей Земфире даже не нужна ответная любовь, она готова любить за двоих – за себя и за любимого человека, проявляя этим собственную самодостаточность («Моей огромной любви / Хватит нам двоим с головою») наподобие божеств-гермафродитов, не нуждающихся в другой половине для сотворения мира и людей. В этом отношении любимый человек представляет собой бесполое «сверх-божество», что-то вроде «Большого взрыва», изначального источника всего сущего, чья натура обоготворяется самим божеством («ты же видишь, я живу тобою»). Дальнейшее развитие песни утверждает принятый на себя певицей образ бога-громовержца, всевластного над жизнью и смертью людей, рассмотренных - как уже указано - в качестве ничтожных насекомых по сравнению с полученным от чрезмерного страдания всемогуществом («Хочешь я убью соседей / Что мешают спать»). Хочется подчеркнуть один момент, дихотомически определяющий сущность рассказчика / авторского я, который как бы на все способен (взорвать звезды, убить соседей), но его власть над миром ничтожна на фоне умирающего любимого человека. Эта дихотомия протекает по всему произведению, определяя собой отношения двух героев, как своего рода «битву богов» против всемирного зла, которая имплицитно завершится печальным для обоих богов концом.

Заметим в скобках богатый метафорический подтекст в образе соседей: они же являются персонификацией мотива коммунального быта советского прошлого. Убив соседей, рассказчик / авторское я как бы освобождается от груза прошлого через ритуальное жертвоприношение того же прошлого, общего и собственного. Совершив этот акт, автор сможет, как говорилось в начале данной заметки, исправить время и, соответственно, судьбу любимого человека. Убийство соседей может быть рассмотрено и как своего рода убиение младенцев, отчаянный и, по сути, ни к чему не приводящий жест, который все-таки должен быть совершен.

Предыдущие стихи («Хочешь в море с парусами, / Хочешь музык новых самых») очевидно отсылают к финальному четверостишию стихотворения В. Брюсова «К самому себе»:

Но боюсь, что в соленом просторе – Только сон, только сон бытия! Я хочу и по смерти и в море Сознавать свое вольное «я»!

Совмещение мотива моря (в стихотворении «Хочешь») и смерти (доминирующей во всей поэме) раскрывает еще один пласт: рассказчику / авторскому я необходимо убедиться в том, что происходящее — это всего лишь испытание, после преодоления которого наступит эра «вольности» (через отсылку к Брюсову), то есть тот момент, когда герои песни достигнут осознания собственного, истинного, исконного я. Вольность отсылает к известной пушкинской формулировке, но здесь вольность и любовь теснейшим образом взаимосвязаны.

После ритуального жертвоприношения, видимо, не оказавшего никакого воздействия на реальность, наступает момент самоотдачи, когда рассказчик / авторское я готов жертвовать собой в высшем своем проявлении, музыкальном, пусть и с маленькой оговоркой в финальном строке песни (««Хочешь я отдам все песни, / Про тебя отдам все песни...»). Изначально автор готов был отдать все песни, но, подумав, решил, что пожертвование всех песен будет слишком большой утратой для современной культуры и поэтому предпочел ограничиться всеми песнями «про тебя».

После космической битвы со звездами, после убийства соседейпрошлого (или соседей-младенцев) молчаливому собеседнику предлагается сдвинуть время и переместить под окно итальянские горы («Хочешь солнце вместо лампы / Хочешь за окошком Альпы»). Первый стих опять же имплицитно полемизирует с Маяковским и с советским прошлым. Здесь присутствует аллюзия на окно РОСТа («пусть будет солнце даже ночью»), рекламирующее Лампочку Ильича и «электрификацию всей страны». Земфира инвертирует слоган РОСТа, предлагая солнце, в то время как РОСТ предлагал лампы, светящие, как солнце. Творчество певицы снова делается всевластным над Историей страны и, что важнее для нашего анализа, над темпоральным измерением. Образ Альп дополняет этот дискурс, переводя ракурс с временного на пространственный; на фоне рассмотренных выше ассоциаций образ Альп апеллирует к богатой традиции символистских стихов, итальянских и об Италии, завершая этим начатый в первых стихах ассоциативный круг с модернистской литературой.

Если литература не способна спасти человека от смерти, то она может помочь тем, кто останется после ухода близкого, как доказала Земфира в этом непревзойденном примере контаминации культурно-исторических моментов с песней, относящейся, казалось бы, к легкой музыке, а на самом деле представляющей собой пестрейшую мозаику, составленную из истории высокой поэзии первой трети XX века.

Дмитрий ВИНОГРАДОВ

КУДА БЕЖАТЬ

Постмодернизм! Хоть слово дико, Но мне ласкает слух оно. Реальность дьявольски двулика. Что в ней повидло? Что – говно?

Есть новый спирт в сосуде старом, И будь ты грек, будь иудей, Неважно – каждый может даром Глаголом доставать людей*.

Да, тормозили солнце словом, Узнав, что слово – типа бог, Пусть метод плохо обоснован, А книга та – срамной лубок.

Желать иного было б странно. Сюжет запутан так хитро! Орфей вернулся – донна Анна Сложила голову в метро.

Джин-тоник с медом – млеко рая, Безумство – грамотный пиар. Все это предсказал, играя, Мифический Шакеспеар.

Мир людей, ребята – старый муравейник. Каждая букашка – часть большой затеи. Все необходимы, даже сам затейник, Даже Чебурашка, мученик идеи.

* * *

Иногда бывает – кто-то выпадает За пределы братства добрых муравьишек, Волей ли небесной стадо покидает, Сам ли прочь уходит, начитавшись книжек.

Нас оберегают ангелы благие, Он плюется в бездны, сфинксам прямо в морды. Там другие боги, сны совсем другие, Время бродит кругом, все границы стерты.

Никогда не пейте с ним воды из лужи! Трудно быть козленком, а козлом – противно. Пить живое пиво, наблюдая вчуже, Как другой страдает – это позитивно!

Помните, детишки, заповедь Толстого: Злые ходят кучей, добрые – отдельно. Купим в магазине счастия простого, Съешьте по кусочку – это не смертельно.

Куда бежать? Наскучил плен! В Саратов, к черту на рога? Деревня малая Шенген Придирчива и дорога.

В Китай не пустят – там стена, В Америке живут враги, На Юге, как всегда, война, На Севере – закон тайги.

Вверху, похоже, пустота, Внизу – холодная земля. Налево – церковь, да не та, Направо – рай за три рубля.

Внутри – сумятица ума, Снаружи – черный пистолет. На Марсе, как всегда, зима, А Фэйриленда просто нет.

Кому-то иногда везет, Листай рекламный каталог. Любой билет на самолет – Бессмертья, может быть, залог.

Ch. Zeytounian. Belour 2007

Куда бежать 199

БЛЮ3

Июль как воскресение, август как Страшный Суд. Все лето как воскресение, осень как Страшный Суд. Ждать осталось недолго, черти нас унесут.

Время идет к финалу. Кто вынесет нам приговор? Времени слишком мало, но кому выносить приговор? Прокурор, похоже, придурок, судья так и просто вор.

Достаточно бросить думать, и дело пойдет на лад. Так хочется бросить думать и мысли вернуть на склад! В такие минуты, крошка, стакан мне и друг и брат.

Давно пора разобраться, кто кого перепьет. Смелее за дело, братцы – ну кто кого перепьет? Сегодня День Идиота, сегодня полный улет.

Мелкие слуги ада места забили везде. Мелкие злые гады плавают в мутной воде. Сын Человеческий, где ты? Похоже, в Караганде.

Но все же они не правы, и кто-нибудь нас спасет. Довольно хлебать отравы, и боженька нас спасет. Я встретил тебя, подруга, нам еще повезет.

Мир катится к черту – я верю, люблю и жду. Мир снова катится к черту – я верю, люблю и жду. В дни каникул Госдумы, в седьмом по счету году. В ожидании Годо, в неизвестно каком году.

* * *

Когда среди беспечного досуга Достанут нас худые времена, Мы призываем подлинного друга С бутылкой неподдельного вина.

Раскладываем старые тетради, Читаем вслух заветные стихи И пьем вино всю ночь – не пьянства ради, Для очищенья душ от шелухи. Меж нами не бывать словам обманным! Открыты души замыслам туманным, Пространство перекручено в узлы.

Заметил верно гуру Махариши: За искренность дают награду свыше, Не верящие в искренность – козлы.

* * *

Поэт в России – жаль тебя, поэт. Ты царь, ты бог. Ты шут и праздный зритель. В твоих мозгах - вселенский винегрет, Твой дом с утра похож на вытрезвитель.

Хорош собой, умен не по годам, Но имидж твой, от нормы так отличный, Влечет к себе удары по мордам Полночных почитателей «Столичной».

Твои друзья играют рок-н-ролл, Их тоже достают ночные твари, Они лишь бросят скупо - fuck you all! Не властно зло над русским растафари.

Но ты – другой. Темна твоя стезя. Всегда один, печальней всех на свете. Тебе бы петь о солнце, но нельзя. И вот, сидишь и мерзнешь в туалете.

Больной и злой опять строчишь сонет, В твое окно помои выливают... Поэт в России – вовсе не поэт, Филологи давно подозревают.

Роман АРБИТМАН

ШОУ БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ

В 2007-м году у российской писательницы Александры Марининой случился юбилей: ей исполнилось пятнадцать лет... То есть, конечно же, кандидат юридических наук и подполковник милиции в отставке Марина Анатольевна Алексеева отметила в этом году более весомую и более круглую дату. Однако издательский проект «Александра Маринина» берет начало именно в 1992-м, с публикации – еще в соавторстве – скромной повести «Шестикрылый Серафим» в ведомственном журнале «Милиция».

За минувшие полтора десятилетия Маринина выпустила многотомное собрание сочинений, подверглась трем экранизациям на ТВ, стала объектом множества диссертаций и международных конференций, была переведена на французский, немецкий, албанский, китайский и многие другие языки. Свой юбилей писательница встретила тридцать пятым по счету романом «Все не так» (М., «Эксмо»). Главная героиня книги, Дана Руденко, кстати, ровесница автора: девочке тоже пятнадцать. Жизнь ее – непрерывный кошмар.

«За что меня любить? Я толстая, ужасная и создаю всем только проблемы..., – мысленно стенает Дана. – Я во всем виновата... Я не заслуживаю ничего, кроме издевательств и презрения...». Девяностокилограммовая, малоподвижная и прожорливая девочка замыкается в четырех стенах, поскольку смертельно боится быть осмеянной посторонними. Но и в родительском доме нет ей покоя: сложившийся в доме порядок вещей – ловушка, мышеловка, капкан. Дружная семейка домочадцев на деле оказывается сущим адом. Близкие родственники – один хуже другого. Папа-олигарх, самодур и прелюбодей. Мама-лицемерка. Тетя-стерва. Выжившая из ума бабка с замашками товарища Сталина. Двоюродная сестра – глупая, завистливая и похотливая сволочь...

Все эти «господа скорпионы», моральные уроды, жуткие выходцы из офортов Гойи вьются вокруг Даны и жалят ее до крови, даже когда желают ей добра. В финале книги выясняется, что у девочки есть редкая способность: умение метко стрелять. Когда она хорошенько натренируется, возьмет в руки винтовку, то... нет,

202

не угадали! Ни одного из родственничков-скорпионов она не замочит. Наоборот, выиграет спортивные состязания по стрельбе и получит разряд. И вообще в этом романе никто никого не убъет, несмотря на лукавую аннотацию. Уголовного преступления нет вовсе, а главная мысль книги априори вынесена в название — цитату из песни Высоцкого. Перед нами вовсе не детектив, а романплач, роман-взрыд: «Нет, ребята, все не так! Все не так, ребята!»

Кое-кто из критиков уже обратил внимание на то, что последние книги Марининой – начиная с двухтомной саги «Тот, кто знает» – все дальше отходят от жанровых канонов. В них еще больше, чем прежде, необязательного мельтешения персонажей, почти нет сыщиков и уголовников, минимум загадок и отгадок. И, что важно, везде явственно просвечивает усталость автора. Рецензируемый роман написан крайне небрежно, вяло, с нежеланием хоть как-то индивидуализировать своих героев-рассказчиков. Понятно, что тридцатилетний качок-спортсмен Паша, личный тренер Даны, никогда не будет выражаться так: «Я не уверен в правдивости информации о существовании...». Или так: «Мне просто везло в сфере, которая именуется...». И уж, конечно, Паша не употребит выражения «пикантное место» или «посыпать раны солью упреков». Но Маринина уже махнула рукой и на правдоподобие ситуаций, и на логику образов. Все уже было, и все уже смертельно надоело.

Напомним, что данный литпроект – самый ранний, самый «долгоиграющий» и крупнобюджетный на постсоветском пространстве. За давностью лет позабылось имя того умельца, кто первым родил идею превратить скромную подполковницу в «русскую Агату Кристи», но придумка была своевременной: публика уже накушалась переводными детективами и жаждала пусть и не великого, зато своего. Проект набрал обороты в середине 90-х, пережил пик ближе к концу столетия и приобрел свои нынешние черты в начале нулевых, когда Маринину окончательно и эксклюзивно подгребло под себя «Эксмо» – всемогущая фирма, способная, при наличии профита, даже реанимировать мертвеца (к примеру, далеко не все читатели новых романов Ник. Леонова знают, что писателя давно уже нет среди живых).

Выведенное на орбиту искусственное небесное тело «А.М.» продолжает нарезать обороты почти так же, как и десять лет назад. Раз читатели привыкли покупать книги с именем Александ-

ры Марининой на обложках и стартовый тираж каждого романа достигает трехсот тысяч, деваться некуда. Каждое утро надо отправляться в офис и под бдительным присмотром неумолимого литагента изготавливать необходимое число страниц. Детектив или не детектив – какая разница? Инерция неумолима. Механизм, однажды включенный, должен работать, пока не выработает весь свой ресурс.

«Люди придумали такую глупость, что, дескать, есть такая клевая штука под названием "талант", и кому природа при рождении его отсыпала полной горстью, у того все будет..., – рассуждает один из персонажей книги. – Природа, она ко всем относится одинаково. Вопрос в том, как мы распоряжаемся тем, что она дала. Каждому – свое. Поэтому если ты свое предназначение понял, у тебя есть все, чтобы получить результат. И ты его получишь». Хочется того Марине Алексеевой или нет.

аметки на полях

Закрытие волшебной страны

Многих рядовых читателей российского фэнтези (о критиках не говорю) все чаще посещают неприятные мысли с любимым жанром что-то не так. Да, книжками в этом духе завалены все магазины, кто бы спорил, кино разное снимают, но... Принципиально нового давно уж никто не ждет, все приспособились к пережевыванию бесконечной фэнтезийной жвачки, изготовленной по стандартному образцу. Зато буйный расцвет переживает фэнтези юмористическое. Просто вакханалия юмора, граничащего порой с КВНом, а то и с «Аншлагом». Кажется, над бедными эльфами и гномами поглумились уже всеми возможными способами, но нет авторы исхитряются находить новые способы глумления. И авторов можно понять. Только очень целеустремленный и крепкий духом человек способен сегодня на полном серьезе пятьсот страниц вещать о колдунах и вампирах. Менее крепкого на сотой странице неизбежно начнет крючить от смеха, и он вставит в текст непристойный анекдот или пародию на телерекламу. Чтобы рассудок не помутился. Отцы жанра, вроде Толкиена с Льюисом, были люди религиозные и книги свои считали буквально проповедью. Нынче с искренней религиозностью совсем худо, а посему и Добро, и Зло в современных книжках – не более чем персонажи компьютерной игры.

Есть, конечно, отдельные личности, способные выдать зубодробительно-серьезную эпопею в семи томах. Вспомним хотя бы приснопамятную Веру Камшу. Но у них, как правило, с литературными способностями нелады. Относительные удачи, вроде первого «Волкодава», не в счет. А кто пишет хорошо, давно уж зачислен в какие-нибудь постмодернисты и на серьезность не способен. Однако сильно искушение коммерческого успеха. И не только коммерческого. Фэнтези — чуть ли не последняя литературная резервация, где еще можно стать чем-то вроде властителя дум для небольшой толпы фанатов. Но серьезно, как уже сказано, относиться к этому делу люди вменяемые не могут, вот и стебаются всяк на свой лад, хотя и с трудом. Ни в одном жанре, наверно, нет такого количества книг, сочиненных в соавторстве. Олди, Лукины, Угрюмовы, Брайдер-Чадович, Буркин-Лукьяненко, наконец.

Это я навскидку вспомнил, всех и не сосчитаешь. А почему? Один человек слишком ясно понимает всю несуразность подобного занятия. А вдвоем можно сесть, лениво перебрасываясь шуточками, даже и хлопнуть по сто грамм – и вот уже струится ручейком непритязательный, но смешной текст.

И не говорите мне про молодых людей, которые, склепав латы, носятся друг за другом по лесу с мечами, не всегда деревянными. Мол, они ли не показатель популярности весьма серьезного фэнтези? Странных людей всегда хватает, но они никогда не станут большинством. А большинство — это добропорядочный читатель-обыватель, пачками глотающий весь этот дикий юмор. Жанр скорее мертв, чем жив, и мы наблюдаем традиционные пляски на его костях. Литературные жанры вполне способны исчезать, особенно такие узкоспецифические. Совсем недавно, на наших глазах, благополучно скончалась «твердая» научная фантастика. Кому сейчас интересны проникновенные описания изобретения разных синхрофазотронов? Никому. А когда-то зачитывались.

Придет ли что на смену фэнтези или окончательно воцарятся темные силы злобной реальности? А, может быть, строго по своим канонам, жанр волшебным образом возродится? Пока говорить рано. Недавно я взял в библиотеке свежую книжку очень традиционного фэнтези и вот что обнаружил. В конце книги, после авторской даты создания текста (где-то летом 2004-го) некто приписал ручкой: «А я в это время летел из Ханкалы в Моздок после трех месяцев командировки. Вас бы туда, сразу бы всю эту дурь из головы выбило». Возразить нечего, кроме одного. Судя по всему, неизвестный боец книжку все-таки прочитал от начала до конца. Зачем-то она была ему нужна. И это внушает определенные надежды.

Дмитрий Виноградов

КОНЕЦ ЛИТЕРАТУРЫ

Книжный рынок в России оценивается в 2 млрд. долларов

Февраль, 1837 год, в России нет интернета и не будет еще 157 лет. Нет ни телевиденья, ни радио, ни кино, ни глянцевых журналов. Темнеет, люди рано ложатся спать или, в лучшем случае, в неверном свете свечи раскладывают пасьянсы. Все.

Вот в таких благоприятных условиях зарождалась великая русская Литература. Тысячи высокообразованных богатых людей с изрядным запасом свободного времени, интеллектуальная элита, определяющая лицо российского общества тех времен, не знающая иных форм умственной жизни, кроме как выражать себя письменно в процессе постоянного чтения. Благодатнейшая аудитория, она же — среда развития, для которой литература — неотъемлемая часть жизни, единственный способ осмысленного существования.

Наши классики, включая Федор Михайловича, были популярными, актуальными писателями, да и финансово через свои литературные труды они не были ущемлены: гонорары позволяли и на рулетке упражняться, и в Европе на водах расшатанные нервы поправить. Но не потому, что люди, дескать, были умнее, а писатели сразу рождались классиками — литература была в другом статусе. Печатное слово было единственным, повторю, ЕДИН-СТВЕННЫМ, способом интеллектуальной жизни, причем как со стороны писателя, так и со стороны читателя. Розанов В.В. вспоминал, что гимназистами они собрались по воскресеньям в пустующем здании гимназии и читали вслух Некрасова.

Состоявшийся писатель XIX века — это богатый, общественно значимый человек, властитель дум, носитель идей, проводник идеологий, духовный авторитет и т.п. Вся культура творилась в «двух столицах», в узком слое нескольких сотен тысяч человек, духовно никак не связанных со стомиллионной крестьянской Россией, и в центре этой культуры находилась Литература: «В столицах шум, гремят витии, / Кипит словесная война, / А там, во глубине России — / Там вековая тишина». Высокообразованная, состоятельная, замкнутая на себя элита, погруженная в литературно-

общественную жизнь, – вот рецепт великих творений. Как только в 1917 году в контекст культуры ввели народ – искусство стало массовым (цирк, кино, радио и т.п.), литература – жанровой.

Определенный ренессанс случился в 60-70-х годах XX века. Массовые виды заидеологизированы до полного непотребства, жанры убиты соцреализмом. В больших городах на базе НИИ и «ящиков» власти сформировали относительно закрытую, интеллектуально раскрепощенную, материально обеспеченную тусовку научных работников. И понеслось! В условиях интеллектуального вакуума Вознесенский и Евтушенко собирают в Москве стадионы, появляются книги поколений – «Лезвие бритвы», «Звездный билет», «Трудно быть богом» и т.д. Расцветает диссидентская литература, «Архипелаг ГУЛАГ» – икона советского свободомыслия. И вновь продолжается бой, «поэт в России больше, чем поэт!» Вы можете сейчас назвать или хотя бы представить книгу, которую прочитали все и которая определила мировоззрение целого поколения?

Перестройка положила конец «особой» роли литературы. Обществом правят СМИ, литература превращена в товар. Есть товар массовый, жанровый, есть камерный, высокоинтеллектуальный, платят относительно мало, спрос умеренный. Интерес к чтению падает, тиражи, соответственно, тоже. Если перевести российскую литературу в маркетинговые термины, то рынок явно стагнирует, предпочтения потребителей смещаются в сторону аудио-визуальных продуктов, с рынка уходят старые поколенческие бренды, новые не формируются.

Если выбранный вектор общественного развития не изменится, а он не изменится, пока не кончатся нефть и газ, то поколение тридцатилетних — это последнее поколение в российской литературе. Последнее поколение, пытающееся говорить, а не продавать или, хотя бы, сначала говорить и лишь потом — продавать. Литература вырождается в жанр с платежеспособной целевой аудиторией, с хорошо продуманным позиционированием, с обратной связью с потребителем. Это не хорошо и не плохо, это объективная реальность.

На канале ТВЦ показали ток-шоу с темой «Что мы знаем о современной поэзии? И нужна ли она вообще сегодняшней России?» Поэты витийствовали, издатели плакались, публика голосовала, страсти кипели, ответ: «ДА!» Ерунда полная, поэзия нужна Рос-

208 Павел Волов

сии, когда гимназисты устраивают чтения Некрасова, когда поэтические вечера Евтушенко и Вознесенского собирают огромные залы, когда похороны Высоцкого превращаются в многотысячную демонстрацию. Сегодня поэзия или, если смотреть шире, Литература нужны нескольким десяткам тысяч человек, представляющих собой крайне разношерстную публику. Не надо строить иллюзий, не надо питать ложных надежд — Литература в России умирает, воскресение возможно либо при диктатуре, либо при невиданном расцвете общества с формированием вокруг крупных научных и образовательных центров устойчивой интеллектуальной элиты.

- P.S. «Читающая аудитория в РФ быстро уменьшается. Социологи Левада-Центра выделяют несколько причин, по которым люди все меньше обращаются к литературе, в их числе отсутствие времени и бурное развитие электронных медиа...».
- P.P.S. «По данным исследования Российской национальной библиотеки, читательская активность граждан $P\Phi$ падает (активными читателями назвали себя в 2006 г. только 23% граждан, а 37% признались, что вообще не читают книг)...».

ПАРАБЕЛЛУМ, ДОРОГАЯ! ПАРАБЕЛЛУМ, ДОРОГОЙ?! (из цикла «Притчи»)

Жил себе Павлуха, не тужил да вот надумал жениться. Но человек он был осторожный, с бухты-барахты такого рода поступки совершать не мог и решил всё загодя продумать. Лёг на диван и стал всевозможные варианты рассматривать. И всё вроде бы складно получалось, да вот только одна тема не давала ему покоя. А именно – вдруг жена блядовать начнёт? Ведь всяко может быть, вон, вокруг поглядишь, сколько разврата да прелюбодеяния.

И не спал Павлуха всю ночь. То чай пьёт сидит, то глаза закроет и посвистывает, то вперится в потолок и сидит так, не мигая. И надумал Павлуха наутро вот что. Куплю-ка я, говорит он сам себе, загодя парабеллум. Спрячу до свадьбы в место укромное. А после буду втайне с собой носить. И случись такое, что возвращаюсь я из командировки неожиданно или вообще откуда-нибудь раньше срока, а жена моя в постели свежей блядует, то достану я преспокойненько парабеллум и скажу с улыбкой, глядя ей в глаза:

– Парабеллум, дорогая!

А она в испуге ответит мне, подскакивая:

– Парабеллум, дорогой?!

Тут я дуло на неё направлю и пальну прямо в лобешник, а после и хахаля её (или хахалей – смотря сколько их там будет) грохну. Поплачу над хладным трупом суженой, милицию вызову и сдамся. И в тюрьму сяду надолго. Ну и пускай. В конце концов, нечего блядовать.

Довольный, заснул Павлуха. Долго спал – день весь, ночь, а потом встал и пошёл газету покупать с объявлениями о знакомствах. Полистал, несколько объявлений для себя отметил и давай знакомиться.

Долго ли, коротко ли, а вот улыбнулась ему удача. Начали встречаться, вроде как все гладко и ладно... И, подумав и всё взвесив, расписались. Была и свадьба, конечно, но речь не о ней.

Прошёл месяц медовый, и начались трудовые будни. И зорко Павлуха следил за суженой своей. То, понимаешь, в восемь уйдёт, а в девять уже домой возвращается — дескать, позабыл документы,

то объявит торжественный ужин при свечах, а сам в командировку рванёт без предупреждения. И всё ради того, чтобы карты жене и её гипотетическому любовнику спутать. Ну и парабеллум всегда при нём был на случай драматической развязки.

Шло время. Жена к выкрутасам мужниным привыкла уже, с пониманием относилась и даже внутренне чувство глубокого удовлетворения испытывала. Правда, про пистоль она знать ничего не знала.

И вот, как-то раз, лёжа с женой в кровати, перед самым сном поведал Павлуха о парабеллуме своём и всей предыстории. Жена поначалу не поверила, но стоило Павлухе парабеллум свой продемонстрировать, как ужаснулась было жена, а потом успокоилась и даже по голове погладила супруга. А у Павлухи вроде как и камень с души упал.

И с тех пор повелась в семье любопытная традиция. Время от времени Павлуха произносил коронную фразу:

– Парабеллум, дорогая!

После чего супруга томно вздыхала:

– Парабеллум, дорогой!

И бросались в объятия друг друга, и предавались плотским утехам. И такими красками у них после этой находки жизнь интимная заиграла, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

А парабеллум, надо доложить, с тех пор только дома и хранился.

И вот как-то раз, в кресле сидя, супруга Павлухина парабеллум достала, в руках повертела, поиграла и призадумалась: «А что, если мушку вот эту спилить для начала? А потом перед приходом мужниным смазать ствол?» И томно так глаза закатила. Тут же напильник схватила, за час мушку на нет свела, переоделась в пеньюар, ствол парабеллума как следует смазала и стала с нетерпением мужа дожидаться...

Не успел Павлуха ключом дверь открыть, как услышал из спальни голос супруги:

– Парабеллум, дорого-ой!

Павлуха, не долго думая, одежды в коридоре сбросил и поскакал в спальню с воплем:

– Парабеллум, дорогая!

Но стоило только Павлухе нашему перед супругой предстать, как та вдруг направила пистолет прямо в грудь Павлухину и всадила не спеша в него всю обойму...

* * *

Чувствую, как содрогнулся сейчас читатель. С чего, ну с чего вдруг жена мужа грохнула? Заподозрила в измене? Да нет, чист был Павлуха. Случайно на курок нажала? Нет, ведь она всю обойму до конца расстреляла. Да, согласитесь, непонятно. Мне, в общем-то, на первый погляд тоже.

Но... не надо терзаться догадками и сомнениями, дорогой ты мой читатель. Всему виной – женская логика. Пресловутая и непостижимая. Да и Антошу Чехонте что-то вдруг захотелось уважить...

НЕСКОЛЬКО ИСТОРИЙ О МОЕМ СОСЕДЕ ВИКТОРЕ ИВАНОВИЧЕ (Из цикла «Коммуналка»)

Виктор Иванович

Был у меня сосед. Звали его Виктор Иванович. У Виктора Ивановича был роскошный рыжий кот, толстый и довольный жизнью. Кот любил тихонько открывать дверь в мою комнату и одним глазом подглядывать за тем, что я делаю. Оглядываешься случайно и видишь, как в темноте фосфоресцирует желто-зеленый кошачий глаз. Если я делала резкое движение, кот подскакивал и с топотом убегал к себе. Виктор Иванович был хорошим переводчиком с китайского. Он и внешне старался походить на китайца — брил голову и смотрел на жизнь слегка прищурившись. Иногда он терял в коридоре бумажки, на которых были мелко-мелко написаны иероглифы.

Кот

Виктор Иванович и его кот жили душа в душу. Каждый день Виктор Иванович приоткрывал дверь своей комнаты, и кот выходил в коридор погулять. На улицу его не пускали. Если ктото оставлял приоткрытой входную дверь, и кот высовывал в щель свой любопытный нос, Виктор Иванович качал головой и говорил: «Джерри, туда нельзя! Там голод!!!» И кот тут же бежал обратно в комнату. Виктор Иванович утверждал, что в Джерри живет душа сиамского принца. Кормил он его самым дорогим кошачьим кормом и всегда сильно переживал, если у кота по каким-то причинам пропадал аппетит. Два раза в день он вычесывал кота специальной деревянной расческой. Раз в год Виктор Иванович ездил отдыхать. Для кота наступала полоса страданий, так как его обычно отдавали на время каким-нибудь знакомым, которые потом рассказывали, что Джерри почти ничего не ест, все время сидит под кроватью и отказывается вступать с хозяевами в контакт. Когда Виктор Иванович возвращался, то обиженный кот около недели к нему вообще не подходил, и только потом снова позволял себя гладить и вычесывать. Летом друзья звали Виктора Ивановича пожить на даче, но он всегда отказывался: «У меня кот!» Да и вообще были они на удивление похожи – и по привычкам, и по выражению лица...

Женщины

Виктор Иванович был женоненавистником. Он считал женщин истеричными дурами и старался держаться от них подальше. Однажды утром я проснулась от громкого крика. «Все бабы – дуры, а Вы – еще дурнее!!!» – кричал в нашем гулком коридоре Виктор Иванович. Ему слабо возражал какой-то незнакомый женский голос. Наконец, хлопнула входная дверь, щелкнул замок, нервно прошаркали до ванной и обратно тапочки Виктора Ивановича, и все стихло. Потом он рассказывал, что в дверь его комнаты постучали. Он открыл и увидел совершенно неизвестную женщину, которая поздоровалась с ним и спросила: «Вы жену искали? Вам жена нужна?» «Представляете, Аня, – кипел гневом Виктор Иванович, – спрашивать-то она спрашивает, а сама так и норовит в комнату зайти! Так и заглядывает! Ну, я вытеснил ее за порог, дверь за собой закрыл и сказал ей все, что думаю...» Виктор Иванович пытался выяснить, кто прислал эту таинственную незнакомку и как она попала в наш коммунальный коридор, но ничего узнать ему так и не удалось. Загадка осталась нераскрытой.

Элизабет Тейлор

«Мало ли кто чего хочет! Вот я, например, всю жизнь хочу Элизабет Тейлор!!!» – говорил Виктор Иванович, если у человека возникали какие-то нереальные на его взгляд желания. Самыми любимыми его изречениями были: «Сиди спокойно на пороге своего дома, и когда-нибудь мимо тебя пронесут труп твоего врага»; «Сидеть на вершине горы и наблюдать за битвой тигров у ее подножия». Первая фраза подчеркивала незначительность личных человеческих пристрастий, вторая снимала с человека ответственность за священное дело отмщения, третья проповедовала принцип невмешательства в чужие дела. И этих трех изречений Виктору Ивановичу вполне хватало на все случаи жизни.

Маленькая белая бумажка

Виктор Иванович отличался деликатностью и любовью к витиеватым высказываниям, суть и цель которых не всегда можно было

214 Анна Сапегина

понять сразу. Однажды он рассказал такую притчу: когда его деду пришло время жениться, прадед разбудил его рано утром и повел на улицу; там он вытащил из поленницы одно полено и бросил его на дорогу, а сам вместе с сыном спрятался за плетень; прошла одна девушка — пнула полено, прошла другая — перескочила, и только третья девушка остановилась, подняла полено и аккуратно положила его обратно в поленницу. «Вот твоя невеста!» — сказал прадед деду Виктора Ивановича... В конце поучительного рассказа оказалось, что вся история была рассказана ради маленькой белой бумажки, уже третий день валявшейся на полу в коридоре.

Моя личная жизнь

К моей личной жизни Виктор Иванович относился с большим уважением. Он называл эту сферу «третьей корзиной» и никогда никаких вопросов по этому поводу не задавал. Если кому-нибудь из звонивших в мое отсутствие случалось спросить, где я и когда вернусь, Виктор Иванович не упускал случая отчитать незадачливого собеседника. «Аня, она же молодая девушка! – говорил он с искренним возмущением. – Я не знаю, где она. А и знал бы, все равно бы Вам не сказал!» При этом на самом деле Виктор Иванович почти всегда был в курсе происходящего. Если у него не было достоверной информации, он строил догадки, собирал случайные обмолвки, услышанные фразы из телефонных разговоров, выискивал скрытый подтекст в наших вежливых беседах на кухне. Иногда, правда, ему случалось ошибаться и довольно сильно. Подводила богатая фантазия.

Псой Короленко

У Виктора Ивановича время от времени возникало желание приобщиться к современной культуре. То он брал у меня почитать Милана Кундеру, то – «Хазарский словарь» Милорада Павича. Первый ему даже понравился, ну а вторая книжка была возвращена с пожатием плеч и словами: «Нет, Аня, это не для средних умов». Не знаю уж, каким образом Виктор Иванович наткнулся на Псоя Короленко, наверно, где-то прочел интервью или услышал передачу по радио (он постоянно слушал «Эхо Москвы»), но одно время он мне просто покоя не давал – стоило выйти на кухню, как начинались рассказы о том, какой этот Псой Короленко сложный и многогранный. При этом ни одной песни Виктор Иванович еще

не слышал. Наконец, ему удалось раздобыть кассету и, увы, тут же наступило разочарование. «Нет-нет, это не для средних умов», – вздыхал он теперь, появляясь на кухне с кастрюлькой овсянки.

Журнал «Новый мир»

Однажды ночью я услышала странный шум, как будто минут пять подряд на пол падало что-то тяжелое и мягкое. На следующий день Виктор Иванович позвал меня к себе и показал огромную кучу журналов, разбросанных по всему полу его комнаты. «Вот посмотрите, Аня, — сказал он, — какая библиотека ко мне нападала!» Как выяснилось, когда-то хитрые соседи вместо того, чтобы заделать проем в стене досками, заложили его экземплярами «Нового мира», которые, прорвав ночью обои, свалились в комнату к Виктору Ивановичу. Там была вся подборка журнала за конец 60-х, 70-е и 80-е годы. Потом эта куча долго пылилась в коридоре, пока соседи не вывезли ее то ли на дачу, то ли на помойку.

Лимон

Кроме кота, у Виктора Ивановича был еще огромный лимон, росший в коричневом глиняном горшке. К лимону Виктор Иванович тоже относился очень хорошо. Примерно раз в три месяца он относил растение в ванную и протирал каждый листок мокрой тряпочкой. Когда Виктора Ивановича надолго положили в больницу, он принес лимон мне и попросил за ним поухаживать. «Вот, Аня, — сказал он, — будете смотреть — если у лимона листья зеленые, значит, и у Виктора Ивановича все в порядке». После этого, конечно, пришлось поливать растение два раза в день — утром и вечером.

Друзья

Каждый год Виктор Иванович с размахом праздновал свой день рождения, приглашая на него своих друзей и бывших сослуживцев. За два дня до события к нему с целью уборки помещения присылалась чья-то родственница. Виктору Ивановичу это не нравилось, он говорил, что потом не может ничего у себя найти. В этот день с самого утра Виктор Иванович начинал готовить. Обычно он из-за диабета питался гречневой кашей и овсянкой, но тут разрешал себе развернуться. К вечеру начинали съезжаться друзья—серьезные дяденьки в пиджаках, особенно не распространявшиеся

216 Анна Сапегина

насчет места своей работы. Пару раз Виктору Ивановичу удавалось зазвать меня к себе. За столом я чувствовала себя несколько неуютно — все время казалось, что профессиональные взгляды гостей просвечивают насквозь, выпытывая самые тайные мои мысли. Поэтому участие в дне рождения я старалась ограничить предоставлением Виктору Ивановичу двух своих стульев — в этот торжественный день имеющейся мебели ему катастрофически не хватало.

Риэлторы

Однажды в нашей квартире появились риэлторы. Один был высокий и нахальный, другой — маленький и занудный. «Нет! Этого сделать нельзя! Ничего не получится!» — печально озирая запущенное коридорное пространство, говорил первый. «Ну, почему же, надо подумать, поразмыслить, прикинуть... Может, и выйдет...», — отвечал ему второй. Первый наскакивал, второй осторожно подгребал вслед за ним. Этот союз, очевидно, обычно действовал безотказно, однако тут на пути риэлторов встал Виктор Иванович. Сначала он пресек все попытки зайти к нему в комнату, потом внимательно выслушал — и наотрез отказался иметь с ними дело. «Аня, это — жулики!» — сказал он мне, когда парочка ушла. В дальнейшем с риэлторами Виктор Иванович даже не разговаривал, а просто поворачивался к ним спиной и скрывался в своей комнате.

Шампанское

Слабое место Виктора Ивановича обнаружилось, когда в квартире появилась маленькая девочка. Выяснилось, что с детьми он обращается очень уважительно, на равных, с большим интересом относится ко всем их вопросам и потребностям. По настоянию родителей Виктор Иванович стал давать девочке уроки китайского языка, а потом и помогать делать задания по английскому. В китайском он разбирался прекрасно, а вот в английском – не очень, и потому в трудных случаях обычно обращался за помощью ко мне. В благодарность за очередное сделанное задание Виктор Иванович вручал бутылку шампанского и коробку конфет. Я пыталась отказываться, говорила, что не люблю шампанского, но он был непреклонен. Постепенно у меня дома скопилось около двадцати бутылок.

Конец

Виктор Иванович постучал в мою дверь и спросил, не я ли сижу в интернете и занимаю телефон. Телефон занимала не я. Цвет лица у Виктора Ивановича был каким-то странным, почти темносерым. Через пять минут прибежал один из жильцов и попросил сказать наш адрес диспетчеру скорой помощи. Виктор Иванович неподвижно лежал на полу своей комнаты, жилец пытался сделать ему искусственное дыхание. Скорая приехала через двадцать минут. Врачи констатировали смерть. Все это время кот сидел под кроватью и выл почти как собака. Когда пришли выносить тело, пришлось кровать загородить досками — кот шипел и кидался на вошедших в комнату. Тело унесли, двери опечатали, кота забрали наследники, лимон временно отдали мне. На новом месте кот не пил и не ел и через три дня помер. Лимон потерял половину листвы, но потом выправился. Через полгода я вернула его наследникам. Этим летом мы допили последнюю бутылку шампанского...

Сведения об авторах:

Роман Арбинман родился в 1962 г., окончил филологический факультет Саратовского университета, статьи о современной (в т.ч. и массовой) литературе публикуются в различных газетах и журналах. Автор «Истории советской фантастики» (1993, под псевдонимом «Р.С. Кац»). Под именем Льва Гурского пишет романы в жанре «ехидного детектива»; по его книге «Перемена мест» снят телесериал «Д.Д.Д. Досье детектива Дубровского». Живет в Саратове.

Тамара Буковская родилась в 1947 г. в Петербурге, окончила филологический факультет Петербургского университета. Более 30 лет работает во Всероссийском музее А.С. Пушкина. Редактор самиздатского журнала «АКТ – ЛИТЕРАТУРНЫЙ САМИЗДАТ». Печаталась в самиздате: «Фиоретти», «37», Часы», «Транспонанс», «Северная почта» и пр. Стихи публиковались в журналах и альманахах: «Нева», «Звезда», «Аврора», «ЧП», «Новый мир», «Футурум-Арт», «Зинзивер», «ЧЖ», «Черновик», «Крещатик», «Дети Ра» и др. Книги стихов: «Отчаяние и надежда» (Л.: Художественная литература, 1991); «ReRe» (СПб., 1993); «Стихи» (совм. с Каем Боровски; СПБ., 1994); «Джакомерон» (СПб.: Редкая книга из Санкт-Петербурга, 1995); «Свидетельство очевидца» (СПб., 1999), «Невещественное доказательство» (СПб.: Собрание АКТуальных текстов, 2002); «ЫХ» (СПб.: Собрание АКТуальных текстов, 2006). Стихи переведены на французский, английский, итальянский и немецкий языки. Живет в Петербурге.

Дмитрий Виноградов* родился в 1968 г., окончил истфак ТвГ $\hat{\mathbf{y}}$; автор нескольких самиздатских поэтических сборников. Живет в Твери.

Павел Волов (double_dealing) родился в 1972 г. в Тольятти, окончил экономический факультет ТвГУ, публиковался в тверской прессе и в Интернете. Живет в Москве.

Мария Глушкова (runetka) родилась в 1976 году. Публиковалась в журналах «Арион», «Воздух», поэтических альманахах литературного объединения «Питер», альманахе «Термитник», электронном журнале «РЕЦ». Участник фестивалей «Стрелка» (Нижний Новгород, 2005, 2007), «СЛОWWO» (Нижний Новгород, 2006). Живет в Нижнем Новгороде.

Анна Голубкова (литературный псевдоним Анна Сапегина; anchentaube) родилась в 1973 г. в Твери, окончила исторический факультет ТвГУ (1995), филологический факультет МГУ (2002), кандидат филологических наук (2006), статьи и рецензии публиковались в научных сборниках, в журналах «Октябрь», «Знамя» и «Энтелехия». Сборник «Школа жизни» (Тверь, 2004); также рассказы публиковались в журналах «Нева» (2006, № 1), «День и ночь» (2006, № 11) и «Знание-сила» (2007, № 2). С 1997 г. живет в Москве.

Данила Давидов* родился в 1977 г. в Москве, окончил Литературный институт; кандидат филологических наук. Лауреат Независимой молодежной литературной премии «Дебют» 2000 г. (номинация «малая проза). Стихи, проза, литературная критика и эссеистика, филологические работы публиковались в журналах «Новый мир», «Критическая масса», «НЛО», «Воздух», «Арион»» и др.; в различных альманахах, сборниках и антологиях. Стихи переведены на албанский, итальянский, французский, украинский языки. Поэтические книги: «Сферы дополнительного наблюдения» (М., 1996), «Кузнечик» (М.: АРГО-РИСК, 1997), «Добро» (М.: «Автохтон», 2002), «Сегодня, нет, вчера» (М.: АРГО-РИСК, 2006); книга прозы «Опыты бессердечия» (М.: АРГО-РИСК, 1999). Живет в Москве.

Дмитрий Данилов (ddanilov) родился в 1969 г., работает редактором в журнале «Русская жизнь», публиковался в альманахе «Топос», в журналах «Популярная психология», «Крокодил», «Новый мир» (2007, № 10); на сайтах «ТекстОнли», «Полутона», «Топос», «Сетевая словесность»; личный сайт — http://ddanilov.ru. Автор двух книг прозы: «Черный и зеленый» (СПб.: Красный матрос, 2004) и «Дом десятъ» (М.: Ракета, 2006). Живет в Москве.

Алексей Денисов (ramdler) родился в 1968 г. во Владивостоке. Руководил городским литературным объединением «Серая лошадь», был куратором одноименного сетевого литературного проекта (2002-2004, законсервирован). Первый лауреат Малой премии «Москва-транзит» (2001). Публиковался в антологиях «Нестоличная литература», «Девять измерений», «100 лет поэзии Приморья», «Черным по белому»; в журналах и альманахах «Знамя» (2000, № 10; 2004, № 8), «Серая лошадь», «Авторник» и др. Книги стихов: «Твердый знак» (Владивосток, 1995), «Нежное согласное» (М.: АРГО-РИСК; Тверь: KOLONNA Publications, 2000), «Хепіа» (М.: ОГИ, 2001). С 2000 г. живет в Москве.

Andрей Емельянов (andy-cannabis) родился в 1976 г. в г. Георгиевске (Ставропольский край), образование среднее, пишет стихи и прозу, публиковался в журнале «Акт» (№ 19); наград, премий не имеет. Личный сайт – http://cannabis.ucoz.ru. С 2005 г. живет в Набережных Челнах.

Николай Звягинцев (zvyagintsev) родился в Подмосковье в 1967 году, архитектор по образованию, работает в рекламе. Публикации: «Вавилон», «Авторник», антология «Самиздат века», антология «Девять измерений», журнал «Волга», альманах ЛИА Р. Элинина; газеты: «Независи- \overline{V} авторов, отмеченных *, полную справку см. в выпуске 2.

мая», «Гуманитарный фонд» и т.д. Книги: «Спинка пьющего из лужи» (М.: АРГО-РИСК, 1993), «Законная область притворства» (М.: АРГО-РИСК, 1996); «Крым НЗ» (М.: ОГИ, 2001). Живет в Москве.

Кристина Зейтунян-Белоус родилась в Москве в 1960 г. Художник, поэт, переводчик. Рисунки печатались в книгах, журналах и газетах. Живет в Париже.

Ольга Зондберг (hmafa) родилась в 1972 г. в Москве, окончила химический факультет МГУ. Сборники стихов «Книга признаний» («АРГО-РИСК», 1997), рассказов «Зимняя компания нулевого года» («АРГО-РИСК», 2001), последний позднее был включен в книгу «Очень спокойный рассказ» («НЛО», 2003). Тексты переводились на английский и итальянский языки. Живет в Москве

Вадим Калинин (krasnaya_ribka) родился в 1973 г. в Москве, окончил Московский университет леса, работает дизайнером, в качестве книжного графика оформил несколько десятков книг, преимущественно издательства «АРГО-РИСК», в том числе книги Г. Сапгира, Н. Горбаневской, Н. Искренко, А. Ожиганова и др. Один из основателей (1989) Союза молодых литераторов «Вавилон». Публикуется с 1992 г. (газета «Гуманитарный фонд»). Стихи и рассказы печатались в в журналах и альманахах «Вавилон», «Соло», «РИСК», «Митин журнал», «Авторник», «День и ночь» и др., а также в составленных Максом Фраем сборниках новой прозы «Книга Непристойностей» и «Книга Извращений». Отдельно изданы книга прозы «Килограмм взрывчатки и вагон кокаина» (2002; опубликована также в переводе на итальянский язык, 2005) и сборник стихотворений и графики «Пока» (2004). В настоящее время периодически публикуется в журнале «НА!!!», вместе с Валерием Нугатовым проводит литературно-музыкальный перформанс «Густопсовый Рассвет». Живет в г. Мытищи Московской области.

Геннадий Каневский (gaika_tool) родился в 1965 г. в Москве, окончил Московский институт радиотехники, электроники и автоматики. Работает редактором корпоративного журнала по электронике. Публиковался в журналах «Знамя», «Октябрь», «Новый берег» (Копентаген), «Волга-ХХІ век» (Саратов), «Таллинн». Несколько раз побеждал в турнирах поэтического СЛЭ-Ма (в паре с Анной Русс). Поэтические книги: «Провинциальная латынь» (Симферополь: Вариант, 2001), «Мир по Брайлю» (СПб.: Геликон Плюс, 2004), «Как если бы» (СПб.: Геликон плюс; Амфора, 2006). Живет в Москве.

Йюрь Лёвшин (ilevshin) родился в 1958 г. в Москве, окончил Московский институт стали и сплавов, работал на ускорителе электронов в ФИАНе. Дебютировал в конце 1980-х гг. в самиздате (альманах «Эпсилон-салон», «Третья Модернизация», сборник «Видимость Нас»; 2 стихотворения вошли в антологию «Самиздат Века»). Наряду с прозой публиковал также стихи и короткие пьесы. Регулярно печатался в журналах «Черновик», «Новое литературное обозрение», «Современная драматургия». Книга: «Жир Игоря Лёвшина» (М.: Издание Р.Элинина, 1995). Сайт www.ilevshin.com. Живет в Москве.

Массимо Маурицио* (maurussomax) родился в 1976 г. в Турине, окончил филологический факультет Туринского университета и аспирантуру в Миланском университете, публиковался в русских и итальянских журналах и сборниках статей. Живет в Москве и Турине.

Теоргий Манаев (литературный псевдоним Андрей Моль; manaev, a_moles) родился в 1984 г. в Москве, окончил Историко-архивный институт, аспирант ИРИ РАН. Редактор раздела «Медиатека» сайта «Новая литературная карта России». Автор книги поэтических переводов «Трансляции» (СПб., 2004). Живет в Москве.

Валерий Мишин родился в 1939 г. в Симферополе, окончил живописный факультет ЛВХ-ПУ им. Мухиной. Печатался в журналах «Арион», Новый журнал», Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Черновик», «Воздух» и др.; в различных антологиях, сборниках и периодических изданиях. Соиздатель самиздатских журналов «АКТ», «СЛОВОЛОВ», «ЛИТЕРАЧЕ». Сайт журналов: www.slovolov.ru. Выпустил книги: «ЧТО КТО» (СПб.: Тема, 2000); «ГЕРМАН-ПЕ-ЧАТНИК» (СПб.: Формика, 2001); «ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ...» (СПб.: Пленэр-Т, 2001); «ТАК» (СПб.: Лакруа, 2003); «Смотреть и слушать» (СПб.: Галина скрипсит, 2004); «МОΝТЕНЬ» (СПб.: Деан, 2004); «Антракт» (СПб.: Собрание актуальных текстов, 2006); «Улитка полэёт по склону» (СПб.: САТ, 2007). Стихи переводились на немецкий и финский языки. Живет в «Петербурге.

Харитон Мольищев родился в 1972 г., окончил факультет прикладной математики и кибернетики ТвГУ. Публикации: не известно. Живет в Твери.

Владимир Никрипин (nikritin) родился в 1974 г. Поэт, прозаик, музыкант. Участвует в перформансах многих московских (и не только) поэтов. На данный момент занят в музыкальном проекте Андрея Родионова «Окраина» вместе с Игорем Жевтуном (экс-«Гражданская Оборона») и Тимуром Латфуллиным («Чернозём», «Тимур и его команда»). Публикации немногочисленны. Живет в Москве.

Валерий Нугатов (nougatov) родился в 1972 г. в Полтаве (Украина). Окончил факультет русского языка и литературы ПГПИ им. В. Г. Короленко. Стихи и проза публиковались в журналах и альманахах: «Вавилон», «Воздух», «Абзац», «Черновик», «Техt-only», антологиях «Девять

измерений», «Освобожденный Улисс»; сборниках «Уксус и крокодилы» (2007) и «Зондберг. Нугатов. Соколовский» (1999). Изданы книги стихов: «Фриланс» (2006), «Недобрая муза» (2000). Дипломант премии «Московский счет» (2007). Организатор альтернативного поэтического фестивал (2006). Переводы с английского и французского языков (А. Гинзберг, Дж. Фаулз, У. Б. Йейтс, М. Метерлинк, И. Уэлш, Р. Кено, Ж. Батай, англо-американская сюрреалистическая поэзия, С. Зонтаг, М. Левицкая, Г. Витткоп, П. Боулз, Дж. Парди и др.) публиковались крупнейшими издательствами России и Украины. С 2002 г. живет в Москве.

Анна Орлицкая (acc_pl) родилась в 1988 г., учится в Институте лингвистики РГГУ. Организатор и куратор Литературного Проекта РГГУ. Публиковалась в университетской газете «Аудитория», в сборнике «День открытых окон» (2007). Живет в Москве.

Порий Орлицкий родился в 1952 г. в Челябинске, окончил филологический факультет Куйбышевского университета, доктор филологических наук, профессор. Автор более 500 статей по теории стиха и прозы и современной русской литературе, трех литературоведческих книг (наиболее значительная из них − «Стих и проза в русской литературе», М., 2002). Организатор и участник 14 фестивалей русского свободного стиха. Как поэт печатался в «Антологии русского верлибра», альманахах и коллективных сборниках «День поэзии» (Москва), «Поэзия», «Стрелец», «Своим путем», «Речитатив», «Время "Ч"», «Вчера, сегодня, завтра русского верлибра», «Коломенский альманах», «Итоги века», «Легко быть искренним», «Самое выгодное занятие», «По непрочному воздуху», «Перелом ангела», «Акт», «Черновик»; журналах «Арион», «Футурум-Арт», «Литературное обозрение», «Аутодафе», переводил Т. Элиота, Э. Паунда, других американских поэтов. Книги стихов: «Избирательная память» (Самара, 1991); «Стихи» (М.: Моск. Гос. музей Вадима Сидура, 1996); «Стихи. 1970-е − 1990-е» (М.; Тверь: Изд. дом «Юность», 1999). С 1996 г. живет в Москве.

Федор Сваровский (ry_ichi) родился в 1971 г. в Москве, в 1990 г. эмигрировал из СССР в Данию, вернулся обратно в Москву в 1997 г. Главный редактор «Ведомости ФОРУМ» - аналитического приложения к газете «Ведомости», программный директор отдела конференций газеты «Ведомости». Публиковался в журналах «Крещатик», «Воздух», «Новый мир». Книга стихов: «Все хотят быть роботами» (М.: АРГО-РИСК, 2007).

Андрей Сен-Сеньков* (sensensen) родился в 1968 г. в Таджикистане, окончил Ярославскую медицинскую академию, публиковался в журналах: «Вавилон», «Арион», «Черновик» (США), «НЛО», «Воздух» и др.; в различных антологиях и сборниках. Поэтические книги: «Деревце на склоне слезы» (1995), «Живопись молозивом» (1996), «Тайная жизнь игрушечного пианино» (1997), «Танец с женщиной, которая немного выше» (2001), «Дырочки сопротивляются» (2006) (все − изд-во «АРГО-РИСК», Москва). «Заостренный баскетбольный мяч» (Челябинск: Энциклопедия, 2007). Стихи переведены на английский, французский, немецкий, итальянский и голландский языки. С 2002 г. живет в Москве.

Сергей Соколовский (hzzh) родился в 1972 году в Москве, окончил среднюю школу. В начале девяностых занимался наркоторговлей и порнобизнесом, после перешел к литературной и редакторской работе. Как следствие – многочисленные публикации в различных малотиражных журналах и альманахах, издательские проекты («Автохтон», Soft Wave). В последние годы практически отказался от публичной литературной деятельности в связи с тяжело переживаемой личной драмой и невыносимой общественной атмосферой. Примерный семьянин, отец двух дочерей. Близкий родственник Данилы Давыдова. По латвийскому закону о реституции имеет право на владение полуразрушенной лесопилкой под Тукумсом. Верующий.

Дарья Суховей* (d_su) родилась в 1977 г. в г. Ленинграде, окончила филфак СПбГУ; стихи, проза, литературная критика и эссеистика публиковались в журналах «Воздух», «НЛО», «Черновик» и др.; в альманахах «Окрестности», «Urbi», «Улов», вестнике молодой литературы «Вавилон»; в сборниках «Анатомия ангела», «Черным по белому»; в антологиях «Время "Ч"» и «Девять измерений», в ряде научных сборников; стихи переводились на английский, итальянский и украинский языки. Автор поэтических книг: «Стихи конца апреля», «АВТОМ» (обе — СПб., 1997), «Каталог случайных записей» (М.: АРГО-РИСК, 2001). Живет в Петербурге.

Алексей Яковлев родился в 1981 году в Москве. Окончил Международный университет. Свыше 300 публикаций в российских бумажных и сетевых изданиях, около 30 — в международных издательских проектах. Книга стихов «Частности легкой жизни» (Севастополь-Москва: Товарищество Знакъ; ИД "Юностъ", 2005). Создатель и редактор сайта «Кастоправда» (www. kastopravda.ru). Концепт-редактор электронного журнала «Avantoure» (Лондон). Живет в Москве.